Журнал **«Родина»**

ФОТО ВИКТОРА ГРИЦЮКА

Журнал **«Источник»**

✉ **103009, ул. Воздвиженка, д. 4/7**
☎ **202-17-45; 202-15-93; 202-62-65**
Факс: **(095) 202-96-04**

Индекс: 73325

РОДИНА

7—1994

ISSN 0235—7089

ФОТО ГЕННАДИЯ БОДРОВА

ЖИЗНЬ В ПРОВИНЦИИ...

Что бы ни говорили
о ней,
но она строится
и развивается
все-таки
по своим законам.
В сравнении
со столицами она:
не медленнее,
а плавнее...
не скупее,
а экономнее...
не глуше,
а глубиннее...
не беднее (духовно),
а самобытнее ...
Чтобы понять ее,
в нее надо вжиться,
распробовать...
В ее особом настое —
Россия.

ФОТОГРАФИИ ГЕННАДИЯ БОДРОВА И АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

РОДИНА

№ 7 — 1994

Выходит с января 1989 г.

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина».

Родословная

Путь

Наследие

Дом

CONTENTS

Несмотря на достаточно широкую общественную потерю памяти, тяга к истории остается одной из самых устойчивых интеллектуальных традиций. По мере сил поддерживать ее — профессиональный долг нашего журнала, хотя всем нам ясно, что прошлое само по себе не снимет ни одной нашей сегодняшней боли. Но разве радостное самоопределение мысли и духа недостаточная награда?

Мне особенно близки слова Петра Чаадаева: «Умеренность, терпимость и любовь ко всему доброму, умному, хорошему, в каком бы цвете оно ни явилось, вот мое исповедание». Слава Богу, история отказывается, наконец, от роли «учителя жизни». Мы хотим просвещать, непредвзято исследовать и размышлять, уходя от однослойной «исторической правды», вместе с читателями открывая широкую историческую панораму, где нет однозначных событий, давно доказанных истин, заведомых злодеев и назначенных праведников, где мир идей, людей и вещей тесно переплетен. Мы постараемся преодолеть предвзятость и классовую ограниченность, старую манеру всех судить, не пытаясь понять. История, по удачному выражению М. Блока, —это встреча людей в веках. Мы должны сделать такую встречу братской.

*Прикосновение истории — не воскрешение Лазаря. У нее нет такой божественной силы. Можно сделать только одно — **восстановить о Лазаре память**, а она, как известно, продукт сугубо человеческий и подвержена заблуждениям и страстям.*

Нельзя навязать историческому знанию единообразную интеллектуальную модель. Всегда будет желание переосмыслить прошлое в современных понятиях, обрести собственный взгляд на отечественную историю, на место России во всемирном историческом пространстве — вчера и сегодня... «Для историка, — писал Фернан Бродель, — понять вчерашний и понять сегодняшний день — это одна и та же операция. Можно ли вообразить, чтобы страсть к истории резко останавливалась на почтительном расстоянии от современности?»

Отечественная история — это не только рациональное знание, но и духовный поиск человека, большие и глубокие чувства, личные и общественные драмы. Это Большая Книга русских судеб, и мы с вами —ее заинтересованные читатели и исследователи, а не переписыватели в угоду очередной конъюнктуре.

ВЛАДИМИР ПАНКОВ,
заместитель главного редактора
журнала «Родина»

Родословная

ФОТО СЕРГЕЯ ПОТАПОВА

Кому верить: крестьянину или реформатору?

Россия– страна городская

Архитектурный символ Руси

МЕЖДУ ВЕЛИЧИЕМ И ВЫРОЖДЕНИЕМ?

Современные публицисты и ученые продолжают разговор, начатый историками XIX и начала XX веков*

ФОТОГРАФИИ ГЕННАДИЯ БОДРОВА

ВЛАДЛЕН СИРОТКИН

«ОДУРЕЛА» ЛИ РОССИЯ?

Известный демократ и идеолог либерализма, в прошлом — один из ведущих сотрудников международного «цековского» журнала «Проблемы мира и социализма» и, по-моему, соавтор печально знаменитой шестой статьи брежневской конституции о руководящей роли КПСС в советском обществе, на провальном политическом шоу по каналу «Останкино» в ночь на 13 декабря 1993 года, угадав по мониторам успех партии Жириновского на выборах в Госдуму в российской глубинке, в сердцах воскликнул: «Россия — ты одурела!»

В сущности, этот крик души в конце XX века отражает вечный крик российской интеллигенции — от декабристов до нынешних «гайдаровцев»: почему деревенский народ, которому российские городские «яйцеголовые» два века хотят только добра, такой тупой, «одуревший» от водки, непонятливый и ленивый?

Ему же «рай» сулили и сулят при жизни — «общинный крестьянский социализм» (народники), «бесклассовое марксистское общество» (большевики), коммунизм при жизни одного поколения (Н. С. Хрущев), новое политическое мышление и общечеловеческие ценности (М. С. Горбачев), цивилизованный рынок и конвертируемые 80 руб. за один доллар (Е. Т. Гайдар), а он голосует за Жириновского, всего-то пообещавшего дешевую водку да мытье русских солдатских сапог в Индийском океане...

Вот и опубликованная в журнале «Родина» подборка из трудов русских ученых разной политической ориентации — от консерватора Константина Леонтьева до либерала Павла Милюкова — о том же: о глубинных историко-психологических истоках «одурения».

Многое в их анализе — гораздо глубже поверхностных рассуждений нынешних реформаторов-экспериментаторов. Прежде всего — это природно-географический и климатический фактор (Афанасий Щапов, 1867; Иван Сикорский, 1895*; Павел Милюков, 1901; акад. Петр Ковалевский, 1915).

Россия (особенно после распада СССР, в границах бывшей РСФСР) — единственная «приполярная» держава в Северном полушарии, где основная масса населения живет в тяжелых климатических условиях (морозы, дожди, засуха) и зонах рискованного (или вообще никакого — на огромном Севере) земледелия.

Другие сопоставимые по территории государства: США (Аляска) и Канада — имеют в таких климатических условиях не более 2—4 процентов своего населения, осваивая свои «севера» вахтово-экспедиционным методом. Мы же со времен Сталина забросили на Кольский полуостров, на Таймыр, в Норильск и на Чукотку миллионы «переселенцев», а теперь правительство В. С. Черномырдина в связи с кризисом Северного морского пути (нет топлива, жуткие цены за транспортировку, недопоставки угля, топочного мазута и т. д.) срочно разрабатывает программу быстрого вывоза «полярных беженцев» на «материк» — в среднюю полосу, иначе все они там перемерзнут.

О «приполярном» характере нашего бытия давно говорит и пишет доктор географических наук из МГУ Борис Хорев: «Россия представляет собой самый большой сгусток населения (около 150 млн. человек), ближе всего расположенный к полюсу... Россию с Канадой сравнивать нельзя. Тем более сравнивать с США — умеренно-субтропической страной...»

И тем не менее все управители России (СССР) равнялись или на США, или на Западную Европу. Помните ленинское высказывание об «американской деловитости»? хрущевскую любовь к американской кукурузе? горбачевский «европейский дом»?

А вот как всем им отвечает деревенский житель из села Малая Сердоба Пензенской области С. Пчелинцев («Общая газета», 4—10 марта 1994 г.): «Вот сейчас все говорят: фермер спасет российскую деревню. Америку, там, Голландию по ТВ показывают. Счастливые коровы... Оно понятно, фермер, конечно, не помещик, он трудяга. Но у нас в Пензе не Америка и не Голландия, у нас Россия. У нас 7—8 месяцев в году зима. И за 4—5 месяцев тепла нам в деревне надо успеть все: вспахать, забороновать, посеять, обработать, скосить, обмолотить, опять вспахать и т. д. Вот почему для крупного товарного производства в деревне нужна масса техники и масса народа в одном кулаке. Чтобы завершить все полевые работы в максимально сжатые сроки — до дождей, до снега, до морозов и т. д.».

Самое же поразительное — к этому «гласу народа» никогда не прислушивалась правящая элита ни в царской России, ни в советской, ни в «трехцветной» ельцинской, независимо от того, к какому политическому лагерю, правому или левому, она принадлежала.

В 1906 году один из авторов аграрной программы черносотенного «Союза русского народа» и ярый враг реформы П. А. Столыпина (частная собственность на землю и «фермеризация» русской деревни) профессор Д. И. Пестржецкий в своей книжке «Пищевое довольствие крестьян и принудительное отчуждение» (помещичьих земель. — *В. С.*) призывал русских крестьян, наплевав на климат России, брать пример с крестьян... Англии и Германии, где под парами (т. е. невозделанными, «отдыхающими» землями») находится всего 2—6 процентов пашни (а в России в начале XX века — до 40 процентов). Тем самым, утверждал профессор, сам собой отпадет вопрос об «отчуждении» помещичьих земель. Но ведь пары в русской нечерноземной деревне — не от «одурения», лени или беспробудного пьянства мужиков, а потому что иначе земля перестанет давать урожай. В Англии-то и в январе — вечнозеленая трава и никаких сугробов, дров для печки и ягнят-козлят в марте в избе, чтобы не замерзли в хлеву.

В Черноземье хоть ты крестьянин-общинник, хоть колхозник, хоть ельцинский фермер, но сенокос летом — максимум 20—25 дней (во Франции или США — до 90 дней). И никакие столыпинские или ельцинские фермеры, сталинские колхозники или хрущевские агрогорода природу и климат изменить не в силах, какие бы постановления ЦК КПСС или указы президента РФ ни выпускались.

И тем не менее как будто бы не черносотенцы, а самые что ни на есть коммунисты издают в 1974 году постановление ЦК КПСС и Совмина СССР — довести в Нечерноземье производство зерна до... 45 млн. тонн в год (затем, правда, скорректировали до 29 млн. тонн). И это в зоне рискованного земледелия, где своего зерна испокон веку «до Покрова» (ноября) не хватало. И немудрено, что и эта программа (как и все предыдущие) с треском провалилась, ибо никогда «коренная Россия» (Нечерноземье) не была зерновой житницей: лен, овес, овощи, молочное животноводство по пойменным лугам — вот ее сельхозпрофиль.

Все социальные эксперименты, взятые на Западе, разбивались в русской деревне о грубый природный фактор «приполярья». Даже Столыпин понял это, и перед своей гибелью сделал ставку не на «фермеризацию» крестьян Нечерноземья, а на их переселение на черноземные земли Южной Сибири, на Алтай, в Забайкалье и Приморский край.

А наши предшественники на интеллигентскому «цеху» либо восторгались фатализмом и терпением русского народа, либо писали о его «недоумочности»

* См.: «Родина». 1994. № 5, 6.

* «Заслуженный профессор» И. А. Сикорский (отец известного авиационного конструктора в США), активный член Киевского отделения «Союза русского народа», дал в 1913 году главное заключение как ученый-психиатр по «делу Бейлиса»: евреи способны на ритуальное убийство православных славян.

(историк С. Соловьев), «разнузданной теплоте... ноющей тоске» (К. Леонтьев), о том, что нет в русском мужике ничего «национального», ибо «нация» — явление «чисто социологическое» (П. Милюков).

И снова процитирую пензенского мужика, нашего современника С. Пчелинцева: «Прежде всего не могу не провести параллель между нынешними демократами и теми сытенькими, кругленькими господами дореволюционной России, которые могли себе позволить воды в Германии, беспечную жизнь в Париже или безболезненно проматывать состояния в Монте-Карло. Кто они были для нашего пензенского мужика? «Господа», «баре». Вы можете себе представить нашего русского мужика в лаптях, убивающего время на ночных улицах Парижа или выгоняющего камни на водах в Германии? Кто же для «господ» и «бар» был русский мужик? В лучшем случае — просто «любезнейший», в худшем — быдло. Причем образ жизни в помещичьей усадьбе и мужицкой избе настолько разнился, что материальные различия приобретали какую-то ярко выраженную национальную окраску. Господа, они и есть господа — живут в Германии, говорят по-французски. Для мужика они, собственно, и русскими-то не были».

То, что после гражданской войны на собственной шкуре осознала «белая» (интеллигентская) эмиграция, вытнанная взашей с Родины потомками тургеневских Герасимов из «Муму» и толстовских «кротких» Платонов Каратаевых из «Войны и мира», ныне, похоже, начинают осознавать и в ельцинской России: нет «единой и неделимой» русской нации.

Есть столичная (Москва — Петербург) интеллигенция (у власти или «напротив», то есть около нее), и есть тот самый «народ», который смотрит по ТВ не умственные рассуждения Егора Гайдара и Бориса Федорова о рынке и монетаризме, а «Санта-Барбару» и «Просто Марию» да голосуют за Жириновского, как в начале века он голосовал за кандидатов в Государственную думу от «Союза русского народа» путейского инженера Николая Маркова-второго и от «Союза Михаила Архангела» помещика Владимира Пуришкевича, одного из убийц Гришки Распутина в 1916 году.

Те ведь тоже обещали дешевую водку и если не Индийский океан, то Черноморские проливы забрать у Турции и защитить православных сербов (что было главным их лозунгом в первой мировой войне) — это уж точно.

А чем кончили? Один (Пуришкевич) умер в тифозном бараке в феврале 1920 года в Новороссийске, второй (Марков) — в эмиграции во Франции.

И оба черносотенца, как и Герцен, звонили в «колокола» своих патриотических газет, зовя Русь к топору, витийствовали в Думе не хуже «сына юриста» (Пуришкевич даже запустил в спикера графин с водой, за что был «арестован» — не допущен на 15 заседаний) и, призывая сплотиться за Веру, Царя и Отечество, организовывали в 1905—1907 годах погромы.

Эти погромы вошли в историю России как исключительно антиеврейские. А вот современный исследователь черносотенного движения (С. А. Степанов. Черная сотня в России, 1905—1914 гг. М., 1992) на основе архивных данных установил: громили не одних евреев. Им больше всех досталось преимущественно на Украине, в Киеве и Одессе. Например, за две недели самых массовых погромов в октябре— ноябре 1905 года, вызванных, кстати, манифестом царя от 17 октября об учреждении в России конституционной монархии, то есть по-современному «европеизации» (всего погромов было 358, из них в европейской России — 339, в Сибири — 7, в Закавказье — 2, в Средней Азии — 1), убили 711 евреев. Следующая категория — православные (русские, украинцы, белорусы) — 428 человек, по тогдашним понятиям — «русские». За ними — армяне (47 человек), грузины (8), латыши (2), немцы и греки (по одному).

Оказывается, убивали не только по национальному признаку, но и по... признаку образованности. В котелке, очках и с тросточкой — значит «жид» (именно за шляпу излупили в Москве Милюкова). Убивали адвокатов, учителей, врачей. Особенно много — учащейся молодежи (студентов, гимназистов). «Показательный» погром произошел в Костроме. Евреев там жило менее одного процента. Не беда — нашли «жидов» среди учащейся молодежи. Кого? Да семинаристов, сыновей православных батюшек (уж никак не евреи). В итоге — один семинарист убит, трое тяжело ранены, 57 изувечены.

А ведь глубинные корни противостояния «бар» и «народа» остались. Пусть нынешние московско-ленинградские «баре» не такие холеные и не так часто ездят в Германию на воды или в Париж за нарядами, пусть они всего лишь «образованцы» (А. И. Солженицын), но у них в квартирах есть центральное отопление (а не поленница дров во дворе), туалет (а не «скворечник» на улице), газ (а не русская печка), метро (а не районный автобус раз в день).

Объединяет «бар» и «народ» только «ящик» — телевизор. Опять слово пензенскому мужику: «Поэтому, когда эти холеные московские господа начинают по телевидению рассуждать, какой у нас в деревне ленивый и пьяный мужик, урезоньте их в своей «Общей газете». Лгут они. Пусть они оставят деревню такой, какая она есть, деревня себе сама путь выберет. Всегда в России мужики общиной жили, коль нужда заставит, помогали друг другу. Трудно средь бескрайних снегов одному выжить».

Представляете, если очередной Пуришкевич или Марков-второй (но уже по «ящику») призовут этого пензенского и других русских мужиков из таких вот сел и деревень, как Малая Сердоба, бить «жидов» (то есть всех, у которых в городах как минимум есть метро)?

Кончится тогда все это, как и в 1917—1920 годах, перераспределением собственности, причем не нынешней номенклатурной (директор — собственник бывшего госзавода), а самой примитивной: квартиру директора со всеми удобствами — мне, а его — в мою избу в Малую Сердобу. Не поедет — к стенке или в окно выкинем. И выкинут, как бы директор при этом ни кричал о «правовом государстве». Олег Румянцев, ответственный секретарь Конституционной комиссии бывшего ВС РФ, тоже призывал омоновцев не бить его по выходе из «Белого дома» 4 октября, кричал: «Что вы делаете? Мы строим правовое государство?!» А все-таки избили (сапогами) — до сих пор кашляет.

Ленинская коммуналка 20-х годов в Москве для подмосковного мужика — рай. Не случайно Маяковский воспевал душ в квартире слесаря Иванова. Можно подумать, что у русского крестьянина, как у Толстого в Ясной Поляне, у Тургенева в Спасском-Лутовинове или у Некрасова в Карабихе, была отдельная комната на каждого члена семьи, с чистыми простынями, ванной и ватер-клозетом.

Да для него и «лампочка Ильича», не говоря уже о ликбезе, была вершиной цивилизации, настоящим «социализмом»: в лес по дрова ходить не надо, вода — вот она, из крана, а не из колодца, к которому грязь по колено надо месить. Опять же хлеб стоит копейки, за жилье — символическая плата, детишки в яслях — саду — школе — пионерлагерях почитай бесплатно, за счет профсоюза, да еще путевка в пансионат за треть стоимости — живи не хочу.

Почему? Правящей элите КПСС это было выгодно: сверхдержава, мировая политика, за службу такому Отечеству не грешно и в «красных барах» походить, паек получать, черную «Волгу» и «вертушку» иметь, на казенной даче отдыхать.

Дали по шапке этим «барам» из КПСС, а кто взамен? Да те же, только с периферии (но опять же не из «избы», не из Малой Сердобы, а из города, хотя и не столичного) и с новым планом «обустройства» России — теперь капиталистической. О современном капитализме, правда, большинство из них знает не больше, чем их предшественники из брежневской КПСС

знали о социализме. Но за руль и те и другие садятся охотно — как же, ведь Ленин завещал: каждая кухарка может научиться управлять государством. Кухаркины дети социализмом «нарулились».

Европа строила капитализм с XV века. Ничего, говорят кухаркины дети-«демократы», «зарулим» и мы в XV век — с разбоем на дорогах, рэкетом, с «купчиной толстопузым» и банками, делающими деньги из воздуха.

Снова разделимся на «бар» и «быдло», затем, лет через 100—200, из «бар» выпулятся новые меценаты типа Саввы Морозова, Третьякова, Бахрушина, «народу» помогать будут.

Правда, «народ» что-то этой программы особо не

И «царь-голод» не грозит, и надрываться не надо — «спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Сталинский «социализм», конечно, никаким социализмом не был — он продолжал дело петровской варварской индустриализации. Помните «Железную дорогу» Н. А. Некрасова — «а по бокам-то все косточки русские...»

Впрочем, со Сталиным все ясно — он «обустраивал» военную державу, СССР для него со времен Коминтерна всегда был «осажденной крепостью».

Но уже 40 лет прошло после смерти «отца народов», а мы как «обустраиваем» Россию? По-прежнему через ВПК, танки, ракеты, помощь «братской» Кубе, Анголе, Афганистану.

приемлет. «Глядя нынешнее телевидение, просто диву даешься, как только не называют свой народ московские интеллигенты: люмпен, деклассированные элементы, — пишет все тот же С. Пчелинцев. — А визг какой подняли после выборов: «Россия — ты одурела!» и т. д. и т. п. Хотя это ведь народ так сказал. Ну не согласен ты, ну имей свое мнение, но уважать-то ты должен!»

И тут бы поспорил я с пензенским мужиком — уважать народ мало (этим-то как раз и занимались наши предшественники по «круглому столу»), надо еще уметь управлять страной, особенно на пороге XXI века, когда Россия вновь технологически отстала от постиндустриального Запада и Японии на 50—60 лет.

В начале века, вопреки утверждениям большевиков, технологический разрыв России и Запада был гораздо меньше, а Японию она опережала по всем индустриальным показателям. Сегодня разрыв катастрофически увеличился: станочный парк не обновляется, 76 процентов энергооборудования износилось и восстановлению не подлежит, АЭС безнадежно устарели, в любой момент жди новых «чернобылей», в текстильных цехах все еще стоят станки образца 1945 года, полученные из Германии в порядке военных репараций.

И это при том, что инфраструктура за пределами обеих столиц осталась на уровне 50 — 60-х годов — ни одной современной автострады, пять процентов телефонизации сельской местности, 40 процентов населения все еще отапливает свои жилища дровами или углем.

По уровню «качества жизни» мы уже давно третьеразрядная держава «третьего мира», «Верхняя Вольта с ракетами». А теперь идет развал образования, здравоохранения, культуры.

Запад в недоумении: вроде бы замирились, «холодную войну» кончили, а «американизация» России и СНГ буксует, хотя и министры со знанием английского — у руля правительства. Слушал я как-то в конце октября 1993 года в Москве госсекретаря США У. Кристоффера. Нашел-таки он провалу капиталистических реформ в России объяснение. Где? В XIX веке, у Тютчева. Так и процитировал принародно: «Умом (западным. — *В. С.*) Россию не понять... В Россию можно только верить». 12 декабря дало ответ на такую «веру».

Народ ни партократам, ни демократам не верит, он сам борется за выживание, наплевав на «державу». Закончим грустную повесть о том, как и в XIX, и в конце XX века «баре» жалели свое «быдло», все тем же пензенским мужичком Пчелинцевым: «Потому и реформы буксуют, что для пензенского мужика московский демократ — это прежде всего «барин», «господин», заботы которого ой как далеки от его мужицких деревенских забот и чаяний. Московский демократ не стал для мужика своим, нашим, русским в конце концов. И на все реформы ваши он смотрит как на барские забавы, синяки и шишки от которых — это мужику. А барин? Так что же, притомится барин, заскучает, двинет на воды в Германию, развлекаться в Париж... А там, глядишь, и история опять по кругу пойдет — с пепелищами от усадьб да кровавой вакханалией войн и революций».

СВЕТЛАНА КАЙДАШ

НИ НАЦИЯ, НИ ЧЕЛОВЕК НЕ ЗНАЮТ — КТО ОНИ

Как известно, романтическому обсуждению характеров различных наций немало способствовали в конце XVIII — начале XIX века блестящие романы и трактаты французской писательницы Жермены де Сталь. Ее труды «О влиянии страстей на счастье личностей и наций» (1796) и «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800) оказали немалое влияние на современников. Но не только проблема национальных свойств народов занимала де Сталь. Пережив Великую французскую революцию и не пленившись — в отличие от всей интеллектуальной элиты Европы — личностью Наполеона, умница Жермена предупреждала о недопустимости «вымещать на людях ненависть к идеям». «Обрекая на гибель невинных ради того, что вы именуете выгодой нации, — пишет де Сталь о революции, — вы губите саму эту нацию... Памятуя об этом, мы поймем причину множества жестоких и бессмысленных ошибок, опорочивших применение отвлеченных идей в политике». Будто написано сейчас и о нас. Так что не следует думать, будто революции совершались лишь в России и русским остается разве что каяться — такой архаично-морализаторский тон преобладает в нашей исторической публицистике. Как иронизировала де Сталь: «Сколь бы правильно вы ни складывали лье и ни умножали столетия, вы не узнаете таким образом, что такое пространство и что такое вечность».

А между тем всякая нация и всякий народ размещается и живет прежде всего в координатах именно этих величин: вечности и пространства. Каждый народ является аккумулятором и транслятором временных и вечных ценностей, полученных им из Космоса и как

наследство — от пращуров. А вот кто эти пращуры, не знает ни один народ и ни один человек в мире.

Прокатившиеся по миру бесчисленные переселения народов настолько перемешали в этих котлах племена, что нам остается лишь верить в переселение душ, в то, что каждый в своих прежних жизнях был рабом или царем, индусом или китайцем, этруском или греком, галлом или скифом. В это верили наши предки. На фронтоне храма в Дельфах в Древней Греции было выбито: «Познай самого себя» и «Ничего чрез меру».

Истинный смысл первого изречения для современного человека совершенно закрыт, так как древние верили в многократную жизнь на земле: каждый живет несколько раз, и каждая его жизнь имеет влияние на последующую. Если в одной жизни человек был убийцей или палачом, то в следующей в наказание он может родиться несчастным уродом. «Познай самого себя» — это значило познать свои прошлые жизни, заглянуть в тайники своих прежних существований. Разумеется, это относится не только к людям, но и к народам, к существованию их и за пределами письменно обозначенной истории.

Однако, расставшись с примитивной идеей классовой борьбы, мы так и не выучились уважать каждый народ во всей его самобытности и неповторимости. Высокомерное отношение к народу как к пластичной массе, пригодной для социальной лепки, для всего, что вздумается нашим скульпторам, характерно для интеллигентского сознания и сейчас, в самом конце черного XX века.

Впрочем, какое понятие ни назовешь, все требует своего определения заново, настолько все расходятся в терминах. А Термин, как известно, был в римской мифологии божеством границ, межевых знаков. И в Терминалии соседи сообща приносили богу Термину жертвы, выливая в совместно вырытую яму мед и молоко. Существует немало определений понятий «интеллигент», «интеллигенция», но мне ближе всех по душе то, какое дал замечательный русский художник, философ и путешественник Николай Константинович Рерих: невежественный человек сначала должен стать *цивилизованным*, потом — *образованным*; став образованным, он делается *интеллигентным*, затем следует *утонченность и сознание синтеза*, которое завершается принятием *понятия Культура*.

Так что речь должна идти не о том, кто интеллигент, а кто нет, а о приближении интеллигентов к культуре, куда неотъемлемой частью и сокровенной субстанцией входит история каждого народа, в том числе русского.

Кто мы — русские? Больше всего сходства я нахожу с Древним Римом. Тут не место развивать это подробно, но все наши народные поверья и гадания ближе всего к Древнему Риму. Даже знаменитая русская деревенская печь, относительно которой немало позубоскалили как о признаке отсталости весьма известные историки, слишком хорошо напоминают печь в итальянской пиццерии, где готовят знаменитую пиццу. Кстати, культура пиццы — пирогов также роднит нас и с Древним Римом, с Италией.

Лейбниц говорил, что, будь людям выгодно отрицать математические аксиомы, они поставили бы и их под сомнение. Существует *мистика истории* как выражение того, что не понято нами, нашим невежественным, односторонним, корыстным сознанием: космической значимости исторического процесса, того, что народ выражает в простой на вид пословице: «Не нами началось, не на нас и кончится». Примером этой мистики истории для меня служит простой факт: династия Романовых началась Михаилом и закончилась Михаилом (я имею в виду великого князя Михаила Романова, отказавшегося после отречения Николая II принять царскую корону), началась в *Ипатьевском* монастыре города Костромы, а закончилась в доме *Ипатьева* в Екатеринбурге. Кстати, вероятно, и это не случайно, так как Екатерина II не имела никакого права на русский престол и узурпировала его незаконно. Трехсотлетнее существование дома Романовых, таким образом, вписалось в четко обозначенный предел. «Познай самого себя» — и человек, и династия, и народ.

А роковой месяц март для русской истории! В марте умер Иван Грозный, погиб Павел, убит Александр II, отрекся от престола Николай II, принял присягу первый президент СССР Михаил Горбачев. Кстати сказать, и Юлия Цезаря убили в марте. В Древнем Риме, как потом и в Древней Руси, в марте было празднование Нового года.

На вопрос: «Где мы? между величием и вырождением?» — как для русского, так и для любого другого народа ответить попросту невозможно. Это историческая квадратура круга и не подлежит точному выяснению. Кажется, Платон сказал, что счастливым человека можно назвать лишь над его гробом. Тем более это относится к жизни такой субстанции, как народ. Величие или вырождение переживает Атлантический океан? Луна? Черное море? Скандинавский полуостров? Помилуй Бог! Что мы можем знать об этом?

Неуважение к живой жизни и истории народа приводит нас часто к парадоксальным историческим суждениям. Именно из истории наши публицисты сделали себе особое оружие — то ли дубинку, то ли особый тип лазера. Пожалуй, нет таких личностей в русской истории, имена которых за последние годы употреблялись бы всуе чаще, чем Иван Грозный, Петр Первый и Сталин как выразители «русского менталитета». Правда, к Сталину дается та оговорка, что если «народ его допустил, то значит хотел или заслужил». По той логике, что всякая жертва сама виновата в том, что с нею случилось.

Почему именно три этих деятеля стали «выразителями» русского характера, сказать трудно. Ссылаясь на известного американского политолога А. Янова, многие публицисты утверждают, что в нашей стране со времен Ивана Грозного существует «одна и та же неизменная система государственного управления»: «аграрного при Московском царстве Ивана Грозного, аграрно-мануфактурного в Петербургской империи Петра Первого... индустриально-аграрного с трансформацией затем в индустриальный в Советском государстве Ленина—Сталина и их преемников» («НГ», 16.03.93). Такие сугубо марксистские схемы при рассуждениях о столь эфирных понятиях, как национальный характер, выглядят внеисторично. Еще менее убедительно все на ту же живую тему: «Русские — кто мы?» — звучит такой пассаж: «Идея национальной государственности в России — стране полутора сотен языков... внеисторична». Почему? Потому что «последний российский император был наполовину датчанином, а отец его — наполовину немцем» («ЛГ», 29.07.92).

Вероятно, более прав Г. Померанц, когда писал: «Этничен ли Сахаров?.. Этничен ли Альберт Эйнштейн? Мать Тереза? Ни в какую идеологию их не запихнешь» («Знание — сила». 1992. № 5—7. С. 39).

Генетические исследования социально-исторических процессов не могут привести к установлению истины: ведь духовно-психологическое содержание личности не сводится к происхождению, но уж коли наши «этнологи» начали считать «половинки» и «четвертушки» крови, то с Иваном Грозным, Петром I и Сталиным выходит незадача.

Сталин, как известно, был грузин. Что же касается Петра I, то историк Н. Эйдельман в своем дневнике приводит следующий рассказ. Однажды Сталину был прислан исторический труд, где отцом Петра Великого был назван гостивший тогда в России грузинский царевич. Сталин этим сочинением остался крайне недоволен и наложил резолюцию: «Не печатать. Руководитель принадлежит той нации, которой он служит» («Знание — сила». 1992. № 11. С. 29). Эффектно, но для нашего времени, свихнувшегося на национальных корнях, вряд ли подойдет.

Ну а Иван Грозный? Тут оказались такие генеалогические бездны, что по рождению к русским этого царя вряд ли удастся причислить. Матерью Ивана Грозного была Елена Глинская, литовского рода, а отцом — царь Василий III. Род Глинских ведет свое происхождение от татарского хана Мамая. После его гибели сын Мамая бежал в Литву, к союзнику Мамая — литовскому князю. Как помним, Мамай проиграл Дмитрию Донскому Куликовское сражение и после этого вскоре был убит. По матери Иван Грозный «литвин» с татарской кровью, а вот по отцу происходил от Дмитрия Донского. Таким образом, в его душе как бы постоянно происходило Куликовское сражение.

Отец Ивана Грозного был сыном греческой царевны Софьи Палеолог и Ивана III, то есть по матери он был грек, а по отцу также имел в себе литовскую кровь, поскольку дедом Ивана III был великий князь литовский Витовт. Так что русской крови в Иване Грозном было совсем мало. Но ведь важнее другое: кем чувствует себя человек. Сам Иван Грозный не считал себя русским и свой менталитет никак не относил к русскому менталитету. Любопытно об этом свидетельствует такой заслуживающий доверия путешественник, как посланник английской королевы Флетчер. Он посетил Россию в 1588 году, спустя четыре года после смерти Ивана Грозного, в правление его сына Федора. Вот что он пишет в своем сочинении «О государстве русском», в главе «О доме, или роде русских царей»:

«Иван Васильевич, отец теперешнего царя, часто хвастал, что предки его не русские, как бы гнушаясь своим происхождением от русской крови. Это видно из слов его, сказанных одному англичанину, золотых дел мастеру. Отдавая слитки для приготовления посуды, царь велел ему хорошенько смотреть за весом. «Русские мои все воры», — сказал он. Мастер, слыша это, взглянул на царя и улыбнулся. Тогда царь, человек

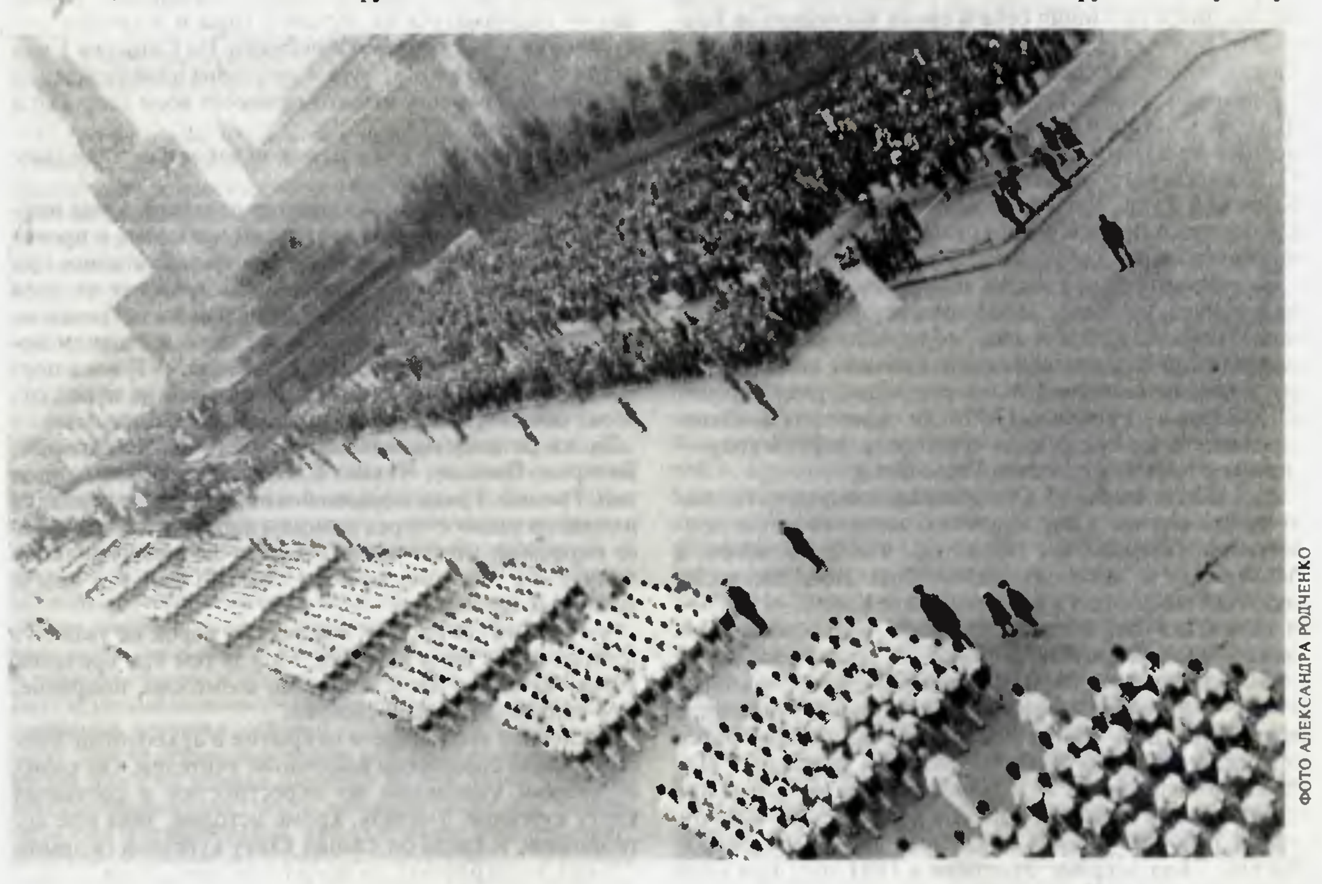

ФОТО АЛЕКСАНДРА РОДЧЕНКО

весьма проницательного ума, приказал объявить ему, чему он смеется. «Если ваше величество просите меня, — отвечал золотых дел мастер, — то я вам объясню. Ваше величество изволили сказать, что русские все воры, а между тем забыли, что вы сами русский». — «Я так и думал, — отвечал царь, — но ты ошибся, я не русский, предки мои германцы».

Много существует гипотез относительно природы кровожадности этого тирана, но одно несомненно: он знал, что царствует незаконно, так как его отец Василий III насильно постриг в монастырь свою супругу с тем, чтобы жениться на Елене Глинской. Этим беззаконием он лишил себя и своих наследников Благодати Божьей. На сыновьях Ивана Грозного династия Рюриковичей пресеклась.

Примеров «невежественного», как говорил Рерих, подхода к истории немало и в отрывках трудов, приведенных журналом. Остановлюсь только на цитате из П. Ковалевского: «Тысячелетнее рабство во времена Киевской Руси, удельного княжения, татарского ига, крепостного права и бюрократического гнета убило в народе сознание собственного достоинства».

Ни тысячелетнего рабства, ни рабства вообще никогда на Руси не было. Даже при татаро-монгольском нашествии мы платили дань, но не были рабами. Дань платили 240 лет, так что тысячи никак не насчитать. А вот нашествиям подвергались регулярно, раз в сто лет: в 1612 году — поляки, в 1709 году — шведы (Полтавская битва), в 1812 году — французы, в 1914 году — немцы и в 1941-м — опять Германия...

Русские — кто мы? Ответить на это непросто, потому что память у нас короткая, сознание наше примитивно. Мы помним только то, что было вчера, а дальше уже и заглянуть неспособны. Вот, дискуссия о празднике 1 мая. Сколько сломали копий — увы! — и не только их! Решили отменить этот «революционный праздник». Так боремся со своим революционным прошлым. Ведь нам известно, что праздник 1 мая — это Международный праздник трудящихся всего мира, день солидарности рабочих, и отмечается он после принятия в июле 1889 года решения I Парижского конгресса II Интернационала о ежегодном праздновании этого дня в память героического выступления рабочих Чикаго в майские дни 1886 года. В России 1 мая впервые отметили в 1891 году при царе Александре III. Однако интересно другое: почему Парижский конгресс постановил отмечать день солидарности трудящихся именно 1 мая? Вот в чем вопрос, как говаривал Шекспир. Известно, как христианская церковь — и православная, и католическая — умело боролась с язычеством. Когда она не могла победить какие-то языческие обряды, церковь не уничтожала их, но включала в христианский обиход и заставляла служить потребностям христиан. Таким поразительным языческим действом в недрах христианских праздников является масленица — блинный карнавал прощания с зимой. Интересно, что деятели Интернационала поступили так же: чтобы праздник стал живым и жизненным, они «день солидарности трудящихся» привязали к одному из самых древних праздников всех народов Европы в их языческом прошлом — празднику 1-го мая.

Уже ночь с 30 апреля на 1 мая была особенной — разгул нечистой силы, Вальпургиева ночь, когда все ведьмы и их дружки слетались на шабаш. К утру кричали петухи, разгоняя бесовское воинство, и люди утром праздновали сияние дня, освобожденного от злых сил, сияющий солнцем мир. В Италии молодежь 30 апреля шла в лес, вырывала с корнем сосну, ель или бук и устанавливала на деревенской площади; на дерево вешали подарки — куски ветчины, сладости, выбирали короля и королеву мая. Веселые компании молодых людей ходили от дома к дому с зелеными ветвями, украшенными лентами: если положат эту ветвь у дома девушки — значит, ей предлагают замужество.

Известен был и такой обычай в итальянских деревнях — подниматься на вершину горы и встречать наступление 1 мая криками и песнями. На Сицилии 1 мая старики и дети шли на луга и делали из ромашек венки и гирлянды: верили, что это принесет всем здоровье и благоденствие.

Во Франции день 1 мая испокон веков считался днем борьбы с нечистой силой.

Особо торжественный характер праздник 1 мая имеет в Британии — то был кельтский праздник, и проводили его всегда жрецы-друиды. Костры зажигались при первых лучах солнца, чтобы огонь очистил от всех болезней. Праздник 1 мая на Британских островах — это праздник цветов, но майское дерево ставили непременно: вяз или березу. В середине XVII века церковь запретила ставить майские деревья, но народ отстоял обычай, и спустя 200 лет все возобновилось.

То же от веку происходит в Австрии, Швейцарии, Венгрии, Польше, Чехии, Словакии, Сербии, Хорватии, Греции. Греки первомайский венок или гирлянду из цветов вешают перед домом и держат до следующего первомая, чтобы защититься от нечистой силы — дому и его обитателям. Этот обычай идет там еще с античных времен.

А в России? В России, как всегда, народ не уважают и относятся к нему свысока. Между тем как праздник 1 мая связывает нас с Европой, возможно, покрепче, чем «цивилизованный рынок».

Последнее выдающееся открытие в археологии Болгарии было совершено школьным учителем. Он ходил со своими учениками по окрестностям и составлял карту курганов. Учитель, кроме истории, знал еще астрономию, и когда он сделал карту курганов (в армии служил топографом), то понял, что перед ним — карта звездного неба, где каждый курган отмечает звезду в созвездии. Учитель вызвал археологов и указал им, какой курган следует раскопать — это был главный курган, определявший главную звезду созвездия. Так была открыта гробница в Свештарах. Открыта только потому, что в одном человеке соединилось умение чертить карты, быть историком и астрономом, а на столе его совместились карты звездного неба и карты земли. Хорошо, когда на столе лежит еще что-нибудь, кроме обычного набора литературных современных принадлежностей и вчерашних газет.

Рерих считал главным врагом нашей жизни невежество и призывал «различать предрассудок и суеверие от скрытых символов древнего знания», искать «потерянные вехи многих путей». «Не будем делать выводов, — убеждал нас художник, — но будем изучать и складывать». Вот когда научимся этому, тогда, может быть, и начнем понимать: «КТО МЫ — РУССКИЕ».

ВИКТОР БОНДАРЕВ

Мещанская страна

Суровый климат, необъятные просторы, тяжелый физический труд предопределили основные черты русского национального характера — утверждают историки конца XIX века («Родина», № 5). Можно было бы с ними поспорить, вспомнив о шведах, норвежцах и финнах, условия жизни которых похожи на наши, а национальные особенности во многом другие. Но это не суть важно, тем более что споры о влиянии географической среды ведутся давно. Более существенно другое: а какое, собственно, отношение все это имеет к нам, населяющим Россию в конце века XX?

И дело не в том, что к концу века климат изменился и суровая зима в средней полосе — большая редкость, а в радикальном изменении образа жизни. Современный российский обыватель, сидящий у телевизора в своей убогой, по европейским стандартам, но теплой квартире никакого отношения ко всем этим природным обстоятельствам не имеет. При чем тут климат, просторы... когда почти всю жизнь он проводит в блочной многоэтажке, а про погоду вспоминает только на автобусной остановке по пути в другую бетонную коробку — завод, контору, где, кстати сказать, особо не напрягается, а тем более не надрывается. Ну а в метро все вообще одним цветом и зимой и летом.

Почти все, кто писали российские историки про народ, относилось к крестьянству. Где оно, это крестьянство? Только в южных районах России сохранилось многочисленное сельское население. Однако и здесь люди не хотят признавать себя крестьянами. Поголовно все записались в казаки — и на Кубани, и в Ставрополье, и в Ростовской области, чуть ли не каждый десятый россиянин... Кстати, все эти многочисленные и популярные рассуждения о терпеливости, смирении, богомольности русских полностью игнорируют нравы и обычаи казаков. Лев Аннинский пишет: «Русский человек — многотерпеливец и страдалец, а «западный человек» — борец, созидатель и преобразователь». Эти-то страдальцы дошли до Калифорнии и покорили для империи десятки народов? Да они ближе к американским «пионерам», чем к западным бюргерам. Кстати, были еще и старообрядцы, которые имели свои отличия... Впрочем, у нас не все казаки и старообрядцы, а потому вернемся к большинству — крестьянству, которое действительно было наделено в некоторой степени теми качествами, которые так подробно описывают историки.

По-моему, доказывать, что в России нет крестьянства, не нужно, это очевидно. Коллективизация, индустриализация и прочие большевистские эксперименты ликвидировали крестьянство как класс. А посему те умильные портреты российского народа — терпеливца, страдальца, мученика и прочая — к нашей жизни отношение имеют весьма слабое. Вряд ли стоит много говорить о естественной связи крестьянина с природой, с «почвой», традиционным образом жизни, об особом национальном типе россиянина. Ну нет у нас крестьян, и все тут! Как нет дворян, духовенства, пролетариата, купечества, кое-кто скажет, и интеллигенции! Другой век, другая страна, с другим народом!

Естественно встает вопрос: а кто же есть?

Если несколько вольно обойтись с этимологией и филологией, то можно сказать: Россия — страна буржуазная. Буржуа — это жители городов (бург). Впрочем, можно и уйти от заимствования иностранных слов: есть слово «мещанин», которое вполне подходит для основной части российского населения. Как минимум три четверти русских проживают в городах, и их без особой натяжки следует отнести к этому сословию.

Российская интеллигенция презирала мещанство. Советская власть боролась с «канарейками» и абажурами. Ну и в конце концов у нас, кроме мещан, никого почти и не осталось. Особенно интенсивно обмещанивание происходило с конца 50-х годов, когда при Хрущеве коллективный быт как идеал был отвергнут и массы переместились из коммуналок в «хрущобы». Фактически в стране сейчас на арену жизни выходит уже третье поколение российских мещан. Это к тому, что говорят о маргинальности, о том, что средний обыватель имеет корни в деревне, а потому так и остался полугорожанином-полуселянином. Действительно, это можно сказать о первом поколении, которое было выброшено в город индустриализацией и коллективизацией. Но ведь прошло уже почти сорок лет с тех пор, как Хрущев освободил крестьян от прикрепления к земле; раскрестьянивание уже давно закончилось. Те, кто «выбирает пепси», с землей никак не связаны. Социологические опросы тридцатилетней давности, на которые ссылается К. Касьянова («Родина», № 1), нельзя принимать в расчет. После октября 1917 года в жизнь входит четвертое, кажется, поколение, и входит активно: это они вовсю занимаются бизнесом, рэкетом и всем прочим!

Российского мещанина называют «совком». Вряд ли стоит пытаться дать полную характеристику его качеств. Скажу только об одном: об его эгоизме. Поскольку всегда на Руси очень модно было говорить о коллективизме, солидарности, духовности и прочих качествах русского человека. Конечно, нельзя утверждать, что подобные черты отсутствуют. Но никогда не соглашусь с теми, кто утверждает о доминировании этих качеств. Говорят, что «совок» не знает, что такое частная собственность. Но никто мне не докажет, что если «совок» и «путал» государственное с личным, то в пользу государства и общества. Нет, всегда «тащили» в дом, а не из дома. И за свою жилплощадь русский мещанин всегда был готов биться до последнего, а уж отдать ее задаром — никогда. И зарплату свою «совок» прекрасно отличал от чужой, а тем более от государственных средств. В нашей стране уже давно задаром никто не работает, какой бы духовностью он ни обладал. Куда чаще была ситуация, когда человек ничего не делал, а за зарплатой заходить никогда не забывал. В общем, российский мещанин — обыкновенный эгоист. Уже давно его жизненный идеал ориентирован на европейский стандарт: квартира, машина, дача, точнее «фазенда», стремление получше пристроить детей. И при чем здесь «русская идея» и все прочие идеологические украшательства? Что касается патриотизма, то «совка» куда больше занимает победа «Спартака», чем исторические державные победы. Итак, с эгоизмом у русского мещанина все в порядке, и если он цепляется за какие-то коллективистские общежития, то тоже из чисто эгоистичных соображений, здраво рассуждая, что так легче выжить.

Особо надо сказать о культуре. В нынешнюю эпоху господства средств массовой коммуникации по своим пристрастиям российский обыватель куда ближе к своим мексиканским или австралийским современникам, чем к своим предкам. Вся страна без перерыва поглощает одну «мыльную оперу» за другой, не видя существенных различий между бытом и нравами жителей других стран и своими собственными. Конечно, на американца или немца русский мещанин мало похож. Но чем он принципиально отличается от грека, мексиканца, турка и прочих? По мироощущению,

по-видимому, мало. Может быть, это плохо, но это факт. Кстати, рок-культура господствует у нас уже более 30 лет: если Элвиса Пресли и «буги-вуги» знали лишь московские стиляги, то «Битлз» были кумирами уже для всех. Ну а сейчас Майкл Джексон, Мадонна, Фреди Меркури новому поколению более понятны и близки, чем все русское народное творчество.

Все это к тому, что никаких особых препятствий собственно в культуре у нынешних русских для освоения современных западных форм жизни и деятельности нет. Система приоритетов, уровень образования, нравственные ограничения приблизительно такие же. Хлынувшие на улицы тысячи торгующих, кочующих по всему миру «челноков», заполнившие улицы своими иномарками «новые» русские достаточно наглядно свидетельствуют о том, что рыночная экономика с ее духом наживы, эгоизмом, предприимчивостью никак не противоречит менталитету российского мещанина.

МИХАИЛ ВЫЛЦАН,
доктор исторических наук

В чем наше спасение

Духовная разобщенность, а подчас и просто бездуховность — главная черта нашего времени. Она и есть самая глубокая яма, в которой оказалась Россия.

Социалистическая идея, которая худо-бедно семьдесят лет консолидировала наше общество и которая в конце концов была полностью дискредитирована большевиками, вряд ли в обозримом будущем снова «овладеет массами». Вместе с тем множество людей, воспитанных пусть на утопических, но от того не менее притягательных идеях социализма, оказались не готовыми к восприятию идей «рыночного капитализма», не принесшего им пока ничего, кроме резкого снижения уровня жизни. А такие западные духовные ценности, как «бездуховность» массовой культуры, культ денег и насилия, порнография, наркомания и т.д., мутным потоком обрушившиеся на головы россиян, могут лишь окончательно сбить их с толку, особенно молодежь.

В этих условиях мы чаще и чаще обращаемся к опыту наших предшественников, чтобы не только лучше понять современность, но и найти выход из нынешнего кризиса. Вспоминают «трех китов», на коих веками держалось государство Российское: православие, самодержавие, народность. Но очень сомнительно, чтобы все это подходило для новой России.

Православие не может выступить консолидирующим фактором не только потому, что наше государство светское, в нем Церковь отделена от государства, но и потому, что среди россиян много представителей других конфессий, не говоря уже об атеистах.

Того самодержавия, которое было в России, уже нет нигде в мире. Есть конституционные монархии, это, в сущности, те же демократии.

Понятие «народность» в его социально-классовом и национальном аспектах сегодня скорее служит разъединяющим, чем объединяющим фактором.

Другие в поисках путей возрождения России обращаются к кризисным эпохам, которых было немало в истории страны и из которых она всегда умела найти выход. Но будет ли этот исторический опыт полезен сегодня?

Достоевский писал, что «после нашествия Батыева, после погрома Смутного времени» «единственно всеединяющим духом народным была спасена Россия».

Более развернуто эту мысль выразил историк А. Иконников. Отметив негативное влияние Смуты на русский народ, он пишет: «Но также бурная эпоха (Смутного времени.— *М.В.*) вызвала к жизни и положительные, лучшие качества природы русского человека: глубокое религиозное чувство, сильное чутье национальное, способность сплотиться и объединиться в беде, искреннее сознание в своем невежестве и способность, откинув предрассудки, воспринять истинное и полезное знание, самоотверженность и самопожертвование, известное смирение духа, силу воли и настойчивость в добрых порывах души». Не будет преувеличением сказать, что всего этого нам сегодня не хватает. Особо отметим «чутье национальное». Так получилось, что в России, пожалуй единственной в мире стране, слова «национальный», «патриот» стали в последнее время ругательными. Сплошь и рядом предпринимаются лживые и гнусные попытки отождествить их с гитлеровским «национал-социализмом». Без всякого на то основания ставится знак равенства между национальным и нацизмом, между социализмом (как идеологическим течением, кстати, зародившимся еще в библейские времена) и фашизмом, между патриотизмом и антисемитизмом.

Создается впечатление, что кому-то под аккомпанемент речей о возрождении России очень хочется вытравить из сознания русских все национальное — как ненотребное, заполнить образовавшийся вакуум западными, «общечеловеческими» ценностями. Видимо, считается, что «самоотверженье» и «самоотреченье» русского народа, о чем писал еще Чаадаев, не имеет предела.

Инна Левшина в журнале «Журналист» (1993. № 9) опубликовала статью «Бог мой, любишь ли ты этот народ?». Весь пафос статьи направлен на то, чтобы доказать, что любить «этот народ» нельзя и не за что, и если Бог его любит (в чем автор сильно сомневается), то делает большую ошибку. Очень тревожит и пугает И. Левшину то, что «на наших глазах волосок к волоску подбирается национальная идея». Хорошо, если было бы так!

В действительности во многих средствах массовой информации «на глазах русских» эта «национальная идея» всячески выхолащивается и изо дня в день, методично и целенаправленно, вытесняется. Изредка вкрапляемые материалы о самобытной русской культуре тонут в низкопробной «массовой культуре» Запада. Униженному и многострадальному русскому народу, великому даже в своем долготерпении, радио и телевидение, газеты и журналы (за небольшим исключением) пытаются привить комплекс неполноценности, талдыча: «Делай, как все нормальные люди! Делай, как во всем цивилизованном мире!» Культивируется сомнительного свойства теория «покаяния» русского народа за то, от чего он больше всего и пострадал.

Желание дистанциироваться от «ненормальных» русских, от «нецивилизованной» России кое у кого проявляется введением таких словосочетаний, как «этот народ», «эта страна». Подчеркивается, что «я» не имею и не желаю иметь ничего общего ни с «этим народом», ни «с этой страной». И многие при первой же возможности уезжают из России. Русскому патриоту ехать некуда, да он никогда и не уедет из России, как бы худо ни было ему и ей, ибо если Россия и может обойтись без него, то он не может обойтись без России.

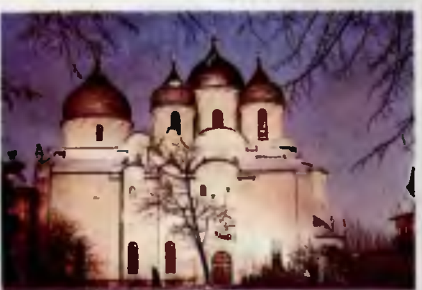
ВИКТОРИЯ ГОРШКОВА

Северная София

Домонгольский Новгород, как никакой другой древнерусский город, сохранил наибольшее число храмов, а среди домонгольских икон новгородские безусловно преобладают. Может быть, это объясняется особой судьбой Новгорода в русской истории, а может быть, и отношением новгородцев к своим святыням. «К идеализированному прошлому, — отмечает исследовательница новгородского искусства Э. А. Гордиенко, — новгородцы прибегали как к живительному и неоскудевающему источнику»[1].

Новгородское зодчество — яркий рассказ о жизни «Господина Великого Новгорода».

Храм святой Софии на берегу Волхова — не подражание ли это Киеву? Да, безусловно, ведь собор строился в 1045—1050 годы «повелением князя Ярослава, и сына его Владимира и архиепископа Луки»[2]. Ярославу Мудрому, настойчиво проводившему политику централизации, важно было единообразие как в посвящении, так и в архитектурных формах кафедральных соборов двух главных городов Киевской Руси. По своему плану и габаритам София Новгородская близка Софии Киевской: многоглавие (в Новгороде 5 глав сменили 13-главие киевского храма), крестчатые столбы, хоры для князя. Но проявились здесь и местные вкусы: конструкция новгородского храма более массивна и тяжела, внутреннее пространство более статично и замкнуто, а галереи Софии Новгородской вдвое шире галерей Киевского собора. Наличие широких галерей объясняется их функциональным назначением: здесь размещались небольшие придельные храмы[3]. По предположению О. М. Рапова, посвящения приделов Софии Новгородской не случайны. Подбор святых и праздников мог отразить реальные события, связанные с крещением новгородцев[4]. Единственный источник, повествующий об

Новгород. Кремль. Софийский собор (1045—1050). Западный фасад.

этом событии, — Иоакимовская летопись. По мнению историков, она описывает реальные события 990 года. Из летописного повествования следует, что крестить Новгород отправился дядя князя Владимира Добрыня, новгородский посадник, в 980 году воздвигший на берегу Волхова идол бога Перуна. Теперь вместе со своими воинами — новгородскими словенами, усиленными отрядом воеводы Путяты (в его составе было, в том числе, 500 ростовцев), Добрыня шел насаждать новую государственную религию. Его миссия была стратегически важна: необходимо было закрепить великокняжеский контроль в начале пути «из варяг в греки». Новгород, крупный центр ремесла и торговли, был оплотом язычества и плацдармом, с которого князья-язычники наступали на юг и уничтожали ростки христианства, как это произошло при князе Олеге в 882 году. Добрыня не случайно шел с оружием. Зная новгородцев, их истовую приверженность привычному укладу, он, вероятно, предвидел осложнения. Так оно и случилось.

Крещение новгородцев проходило в три этапа:

1) крещение нескольких сот человек на Торговой стороне, 2) массовое крещение после удачной «кампании» Добрыни и Путяты, 3) обращение в христианство особо упорствующих. Эти события должны были происходить в августе—сентябре 990 года. Приделы св. Софии Новгородской посвящены праздникам, отмечаемым 29 августа (Усекновение главы Иоанна Предтечи), 8 сентября (Рождество Богородицы), 9 сентября (память родителей Богородицы Иоакима и Анны), 26 сентября (память Иоанна Богослова). Видимо, 29 августа 990 года, в пятницу, миссионеры агитировали на рынках Торговой стороны (пятница — издревле торговый день, когда на торжищах собирались жители города и округи), но не преуспели, «несколько сот крестя». Позже, при сооружении Софии Новгородской, это было отмечено созданием придела Усекновения главы Иоанна Предтечи. Затем дерзкая переправа Путяты, сеча, пожар, заключение мира, уничтожение языческих капищ. Только 8 и 9 сентября состоялось массовое крещение, причем, вероятно, в день Рождества Богородицы крестились те, кого удалось убедить, а в день памяти Иоакима и Анны — тех, кого воины «влачаху и кресчаху». Эти события должны были закрепить в памяти новгородцев каменная церковь Иоакима и Анны, построенная вскоре после крещения, а в XI веке — приделы Рождества Богородицы и Иоакима и Анны в церкви св. Софии. И, видимо, 26 сентября крестились те, кто пытался обмануть миссионеров, что и было отражено сооружением в Софийском соборе придела Иоанна Богослова.

Интерьер Софии Новгородской оставался нерасписанным 58 лет. Дело в том, что власть в этот период редко концентрировалась на долгий срок в руках одного князя. На 2—3 года появлялся князь в Новгороде, чтобы потом уйти на юг. За это время София утратила в сознании горожан неразрывную связь с князем и стала своеобразным символом новгородской боярской республики. Рядом с храмом собира-

лось вече, в соборе служили торжественные молебны по случаю военных побед, возводили избранных на высшие должности, хранили республиканскую казну. И так же истово, как новгородцы защищали язычество, они теперь молились в Софии, горделиво восклицая: «Где Святая София, там Новгород!» «Изомрем честно за Святую Софию!» — призывал полководец, ведущий новгородцев на битву.

И только в 1108 году уже по заказу епископа Никиты София Новгородская была украшена фресками. Об изображении Христа Пантократора в куполе, к сожалению утраченном в годы Великой Отечественной войны, сохранилась легенда, записанная в Новгородской летописи. В ней рассказывается, что мастера, написавшие фреску, изобразили Спаса с благословляющей рукой. Однако наутро рука оказалась сжатой. Трижды художники переписывали изображение, пока от него не раздался глас: «Писари, писари, о писари! Не пишите мя благословляющею рукою [напишите мя со сжатою рукою]. Аз бо в сей руце моей сей Великий Новеград держу; а когда сия [рука] моя распрострится, тогда будет граду сему скончание»[5].

В южной галерее Софийского собора на стене сохранилось изображение Константина и Елены, до сих пор вызывающее споры исследователей. Наличие образов византийского императора Константина, объявившего христианство государственной религией, и его матери, нашедшей в 326 году в Иерусалиме крест, на котором был распят Христос, логично для главного собора Новгорода. Оно наглядно демонстрировало торжество христианства и святость благочестивых царей. Но необычными были техника исполнения и стилистические особенности изображения. Исследовавший живопись Ю. И. Гренберг пришел к выводу, что и техника живописи, и подбор красящих пигментов нетипичны для древнерусских мастеров. Скорее всего, это изображение было написано западноевропейским или скандинавским мастером около 1144 года[6]. И это неудивительно, ведь по своему географическому положению Новгород тяготел к северным странам Европы. Да и в облике Софийского храма проявились черты романской архитектуры, в частности техника кладки стен из огромных, неправильной формы камней. Могучие стены храма, сложенные из дикого камня, с их первозданной шероховатой поверхностью, не были оштукатурены вплоть до середины XII века. Зато штукатурка придала облику собора цельность и поистине эпический характер.

Связь с романским Западом проявилась и в организации монас-

Новгород. Вид на Торговую сторону.

тырской жизни северного города. Согласно житию основателя монастыря Рождества Богородицы Антония Римлянина, он приплыл в Новгород в 1106 году на скале, что было отличительной чертой кельтских святых[7]. Действительно, ирландские миссионеры активно насаждали христианство в VIII—XI веках по южному побережью Балтики, где жили варяги, основавшие Новгород[8]. По свидетельству жития, Антоний не понимал никакой иной речи, кроме речи «греченина Готфина», а на его церковных сосудах «надписи же... римским языком написаны»[9]. Роспись собора Рождества Богородицы 1125 года является, по замечанию В. Н. Лазарева, «самым «романским» вариантом новгородской живописи»[10].

Монастырский храм Рождества Богородицы был построен артелью княжеских мастеров, как и почти все каменные храмы Новгорода первой трети XII века. Князья, как бы спохватившись после 50-летнего перерыва (со времен Софии в Новгороде не появилось других каменных храмов), формируют архитектурный ансамбль города. Кажется, появление друг за другом церкви Благовещения на Городище (1103), Николо-Дворищенского собора (1113), храма Антониева монастыря (1117), Юрьева монастыря (1119), церкви Иоанна Предтечи на Опоках (1127), Успения на Торгу (1135) свидетельствует о необычайно прочном положении князя и его политическом могуществе. Но в том-то и дело, что к началу XII века реальная власть князя была низведена до уровня наемного военачальника: «Мы собе князя промыслим». Возможно, именно ускользание действительного авторитета было причиной интенсивного и демонстративного княжеского строительства. Имея квалифицированных мастеров и значительные финансовые средства, князь ставит все эти сооружения на Торговой стороне, куда его выселили из Кремля вольнолюбивые новгородцы, так, что они спорили с Софийским собором и легко обозревались с реки.

По сравнению с культурой Киева, новгородская обладает неповторимо индивидуальным стилем — простым, выразительным и сильным. И. Э. Грабарь писал, что храмы Новгорода ясно выражают идеалы новгородца: «...в его зодчестве — такие же, как он сам, простые, но крепкие стены, лишенные назойливого узорочья, которое, с его точки зрения, «ни к чему», могучие силуэты, энергичные массы. Идеал новгородца — сила, и красота его — красота силы. Не всегда складно, но всегда великолепно, сильно, величественно, покоряюще...» Эта сила и непосредственность, мощь и лаконизм захватывают и очаровывают одновременно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гордиенко Э. А. Основные направления в художественной культуре Новгорода XIV в. //Древнерусское искусство. XIV—XV вв. М., 1984. С. 156.
2. Цит. по: Лазарев В. Н. О росписи Софии Новгородской//Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1958. С. 7.
3. Комеч А. И. Роль приделов в формировании общей композиции Софийского собора в Новгороде//Средневековая Русь. М., 1976. С. 149—150.
4. Подробнее об этом: Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 266—273.
5. Цит. по: Лазарев В. Н. Указ. соч. С. 8.
6. Гренберг Ю. И. «Константин и Елена» Софийского собора в Новгороде//Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1983. С. 141—164.
7. См об этом: Мурьянов М. Ф. Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в.//Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 220.
8. Подробнее об этом: Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 28—29.
9. Цит. по. Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. XI—XV вв. М., 1973. С. 42.
10. Там же.

ФОТО ИГОРЯ ЛАГУНОВА

Тюрки и славяне: единство судьбы

Революция и столыпинские переселенцы

Кто инспирировал «дело врачей»?

С газетами историки полемизировать не берутся. Одни считают это ниже своего достоинства (действительно, «ляпы» из-за незнания элементарной справочной литературы вызывают лишь смех и сочувствие), другие привыкли к «академическому» стилю и толстым журналам. И вот за завтраком, в автобусе, в метро с газетных страниц на головы доверчивых читателей под видом новых откровений обрушиваются мифы, фальсификации, подделки...

Мы решили выступить в защиту «потребителей» исторических знаний, предложив для начала статью и критический разбор, появившиеся в периодике этого года. Редкий случай, когда профессор-историк все-таки вступает в полемику с воинствующим публицистом.

МУРАД АДЖИЕВ

О «МОСКАЛЬСКИХ ВОТЧИНАХ» В РОССИИ

И снова гуляет Россия! Бьется, кричит, стонет. В который уж раз она все начинает сначала, сжигая мосты, связывающие два берега памяти — сегодняшний и вчерашний. Новая жизнь, пульсирующая, конвульсирующая и непонятная, заполняет поры Отечества.

Конечно, «демократия» раздвинула железный занавес. И мы открылись. И они увидели нас, пустых и обнаженных. Увидели и поразились. Принялись наставлять матушку-Россию на путь истинный.

А помните ли, уважаемые читатели, как началась эта нынешняя новая жизнь? Ну хотя бы самую первую ее акцию?

Туалеты сделали платными! «Хочешь — плати, не платишь — терпи» — слова эти стали девизом нашего времени. Отсюда, от общественных туалетов, можно сказать, началась она, наша новая жизнь. Так что надо ли удивляться, что в период уже вполне развитой демократии самым престижным делом, особенно у молодежи, является торговля. Торгуют всем: «хочешь — плати...»

Лавочники наводнили не только улицы, они наводнили души людей, предки которых не знали, что все продается и все покупается. У них, у предков, были свои, устоявшиеся духовные ценности, их, собственно, и надо теперь забыть. Россиян, как библейских евреев, возвращающихся из рабства, тоже водят по пустыне, чтобы они забыли себя, чтобы выросли новые люди для новой жизни. Но какой?

* * *

В 1917 году, когда Россию завоевали пришельцы в кожаных тужурках, все было очень похоже. Если отбросить устаревшие детали декорации, то действие на сцене шло по нынешнему сценарию — забывать, разрушать, чтобы «до основания, а затем...» Что получилось «затем» — известно.

Но не менее любопытно другое — оказывается, вся история России и Руси есть ЗАБЫВАНИЕ! Сплошное забывание.

Советский период — еще свежий — весь на виду, слеплен из теста, замешенного на мифах. За семьдесят лет историю страны писали и переписывали раз шесть или семь.

Но ведь обманываемся мы и с более ранним прошлым. Забываем, что Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и все другие российские историографы были государственными мужами, такими же зависимыми, как советские академики-поденщики. Они все одинаково писали историю государства российского — под неусыпным оком цензуры. То были не свободные зодчие времени, их заставляли. «Переписывание истории — норма в России», — который уж век свидетельствуют иностранцы.

В свое время превосходный знаток русского летописания А. А. Шахматов обнаружил, что «Повесть временных лет», написанная легендарным Нестором, за века переписывалась по крайней мере дважды. Более поздние исследователи установили пятикратное переписывание отдельных ее фрагментов.

Первым исправителем российской истории был игумен Сильверст (так у автора. — *Ред.*), который в 1116 году в придворном монастыре Владимира Мономаха переписал текст «Повести...» по велению князя. Особенно была искажена вводная, историческая часть, затрагивавшая V—VI века.

Позже князь Мстислав, внук английского короля, зять шведского короля, воспитанник новгородского боярства, переписал русскую историю на свой лад. Он был, пожалуй, самым решительным ее редактором... Так, еще в старину, закладывались традиции российской историографии — переписывание.

И что бы ни утверждали патриотически настроенные историки, как бы ни усердствовали властители, но мировой науке известно, что Русь — *это вовсе не та территория*, что представляется ныне многим. Сердцевина нынешней России — Московия — населялась народами финно-угорского происхождения, а в прилегающих к ней с востока и юга районах жил тюркский (кипчакский) народ... Так было вплоть до XIII века. Славян среди них не было.

Эти коренные народы ныне названы русскими. И вот ради того, чтобы они забыли свои корни, и придумывалось вечное переписывание их истории. «Иванам»* не нужно знать своего родства.

В результате это уже не народы — слепая толпа, из которой делали все что угодно: американцев, как сейчас, коммунистов-интернационалистов, как недавно. Была французская мода в России XIX века, была немецкая — в XVIII веке. Россия всегда кого-то норовила копировать.

А русская? Была ли русская мода на Руси, о которой умиленно вздыхают иные мечтательные россияне?

Оказывается, была и такая. О ней хорошо известно по работам немецкого историка Л. Мюллера, который проанализировал самые ранние источники (Бертинские анналы, русскую Летопись, трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного и другие), где впервые упоминался народ РУСЫ. И что же? Везде однозначно: *русами называли скандинавов — варягов.*

* «Иван» на тюркском означает «дурак», «простофиля». Отсюда появился Иванушка-дурачок и Иван, не помнящий родства.

В Бертинских анналах, например, сообщается о прибытии русов к Людовику Благочестивому в 839 году. Это первое письменное свидетельство о появлении русов в Византии. На вопрос о своей национальности они назвались шведами, «те, кого мы еще зовем норманами», — поясняет автор.

В более поздних текстах, например в проповедях константинопольского патриарха Фотия, исследователи тоже нашли немало любопытного. К сожалению, все эти документы малоизвестны в России, их не афишируют. Иначе россияне бы знали, что из славян никто и никогда не прибивал щит «к вратам Царьграда» — то был варяжский щит.

Знали бы они и о том, что «славянские» первоучители Кирилл (Константин) и Мефодий имели очень далекое отношение к русской культуре. Они — тюрки-кипчаки и в русском языке разбирались так же плохо, как в китайском или зулусском.

Святой Кирилл, крупнейший просветитель своего времени, изобрел не приписываемую ему кириллицу, а — глаголицу! Оригинальность глаголического алфавита в том, что в нем нет слепого копирования греческих литер, принятых тогда в Европе, а есть отдельные буквы для специфических звуков *тюркского языка.*

Глаголицы придумывались великими «славянскими» просветителями не для славянских языков, к которым они, глаголицы, просто не подходили! Поэтому и не прижились в них. Последователи Кирилла позже ввели в глаголицы необходимые изменения, которые и позволили говорить о первом славянском алфавите — кириллице.

* * *

Сколько же тумана в истории государства российского, и все от переписывания, от подражания кому-то. Что ни страница, то вдруг что-то «новое».

Например, крещение Руси. Даже его придумали! Недавнее торжество по случаю 1000-летия события, которого не было, думается. свидетельствует о многом, оно в высшей степени безнравственно. Ибо сказано: «откроется гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою».

Крещение Руси действительно выглядит конфузом. Ни один (!) из мировых специалистов по Византии не знает об этом факте хотя бы потому, что в документах византийской церкви этот факт не зафиксирован. Не крестили греки Русь! И апостол Андрей Первозванный не посещал землю Киева — это тоже доморощенная легенда.

Христианские храмы были в Киеве задолго до 988 года — официальной даты крещения Руси. Например, церковь Ильи Пророка на ручье Почайна, о которой упоминали византийцы. Были и другие церкви. Для кого же служили они в христианском городе Киеве?

Историческая наука не располагает информацией о том, кто стоял во главе «новой» русской церкви, на каком языке велось богослужение (правда, древние книги Киева написаны на тюркском, глаголицей), как проходило крещение Руси, где оно было. Едва ли не все, что нам говорили об этом важнейшем государственном акте, — домыслы и предположения. Даже дата крещения.

А христианская церковь, как следует из документов Вселенского собора, сложилась на нынешней территории России к 381 году. Тогда степнякитюрки стали называться христианами. Не все, конечно, сразу приняли новую веру, но именно из Степи пришло на Русь христианство.

Кто же крестился тогда, тысячу лет назад? Какое событие недавно отмечали столь торжественно в России? Язычники-варяги, русы, они крестились. И не в Корсуни, а, видимо, в самом Киеве. В Корсунь киевский князь Вальдемар пришел уже крещеным.

Именно Вальдемар! Ведь Киевская Русь не была славянской, об этом убедительнее слов говорят документы, например текст договора, заключенного между киевскими князьями и Византией. Киевляне, подписавшие договор, звались Гуннар, Вермунд, Фаулф, Ингалд. Они правили городом. От них и название — Киевская Русь. «Русью» же называли только варягов.

Первые славяне пришли сюда (вернее, их привели) впервые в конце первого тысячелетия. До этого предки нынешних «русских» вместе с другими славянами населяли область, границы которой очень приблизительны: где-то между Вислой и Одером, как отмечали Плиний Старший и Тацит. Конкретных свидетельств древней истории славян ничтожно мало — кочевники-скотоводы не оставили следов в мировой культуре.

* * *

Каждая новая ложь, как известно, горше предыдущей. Но только не в России. Новая «трактовка» событий здесь лишь усиливает желание придумать еще более новую и красивую ее интерпретацию. Об этом красноречиво ведает (так у автора. — *Ред.*) история города Киева — вот уж, действительно, нет предела совершенству.

Некоторые летописцы дату закладки города поместили под 854 год. Археологические же раскопки дают иные результаты: люди поселились здесь в V—VI веках. Зарубежные летописи подтверждают это. Таким образом, временной отрезок в 300—350 лет в русских летописях был сокращен до нуля.

Что это значит? Это значит, что Петр I был современником Сталина.

Щекотливость положения в том, что в V—VI веках славяне еще не подошли к берегам Днепра. Но и с датой 854 года славянам тоже согласиться невозможно, ведь тогда в верховьях Днепра хозяйничали варяги, то есть русы.

Выход найден блестящий, возможный только в России, где каждая новая ложь не горше, слаще предыдущей. Славяне в XI—XII веках сделались русскими. Простота необыкновенная: исправили имена варяжских правителей. И все. Хельга стала Ольгой, Ингвар — Игорем, Вальдемар — Владимиром. За пять минут появился новый народ?! История варягов стала историей славян!

Нет, не случайно русские правители выскребали летописи. Нестор написал правду, он не мог не знать, что киевляне вели богослужение и говорили на тюркском языке, ибо были они тюрками-кипчаками, которых в IX веке завоевали русы.

Киев — в переводе с тюркского «город зятя» — был с V века столицей каганата Украина. Его правители назывались каганами. Точно такой же титул носили и правители соседних каганатов — Аварии, Булгарии, Хазарии и других. Ведь все вместе эти каганаты слагали страну, которая называлась Дешт-и-Кипчак («Степь кипчаков» или «Половецкое поле»).

Степная страна появилась в IV веке, она — результат Великого переселения народов — просуществовала до XVIII века. Но даже название ее не произносится в России. Запретно! Почему?

Почему великий кипчакский народ стараниями московских историков вычеркнут из истории России и из своей собственной истории? Культура степняков унижена и обобрана, она с XVIII века, после русской колонизации Степи, приписывается каким-

то южным и восточным славянам, которые никогда в Степи не жили. Даже курганы — захоронения кипчакской знати — и те сегодня называются русскими, славянскими.

Чтобы представить кипчаков в самом ненадлежащем виде, использованы самые низкопробные приемы. Возьмем, к примеру, битву на Калке. Русские объясняют поражение трусостью и слабостью степняков. Однако все другие (не русские) источники свидетельствуют совершенно обратное.

Не степняки дрогнули, утверждает, например, арабский историк Ибн-аль-Асир, а их союзники, часть которых вообще побоялась вступить в бой — отсиживалась в укрытии в надежде на чудо...

И уж совсем о чем умалчивают российские историки, так это о нешуточном продолжении битвы на Калке, которое случилось вскоре после поражения и уже без русских. Спасибо Ибн-аль-Асиру, да воздаст ему Аллах! Степняки наголову разбили татаро-монгольское войско!

Выходит, никакого вторжения-то на Русь и не было. А было что-то другое, названное «игом», но здесь требуется отдельный разговор.

Иго придумано «москалями». Придумано, чтобы оправдать захват московскими князьями сперва земель финских и литовских народов, а потом тюркских (кипчакских) территорий.

Постыдное переписывание и искажение исторических фактов в России велось лишь для того, чтобы люди забывали себя. Чтобы оправдать правителей, захвативших чужие земли. Чтобы никто не догадался о «москальских вотчинах» в России!

Однако Бог, создавая народы, распорядился иначе, не в угоду правителям. Народы мира отличаются не только внешне, не только своей культурой, обычаями, привычками. Они отличаются еще и на генетическом уровне. Поэтому в семье негра не может родиться китаец.

Но у нас всегда запрещалось исследовать народы. Запрет на генетику, наверное, лучшее тому подтверждение. А есть антропология, социометрия — на них по-прежнему наложено табу.

Жаль. Иначе правители знали бы, что нельзя сделать народ: ни русский, ни советский, никакой иной, — так же, как нельзя сделать золото, серебро или другой химический элемент, в чем давно убедились алхимики.

«Независимая газета». 1994. 11 января. Печатается с сокращениями.

АПОЛЛОН КУЗЬМИН

МАРОДЕРЫ НА ДОРОГАХ ИСТОРИИ

«История — это политика, опрокинутая в прошлое». Афоризм М. Н. Покровского многократно осуждали. Конечно же, возможна и наука истории, изучающая закономерности общественных процессов, способная объяснять настоящее и предвидеть будущее. Но таковой она не стала в силу методологических трудностей и неизбежной идеологичности, поскольку вся человеческая деятельность протекает в измерениях добра и зла, весьма различно понимаемых. Достаточно примера нынешней социальной статистики: политики и центры лгут напропалую. Шутовской «Новый политический год» в Кремлевском дворце, выставивший в глупейшем виде президентскую команду, — результат оценок аналитиков. А ведь подобная ложь опровергается в кратчайшее время. Ложь историческая может держаться столетиями, становясь элементом социальной психологии. Да и что означают слова Бисмарка: «Войну с Францией выиграл немецкий учитель истории»? Именно то, что немецкая наука создала мощную идеологическую систему пангерманизма, заквашенную на старых и новых мифах и подтасовках, а соперники не смогли ни развенчать ее, ни выдвинуть альтернативных схем, способных объединить народ и пробудить в нем энтузиазм.

В итоге Покровский не так уж и не прав. На историка прямо или косвенно давят силы, представляющие государственный, национальный, классовый и групповой интерес, и большинством он воспринимается как сиюминутный. Перед нашими глазами проходит парад политиков, меняющих свои взгляды в зависимости от конъюнктуры.

У «советской исторической науки» было много изъянов. Она зациклилась на «производительных силах», скатываясь к вульгарному материализму. Недооценивалась диалектика взаимоотношений общественного бытия и общественного сознания. Не смогла она и предотвратить появления в своих рядах перевертышей. Но последних все-таки больше в других сферах общественного знания. А традиционный недостаток историков — культ факта — оказывается определенным достоинством. С точки зрения профессионализма, знание источников и фактов — хотя и недостаточное, но обязательное требование. Между тем вслед за развалом страны, ее экономики и идеологии, бросившим и историческую науку в нокдаун, на страницы печати хлынул поток дилетантских фантазий, часто весьма ядовитого содержания. Все национализмы на окраинах бывшего Союза питаются такими фантазиями, и они уже обходятся в сотни тысяч жертв. Гражданская война всегда начинается в умах, а затем перекидывается на улицы. И историки обязаны остановить потоки лжи, по крайней мере, на уровне фактов.

В числе изданий, проявляющих большой интерес к исторической тематике, находится «Независимая газета».

В жизни всегда притязаниям одной стороны будут противостоять встречные, и чем нелепее притязания, тем большее ответное раздражение они вызывают. Вышедший в Киеве «Словарь древнеукраинской мифологии» С. Плачинды, где украинцы представлены основателями Трои, Рима, породили Иисуса Христа, вызвал резкую реакцию А. Королева («НГ» от 12.10.93). В ответ А. Ефимов («НГ» от 6.11.93) обвинил русских, якобы многие годы оскорблявших украинцев. И можно было бы согласиться с В. Коваленко («НГ» от 27.11.93), что над «мифами» достаточно было поиронизировать, тем более что на Иисуса Христа сделана заявка и в другом районе: в Чебоксарах. Убедителен и ответный выпад В. Коваленко по поводу статьи Д. Герстле «Русские — 37 веков назад...» («Начало», № 36, 1993). Но

Д. Герстле и его собеседник М. Дмитрук не разделяют русских и украинцев, а последний заключает, что «духовное братство стало для русских важнее кровного. Поэтому они смогли принять христианство, а через тысячу лет — спасти евреев от истребления во второй мировой войне».

В. Коваленко прав и в том, что в тексте договора Руси с греками обозначение «русин» не нуждается в переводе. Но он ошибается, когда думает, что так назывались только украинцы. Кстати, карпатские русины так называют себя и поныне, и, вопреки утверждению автора, «украинцами» они себя не считают. Не был «украинцем» и Мефодий, которого чешская хроника Далимила (начало XIV века) называла «русином» (очевидно, имея в виду его религиозную ориентацию).

Нет нужды здесь разбирать упоминания разных Русий. В книге «Откуда есть пошла Русская земля» (т. 1. М., 1986) их собрано около двухсот. Это огромная исследовательская проблема. Но нельзя делать какие-либо выводы, игнорируя эти данные. Границы Киевской Руси обозначились в основном во времена Владимира, когда южная и северная ее части соединились в одном государстве, куда входила вся Восточная Прибалтика, угро-финские племена вплоть до Зауралья и ряд степных племен. Митрополит Максим, перебираясь в конце XIII века из Киева во Владимир, «не стерпя татарского насилья», никак не считал, что переезжает в другое государство. Митрополит Киприан, стремившийся в конце XIV века к объединению «всея Руси», к «москалям» относился скорее отрицательно, нежели положительно. Но его «Список русских городов дальних и ближних» дает представление о том, что понималось под «всею Русью» в то время. В нее входили нижнедунайские болгарские города, «волошские» (нынешняя Молдавия, в том числе румынская), Верхнее Понеманье с городами Вильно, Ковно, Троки и др. И ни в «Черной», ни в «Червоной» (на Волыни) Руси эпитета «русский» не стыдились. Понятие «Украина» (окраина) не имело этнического значения. Так в XIII веке называли окраину Галицко-Волынской земли, а позднее также южные окраины России.

Оговорившись, что он не «расист», В. Коваленко выстраивает «антропологическую» преемственность украинцев от антов, отождествленных с полянами. Со ссылкой на В. Алексеева утверждается, что «славяне из приднестровских могильников VIII—XII вв. ничем не отличаются от современных украинцев, а вот с современными русскими не имеют ничего общего». «Нет ничего смешней, — распаляется не-расист, — когда от полян и антов начинают вести свой род москвичи». Только ведь никто (кроме расистов) и не ведет свой облик от племен тысячелетней давности.

К сожалению, газета не дала антропологических показателей автора статьи или хотя бы его фотографию, дабы можно было поискать его исторических предков. А надо учесть несколько обстоятельств. Во-первых, у славян примерно с XIII в. до н. э. и до крещения было трупосожжение. Поэтому мы не знаем, как выглядели анты: были ли они славянами (кстати, изначально смешанными из двух групп индоевропейцев) или местным ославяненным населением. Зато о полянах можно говорить достаточно уверенно как о таковом. Вопреки утверждению В. Коваленко, В. Алексеев отметил, что «полянские черепа отличаются от украинских заметно более узким лицом и малой величиной черепного указателя... Можно предполагать, что морфологический тип древлян сыграл очень значительную, если не преобладающую роль в сложении антропологического типа украинского народа» («Происхождение народов Восточной Европы». М., 1969. С. 194—195).

Помимо специалистов, использованных с точностью до наоборот, В. Коваленко берет в союзники Мурада Аджиева, который заметил в «НГ» (от 18.09.93), что «среди самых громких русских патриотов едва ли не все по внешности тюрки-кипчаки». От себя не-расист добавляет: «Да, когда я вижу, как потомок какого-то Бабура, тряся реденькой монгольской бородкой, важно рассуждает о «нашем тысячелетнем государстве...», то думаю: вот где объект для наблюдения психиатра или по меньшей мере психоаналитика!»

Так и хочется воскликнуть: «Браво!» Немецкие нацисты посрамлены. Они-то «нордическую» расу стремились дополнить тибето-гималайской: лишь такая добавка порождала «сверхчеловеков». Можно посоветовать Коваленко взять книгу Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения». Там можно найти сотни фамилий, среди которых и Гоголь, и Кочубей, и масса других со всей Восточной Европы. Говорит это и о том, что господствовали-таки татары на Руси, и о том, что расизма в России (и на Украине) не было.

Для «психоанализа» интересно как раз то, что претенденты на знатность в XV—XVI веках «занимали» себе родословные на стороне, по возможности там, где проверить было невозможно. Только так и можно было сравняться с рюриковичами и гедиминовичами. Ну, а имя «Бабур» не какое-то, а очень даже знаменитое. Славы одного Бабура Захиреддина, уроженца Ферганы, блестящего полководца и поэта, писавшего на тюркском и персидском, автора бессмертных «Бабур-наме», вполне достаточно, чтобы появились сотни «Бабуров» у самых разных народов.

В. Коваленко привлек в союзники М. Аджиева. Это едва ли не ведущий «историософ» «НГ». Правда, 15 января газета напечатала отклик В. Каджая на его статьи, в котором затронута и последняя его публикация — «О «москальских вотчинах» в России» («НГ» от 11.01.94). Каджая «предварительно» оценил статью как «галиматью», насквозь пропитанную какой-то патологической ненавистью к русской истории и вообще ко всему русскому. На этом можно было бы и остановиться. Но уже 21 января газета дала гневное письмо О. Беляевской, в котором редактора упрекают в нарушении «журналистской солидарности», а статью М. Аджиева называют «новым словом», сказанным «по материалам XVIII Международного конгресса византинистов», и напоминают, что идея тюркской природы христианства подхвачена журналами «Знание — сила» (№ 4, 1993), «Новое время» (№ 42, 1993) «и др.». «Концепция», следовательно, поставлена на поток. И мало кто догадается, что проверять надо каждое «новое слово» этноисторика.

О. Беляевская клеймит В. Каджая: он по старинке считает, что кипчаки — второе название половцев. Оказывается, и гунны — тоже кипчаки. Одна неточность у В. Каджая действительно есть. В 1036 году Ярослав под Киевом разбил печенегов, а не половцев. Половцы появятся у границ Руси в середине века, и борьба с ними займет полтора столетия. Тюркские предшественники половцев — печенеги, торки, берендеи станут союзниками Руси, расселяясь по рубежам приднепровской лесостепи. В XIII веке тем же путем пойдут половцы, но для перехода «от кочевий к городам» времени им не хватило.

А вот гунны-кипчаки — это, конечно, открытие. О. Беляевская уверяет, что всем, ведущим раскопки на юге, это известно. Действительно, преобладает мнение, что гунны пришли с востока. Но и восточные гунны — племена в этническом отношении не определенные. Гунны же в Причерноморье известны со II века. Около 160 г. их упоминает Периегет, а чуть позже Птолемей помещает между бастарками и роксоланами у берегов Борисфена (Днепра). Византийские авторы считали, что гунны пришли с севера, аж от Ледовитого океана. Какие-то параллели находятся в пермском Предуралье. А еще в 1906 году английский ученый Томас Шор отметил, что так называлось племя фризов, живших у Северного моря.

Гунны на севере, видимо, реликты уральских племен, с эпохи бронзы продвигавшиеся на запад из-за Урала. Здесь они смешиваются с индоевропейцами. И мы видим у гуннов, готтов, гепидов, ругов, фризов сходные имена, которые Иордан называет «гуннскими» и которые являются смесью индоевропейских и уральских. Имя «Аттила» (оно известно и у шотландцев) в индоевропейском означает «отец, батюшка». Днепр у гуннов назывался «Вар». А это одно из коренных обозначений воды у индоевропейцев (варины или варанги — значит «поморяне»). Похоронный пир «на языке гуннов» назывался «стравой». В таком значении слово было известно и большинству славянских языков.

К проблеме гуннов, очевидно, надо вернуться. Но Аджиеву гунны понадобились лишь для того, чтобы представить христианство порождением тенгрианства — религии древних тюрок («Тенгри и есть Бог-Отец», Христос — «сын Тенгри-хана», «Крест — знак Тенгри-хана»). У Беляевской гунны с четвертого века, у Аджиева — со второго. У них очень высокая культура. (Верно. По всей периферии Римской империи были очень высокие варварские культуры.) Только автор почему-то доказывает это ссылками на римских посланников XIII века, ездивших в Золотую Орду.

А откуда взял Аджиев, что гунны были христианами? Он ссылается на «акты Константинопольского собора 381 года», где якобы упомянут «первый патриарх от степняков». Но акты этого собора не сохранились, а «патриархов» в степи никогда не было. Византийское обозначение «Скифия» автор смело отдает кипчакам, а Аттила становится христианином, «как отмечал еще Иордан». А Иордан, конечно, ничего подобного не «отмечал», поскольку знал, что «бич Божий» был язычником. И жил он, «вождь первых тюрок», в пятом веке, а не во втором или четвертом.

Иными словами — вымысел в каждой строке. Но они по-своему невинные. Можно даже сделать умильную сцену евразийских братаний тюрок (они, конечно, повыше) и славян. Нечто вроде «евразийской» переделки оперы Бородина в Большом театре, где вместо «Половецких плясок» устроили свадьбу сына Игоря с Кончаковной. («Правда» по этому поводу умилилась, а «Московские новости» остроумно и убедительно высмеяли.) Статья «О «москальских вотчинах» куда круче и многое проясняет.

С автором можно согласиться: историю многократно переписывали, и нынешняя обработка — самая неприглядная. (Да и ходить далеко не надо: в две руки с Беляевской он может всю Евразию перевернуть с ног на голову.) Но Аджиев уверяет, что так всегда было на Руси, и только на Руси и в России. Карамзин, Соловьев «и все другие российские историографы были государственными мужами, такими же зависимыми, как советские академики-поденщики. Они все одинаково писали историю государства российского — под неусыпным оком цензуры». Ай-ай-яй! Заведомый тюрок Карамзин (то же, что Кара-Мурза) в угоду властителям искажает историю степных народов! Берендей, да и только! (По разъяснению Олжаса Сулейменова, на которого опирается О. Беляевская, берендей — значит «предатель».) А Карамзин, между прочим, в душе был республиканцем, но писал историю в монархическом ключе. Но не по заданию монарха, а в поучение ему.

Летописи автору лучше бы не трогать: он их не читал. А потому думает, что на всю Русь была одна летопись, составленная по заданию властей и из века в век переделываемая. А в летописях найдем и борьбу идей, земель, городов, династий, и буквальное переписывание неких монументальных текстов в течение веков. В принципе в этом можно разобраться.

На территории «Московии», как и в степи, за века сменилось много народов. Славяне проникают сюда тремя потоками с IX века: Волго-Балтийским путем, с верховьев Днепра, из Среднего Поднепровья. Отток отсюда усилится как раз в связи с половецкими набегами. На северо-востоке появятся Переяславли Рязанский и Залесский. Переселенцы захватят с собой и названия любимых рек: Трубеж, Лыбедь и др. И уже «переписывая» самого себя, Аджиев заключает, что славян здесь не было «вплоть до XIII века».

Евразийцев должно порадовать «открытие» Аджиева: имя «Иван» по-тюркски значит «дурак». Очевидно, тюрки прошли на запад задолго до нашей эры. Поэтому среди властителей и святых много еврейских и греческих Иоаннов, французских Жанов, английских Джонов, немецких Иоханнов, болгарских Иванов. А балтийским славянам церковь даже запрещала целыми селами брать имя «Иван». Видимо, магдебургский архиепископ понимал по-тюркски и считал достаточным, если будет «на каждого умного по дураку».

Не менее потрясает и другое «открытие». Оказывается, «Кирилл... и Мефодий имели очень далекое отношение к русской культуре. Они — тюрки-кипчаки и в русском языке разбирались так же плохо, как в китайском или зулусском». И глаголица — тоже тюркская письменность! Стало быть, и византийцы — тюрки?

Празднование тысячелетия Крещения Руси оказывается «в высшей степени безнравственным», «выглядит конфузом». «Ни один (!) из мировых специалистов по Византии не знает об этом факте хотя бы потому, что в документах... этот факт не зафиксирован». Верно. Византинистов это откровение, пожалуй, потрясет. А летопись, давая несколько версий, ни одну с Византией и не связывает. Все это в литературе есть, и все это не умаляет факта Крещения Руси при Владимире. Дата 986 или 988 — имеет значение лишь как факт, указывающий на соперничество разных общин. Зато все построения автора о «древлеправославной византийской церкви» рушатся в результате «самопереписывания».

Имя «Владимир» Аджиев вообще выговорить не может: ему больше нравится Вальдемар. «Именно Вальдемар! Ведь Киевская Русь не была славянской». И в доказательство имена из договора — неизвестно какого: они воспроизведены неверно. А как бы Аджиев перевел упомянутое имя? Родоначальник норманизма Байер переводил как «лесной надзиратель». Зато современник Владимира Титмар Мерзебургский разъяснял, что по-славянски имя значит «обладание миром».

К «открытиям» относится и дата основания Киева — 854 год. Автор сослался на «некоторых летописцев». Хотелось бы знать — каких? И «проблема» — археологи дают V—VI века. Триста лет украли фальсификаторы. «Выход найден блестящий, возможный только в России, где каждая новая ложь не горше, слаще предыдущей. Славяне в XI—XII веках сделались русскими. Простота необыкновенная: исправили имена варяжских правителей. И все. Хельга стала Ольгой, Ингвар — Игорем, Вальдемар — Владимиром». А в летописях «Игорь» и «Ингвар» — разные имена (хотя с общим корнем). «Олега» автору можно было бы и приватизировать, по-тюркски «улуг» — великий. Правда, восходит эпитет к иранскому Халег, что вовсе близко к русскому Олегу.

В. Коваленко стоит внимательнее присмотреться к «новому слову» М. Аджиева, устроившего порку москалям. Есть возможность на столетие удревнить основание Киева. А логика «железная»: по-тюркски «Киев» значит «город зятя». С V века он стал столицей «каганата Украина» (тоже явно тюркское слово). Появилась же «Степная страна» в IV веке (о II веке забыли). Видимо, после ухода на запад черняховцев и до возвращения сюда части гуннов и ругов в конце V—VI вв., о чем сообщает Иордан.

Венцом достижений этноисторика является пассаж о том, как «великий кипчакский народ» спас Русь от нашествия татаро-монголов. Разоблачая «низкопробные приемы» летописцев, Аджиев взял «к примеру» Калкскую битву. «Не степняки дрогнули, утверждает... арабский историк Ибн-аль-Асир, а их союзники... И уж совсем о чем умалчивают российские историки, так это о нешуточном продолжении битвы на Калке, которое случилось вскоре после поражения и уже без русских. Спасибо Ибн-аль-Асиру, да воздаст ему Аллах! Степняки наголову разбили татаро-монгольское войско! Выходит, никакого вторжения-то на Русь и не было. А было что-то другое, названное «игом»... Иго придумано «москалями». Придумано, чтобы оправдать захват московскими князьями сперва земель финских и литовских народов, а потом тюркских (кипчакских) территорий».

Вопреки сетованиям автора, русские летописцы не слишком жаловали и русских князей (трех Мстиславов), проигравших битву на Калке. И текст Ибн-аль-Асира имеется во всех хрестоматиях и постоянно цитируется в исследованиях. После вторжения татар через Ширванское ущелье аланы, убедив половцев выступить с ними вместе, остановили продвижение татар. Но татары сумели подкупить половцев, и те покинули алан. Аланы были разбиты, и теперь татары устремились на половцев «и отобрали у них вдвое против того, что сами принесли». Половцы разбежались кто куда, «а иные ушли в страну русских». Битва описана не так, как в летописи, но близко к ней. 12 дней русские и половцы преследовали татар, которые якобы отступали. Когда же татары внезапно напали на преследователей, те «не успели собраться к бою». Тем не менее бой длился несколько дней. Наконец татары одолели, а кипчаки и русские обратились в сильнейшее бегство». Татары убивали, грабили и опустошали страну, «так что большая часть ее опустела».

И это все о Калкской битве. А отпор татары получили в землях Волжской Болгарии. Что же касается татаро-монгольского нашествия на Русь, то Ибн-аль-Асир, к сожалению, описать его уже не мог, он умер в 1233 году, тогда как завоевание Руси, уничтожение большинства ее городов и опустошение целых областей (в том числе Киевщины) совершено в 1237—1240 годах (не считая ряда позднейших набегов). Многие, многие народы, в том числе тюркские, были уничтожены.

Все это хорошо известно и по научной, и по популярной литературе, наконец, по учебникам. «Психоаналитикам» же действительно есть над чем поразмышлять. Вот уже семь десятилетий «евразийцы» повторяют одну и ту же русофобскую ложь. В свое время И. А. Ильин заметил, что «для увлечения «евразийством» нужны два условия: склонность к умственным вывертам и крайне незначительный уровень образованности». Это верно, но это только одна сторона дела. А другая — политическая — совсем не случайно повела многих «евразийцев» к немецким нацистам. В сущности, иного «общего знаменателя» у «евразийцев» не было в прошлом, нет и в настоящем. Достаточно сопоставить «аргументы» В. Коваленко и М. Аджиева. Что у них общего? Первый не любит русских «москалей» за то, что они по сути тюрки, а не славяне, второй — потому, что в них слишком много славянского, а благодетельной роли тюрок в истории славян (включая уничтожение большинства городов и большей части населения татаро-монголами) они никак не хотят признать. Первый стремится «очистить» украинцев от посторонних примесей, в особенности как раз тюркской, второй — и сам Киев и «Украину» «переводит» из тюркского. И все-таки — союз у них нерушимый. На какой же основе?

Выше цитировался «гвоздь программы» В. Коваленко: притязания на особую «породистость», расовую чистоту со времен антов и полян. Сходный сюжет мы найдем и в итоговых абзацах статьи М. Аджиева. И хотелось бы эти строки читать вместе с редактором. Можно допустить, что школьные уроки истории им глубоко забыты, но уроки жизни обычно не забываются. Итак: «Бог, создавая народы, распорядился... не в угоду правителям. Народы мира отличаются не только внешне, не только своей культурой, обычаями, привычками. Они отличаются еще и на генетическом уровне. Поэтому в семье негра не может родиться китаец». И т. п.

Антропологи теперь знают, почему возникают расовые отличия: они зависят от природной среды. Учитывать все это надо, особенно медикам. Но заостряться на физиологической специфике в ином плане — это значит и человека снижать до уровня животного. Не это ли мы и наблюдаем в последние годы в межэтнических и внутриэтнических кровавых конфликтах? И не сознательно ли такие конфликты разжигаются?

В конце прошлого века Н. Миклухо-Маклай заметил, что Россия оказалась единственной страной, где расизм не воспринимался «даже на полицейском уровне». Об исключительной способности русских ассимилировать разные народы говорилось неоднократно. И русская пословица: «Не та мать, что родила, а та, что выходила» — о том же. Тот же смысл и в другой пословице: «Не важно, кем родился, важно, кем стал». И идет это все от характера древней славянской общины: она была территориальной, а не кровнородственной. Неудивительно, что и «национальным вопросом» у нас традиционно занимались нерусские. Не было бы ничего страшного и в извечной ослабленности русского национального самосознания, если бы на этом не пытались спекулировать.

«Литературная Россия». 1994. 11 марта.
Печатается с сокращениями.

БОРИС СОПЕЛЬНЯК

НКВД: тов. Ежову...

Крепко жму Вашу руку Алексей Толстой

22/II 1938

г. Пушкин.

Приходилось ли вам прикасаться к извлеченным из тьмы веков или сверхсекретных хранилищ документам? Если да, то вы поймете мое волнение, когда я взял в руки выцветшую от времени папку. Это — дело Венуса Георгия Давыдовича, 1897 года рождения. Арестовали Венуса 8 января 1935 года как «участника контрреволюционной организации». 11 февраля ему было предъявлено стандартное и самое страшное по тем временам обвинение в *«шпионаже, активной контрреволюционной деятельности и участии в террористической организации, ставившей целью свержение советской власти»*. Под давлением Венус свою вину признал, и, хотя впоследствии от данных показаний пытался отказаться, его участь была предрешена.

Друзья, а их было немало, о Венусе быстро забыли. Понять их можно: за связь с «врагом народа» могли привлечь к ответственности. Так от Венуса отвернулись все — кроме одного. Этим человеком оказался Алексей Толстой: он отправил в защиту Венуса письмо всесильному Ежову.

Кто же он, Георгий Венус, почему ради его спасения пошел на отчаянный риск Толстой? Родом он был из обрусевших немцев, не одно поколение работавших на бумагопрядильной фабрике Кенига. Но Георгий пошел не в цех, а в хорошо известное реальное училище «Екатериненшуле». Юноша был талантлив: писал стихи, брал уроки в Академии художеств, мечтал стать живописцем. Помешала война. В 1915 году он поступает в Павловское пехотное училище и через восемь месяцев, приняв присягу, становится прапорщиком. Потом фронт, бои, ранения, награждение Георгиевским крестом.

Революция застала Венуса в окопах. Зимой 1918 года он вернулся в Петроград, был арестован ЧК и 29 дней содержался в Петропавловской крепости. Когда его освободили, хотели призвать в Красную Армию, но «по общей слабости здоровья» отпустили на все четыре стороны. После ряда приключений Венус оказался в занятом немцами Харькове, был мобилизован в войско гетмана Скоропадского, бежал, а когда в Харьков вошли деникинцы, вступил в дроздовский полк, так как, по его словам, *«в те дни считал, что деникинская армия нанесет поражение большевикам»*.

В белой армии находился до самого разгрома Врангеля, затем эмигрировал за границу, некоторое время жил в Константинополе, а потом перебрался в Берлин. Там-то и раскрылось истинное дарование Венуса — он начал писать, да так успешно, что на него обратили внимание. Виктор Шкловский писал, обращаясь к Алексею Толстому: *«Дорогой Шарик! Посылаю тебе молодого и талантливого писателя Георгия Венуса. Я уже доучиваю его писать. Пока ему надо есть. Не можешь ли ты дать ему рекомендацию? Он красный. Я уехал на море. Твой В. Шкловский»*.

Толстой взял Венуса под свою опеку, и его стали печатать регулярнее. В 1925 году в России вышел роман Венуса «Война и люди», о котором восторженно отозвался Максим Горький. После этого молодой писатель решил вернуться на Родину. В 1926 году он снова в Ленинграде. Среди его друзей и единомышленников такие известные писатели и художники, как Лавренев, Колбасьев, Чуковский, Тагер, Пастернак, Катаев, Яр-Кравченко, Попов и многие другие. Все шло прекрасно. Венус много писал, печатался, стал широко известен. Его книги «Стальной шлем», «Самоубийство попугая», «Зяблики в латах», «Хмельной верблюд», «Притоки с запада», «Молочные воды» были высоко оценены критикой.

И вдруг — приказ в десятидневный срок выехать в город Иргиз. Где он, этот Иргиз? Венус кинулся к Чуковскому, тот — выше, в результате Иргиз заменили Куйбышевом. Сохранить членство в Союзе писателей помог тот же Чуковский. В Куйбышеве Венуса с семьей поселили в пригородном поселке Красная Глинка. Он пытался писать, но его не печатали. Пришлось устроиться бакенщиком. Ночью Венус зажигал огни на Волге, а днем, несмотря ни на что, писал. Постепенно он пробил стену молчания, и его снова начали печатать, удалось даже выпустить книгу.

Жизнь понемногу налаживалась, Венус расправил было крылья, но, как всегда неожиданно, последовал арест. В чем его обвиняли, я уже говорил, так что допросы велись с пристрастием и признания выбивались умело. Когда речь шла о нем самом, Венус сдавался — это видно из протоколов, но когда пытались выбить показания против других, был стоек.

Получив письмо Толстого, Ежов отдал приказ любой ценой добыть показания против всемирно известного писателя. Как ни старались палачи, но выполнить приказ Ежова так и не смогли: Венус выстоял и не предал друга. Честь ему и хвала, а то ведь одному Богу ведомо, как сложилась бы судьба Толстого.

А теперь о письме. Оно отпечатано на машинке, на той самой машинке, с валика которой сошли «Хождение по мукам», «Петр I», «Гиперболоид инженера Гарина»...

«Глубокоуважаемый Николай Иванович,

я получил известие, что в Куйбышеве недавно был арестован писатель Венус.

Венус был сослан в Куйбышев в марте 1935 года, как бывший дроздовец. Он этого не скрывал и в 1922 году написал книгу «Пять месяцев с дроздовцами». Эта книга дала ему право въезда в Советскую Россию и право стать советским писателем.

Он написал еще несколько неплохих книг. Вся Ленинградская писательская общественность хорошо его знает, как честного человека, и, когда его выслали, писатели несколько раз хлопотали за него, чтобы ему была предоставлена возможность писать и печататься. Он в Куйбышеве работал и печатался в местных органах и выпустил неплохую книгу рассказов. Но жил он очень скудно и хворал малярией. Основной материальной базой его семьи (жена и сын) была переписка на машинке, перепиской занималась его жена.

После ареста у его жены был обыск и была взята машинка. Прилагаю при этом моем письме — письмо его сынишки (к моей жене), которое нельзя читать равнодушно.

Николай Иванович, сделайте так, чтобы дело Венуса было пересмотрено. Кроме пятна его прошлого, — на его совести нет пятен с тех пор, когда он сознал свою ошибку и вину перед Родиной. Во всяком случае, я уверен в этом до той поры, покуда он не уехал в Куйбышев. Его письма из Куйбышева ко мне содержали одно: просьбу дать ему возможность печататься и работать в центральной прессе..

В чем теперь его вина, я не знаю, но я опасаюсь, что арестован он все за те же откровенные показания, которые в марте 1935 года он дал следователю, то есть в том, как он, будучи юнкером, пошел с дроздовцами.

Нельзя остаться равнодушным к судьбе его сынишки. Мальчик должен учиться и расти, как все наши дети».

М. И. Калинин вручает орден «Знак Почета» писателю А. Н. Толстому.

...В принципе, на этом можно было бы поставить точку — самое главное сказано. Но Толстой берет свой знаменитый «Паркер» и приписывает от руки: *«Крепко жму Вашу руку. Алексей Толстой. 22/II 1938. г.Пушкин»*.

Вот, собственно, и все. Толстой сделал, что мог. Венус тоже сделал, что мог, не доставив наслаждения палачам пустить ему пулю в лоб: находясь в сызранской тюрьме, он заболел туберкулезным плевритом и 8 июня 1939 года умер.

ЛЕОНИД ЕФИМОВ

БИРЖИ В РОССИИ

Когда мы говорим о главных институтах капиталистического хозяйства, то обычно называем биржи, банки и акционерные компании. Как они были представлены в России и в чем были их особенности? Какова их история в нашей стране? Сегодня разговор — о биржах, и преимущественно о первой и самой крупной из них — Санкт-Петербургской. Год ее учреждения (1703) совпал с годом основания новой столицы империи. В то время биржи были относительно новым институтом. В Европе они существовали только в Голландии, в Лондоне и в некоторых провинциальных городах Франции. Своим учреждением Петербургская биржа была обязана той роли внешнеторговых морских ворот в Россию, которая прочилась городу. Было необходимо, чтобы на обоих концах морского пути организационно-правовые условия торговли не разнились.

В «Регламенте» магистрата Петербурга записали, что в городе учреждается биржа — «*сборное место... для нужных по торговым оборотам свиданий*», в частности «*для получения сведений о ценах на товары*». Первоначально это «сборное место» располагалось на Троицкой площади (недалеко от Петропавловской крепости). Там находились товарные склады и корабельные причалы. Здесь же вблизи Гостиного двора построили одноэтажный павильон с залом для собраний купечества.

О начальном периоде истории биржи известно мало. Деятельность ее регламентировалась не столько законом, сколько торговыми обычаями, заимствованными на Западе. Торговали крупными партиями товаров, находящихся на складах или на кораблях.

По всей видимости, до 1816 года биржа не имела собственных органов управления и подчинялась магистрату, а затем городскому голове. Основными сделками оставались внешнеторговые.

Главной заботой и биржи, и властей с самого начала стала борьба с обманом в торговле. В 1775 году Сенат рекомендовал Коммерц-коллегии: «*...когда кто окажется в каком-либо подлоге, то в таком случае не только с виноватым поступать по всей строгости закона, но и для сведения о таковых каждому и в страх другим выставлять в Бирже с именем преступника и с описанием вины его печатные листы*».

В 1781 году, в канун двадцатилетия своего царствования, Екатерина II распорядилась о перемещении биржи на оконечность (стрелку) Васильевского острова. Сюда же намечалось перенести и склады для товаров, и пристани. Строительство поручили Д. Кваренги. Здание проектировалось многоугольным, «*на два великолепных входа*», с колоннами, облицованными по низу «*диким камнем*». Модель постройки, по мнению современников, свидетельствовала, что «*будет сия биржа из великолепнейших до сего времени*». Однако по разным причинам строительство шло с большими перерывами и до конца века не было закончено.

В начале XIX века, в связи с активизацией торговых сношений России с Европой, идея сооружения биржевого здания возникла вновь. Обследование постройки Д. Кваренги показало, что хотя она была близка к завершению, но «*ненадежна и непригодна для достройки*», а потому подлежит разборке. В феврале 1804 года по докладу министра коммерции графа Н. П. Румянцева состоялся указ Александра I о поручении строительства биржи Ж. Тома де Томону. Место постройки оставалось прежним — на стрелке Васильевского острова. Перед зданием организовывалась обширная площадь для размещения товаров. Близлежащие берега Невы от Исаакиевского моста (наплавного) одевались в гранит «*с удобными причалами для кораблей*».

В июне следующего года состоялась торжественная закладка биржевого здания, следующим образом описываемая в «Истории Петербургской биржи»:

«Ко дню закладки биржевого здания было выбито 25 золотых и 8 серебряных медалей, предназначенных для раздачи почетнейшим гостям, список которых по представлению... гр. Румянцева императору был высочайше утвержден. Три оставшиеся золотые медали были отправлены в Эрмитаж, Академию художеств и Московский университет. На этих медалях был изображен с одной стороны портрет императора, а с другой — фасад биржи, пристань и ростральные колонны. Торжество закладки биржи происходило... в присутствии... особ царской фамилии. Место закладки было украшено богато убранным шатром. По совершении духовного обряда митрополитом Амвросием государю императору и всей императорской фамилии

гр. Румянцевым были поднесены на золотом блюде медали и монеты всех цен, вычеканенные в царствование Александра I... Государь положил первый камень, государыни императрицы — агатовые доски, украшенные их вензелями. Сверх всего гр. Румянцев положил серебряную вызолоченную доску с надписью... Торжество закончилось обедом, предложенным купечеством в биржевом зале, убранном торговыми флагами всех государств». Был ли упомянутый зал частью здания Кваренги или временным сооружением — не ясно.

Строительство биржевого здания осложнялось войнами с Наполеоном. Но несмотря на это, к 1814 году новое здание было готово. Это было огромное по тем временам сооружение, со всех сторон окруженное белыми колоннами. В центре его находился обширный зал для биржевых собраний. Вокруг располагалось несколько меньших помещений служебного назначения.

Возникла мысль приурочить открытие биржи к торжествам по случаю возвращения императора из Европы в столицу; в самом же биржевом здании устроить «торжественный праздник». Однако Александр отнесся к этой идее отрицательно. Он сообщил в Петербург: *«Дошло до моего сведения, что делаются разные приготовления к моей встрече. Ненавидя оные всегда, почитаю их еще менее приличными ныне... Объявите повсюду мою непременную волю, дабы никаких встреч и приемов для меня не делать».* Все же желание отметить начало деятельности биржи в новом здании торжеством и в присутствии императора возобладало: «*открытие и освящение биржевого здания было отложено*» на два года «*и состоялось лишь 15 июля 1816 г.*».

С сооружением биржевого здания завершилось архитектурное оформление оконечности Васильевского острова. Нахождение же там складов и причалов не смущало: по тогдашним понятиям они демонстрировали динамизм деловой жизни города. Вместе с тем строительство роскошного биржевого здания за казенный счет должно было показать заботу правительства о развитии отечественной торговли (и коммерции вообще) и стать знаком уважения к купеческому сословию.

Сразу же после открытия здание биржи было безвозмездно передано петербургскому купечеству (биржевому обществу), «*поставя в обязанность купечеству содержать оное в исправности... и тем отвратить от казны всякие по сему зданию издержки*». Расходы по содержанию грандиозного здания легли тяжелым бременем на биржевое купечество и не могли не вызвать существенного повышения денежных сборов с участников биржевых операций.

Итак, разрешилась важная правовая проблема: биржевое общество было признано юридическим лицом, введена практика ежегодных собраний его членов и разрешены выборы Биржевого комитета, возглавлявшего биржу между собраниями. Председателем комитета являлся городской голова Петербурга, избиравшийся обычно из представителей купечества.

Вплоть до 1830-х годов Петербургская биржа оставалась единственной в стране. Ее экономическое значение определялось двумя обстоятельствами. Прежде всего тем, что Петербург являлся главным внешнеторговым портом России. С внутренними экономическими районами его соединяла отлаженная, хотя и сложная, система водных путей. Правда, прохождение грузов по ним занимало много времени, а иногда не укладывалось в навигацию. На доставку же товаров в Европу (и обратно) морским путем требовалось всего одна-две недели. В конце 1820-х годов с появлением пароходов морское сообщение с Европой стало регулярным и менее зависимым от погодных условий. И в первом, и во втором случаях исключалось, естественно, зимнее время. Однако Петербург был не только транзитным, но и крупнейшим потребляющим пунктом. Императорский двор, правительственные учреждения с массой чиновников, сосредоточение гвардейских и других войск, наконец, развитие собственной промышленности, нуждавшейся в сырье и сбыте продукции, — все это порождало необходимость подвоза в город огромных масс товаров.

Интенсивные коммерческие связи с Европой требовали принятия современного биржевого законодательства. В 1831 году принимается Положение о Биржевом комитете и закон о маклерах, а в 1832-м — Биржевой устав. С возникновением в стране новых бирж законы эти легли в основу правовых актов, определявших их деятельность.

В уставе 1832 года биржа определялась как *«общее собрание принадлежащих к торговому сословию лиц, которые собираются в одном месте для удобства взаимных сношений и сделок по всем оборотам торговли и промышленности».* Для сравнения укажем, что французское Торговое уложение 1808 года определяло биржу как *«собрание купцов, фондовых и торговых маклеров, происходящее под надзором правительства».* А Берлинская биржа в уставе 1866 года обозначалась как *«собрание купцов, торговых маклеров... и других лиц для облегчения заключения торговых сделок с разрешения правительства».* В России органом правительственного надзора был Департамент внешней торговли Министерства финансов. Это указывает на то, что Петербургская биржа рассматривалась преимущественно как внешнеторговая.

Считаясь с реальной ситуацией в России, и прежде всего с низким культурным уровнем купечества, устав 1832 года содержал следующее регламентирующее положение: *«Отличительное свойство всякого образованного общества есть благопристойность, скромность и тишина, а потому посещающие биржу не должны упускать из вида взаимного уважения, коим друг другу и особенно целому обществу они обязаны».*

Для облегчения встреч продавцов с покупателями и чтобы не слишком отрывать биржевиков от текущих коммерческих дел, устанавливались сравнительно тесные временные рамки работы биржи — один-два часа в день, преимущественно к вечеру.

Участники биржевых собраний подразделялись на членов биржи, осуществлявших сделки самостоятельно и уплачивавших годовой взнос, и на посетителей, которые заключали сделки только через маклеров, оплачивая разовые посещения биржи. Согласно уставу, *«совершение торговых сделок разрешалось только некоторым разрядам лиц, принадлежащим к русскому и иностранному купечеству и, кроме того, торгующим крестьянам и подрядчикам».* Получение прав на коммерческую деятельность каждым из названных «разрядов лиц» приобреталось уплатой ими соответствующих, внебиржевых пошлин.

Главная задача биржи заключалась в выяснении истинной рыночной оптимальной цены товара (в данное время и данном месте). Возможность же выяснить такую цену зависела от числа торговых сделок и массы проданного товара. Поскольку биржа манипулировала большими объемами товаров, конечная разница в ценах на них (например, за пуд хлеба) в итоге оборачивалась весьма значительными суммами. Отсюда особенное внимание к ценам, их точная фиксация, анализ движения, опубликование в специальных бюллетенях.

Задачей биржи являлось также осуществление торговли в соответствии с законодательными нормами государства, в результате чего торговые сделки оказывались под защитой закона и нарушение их могло преследоваться. Качество основных биржевых товаров должно было отвечать определенным стандартам. Это создавало возможность торговли по образцам, а затем и торговли на срок (при отсутствии товара на момент сделки, но с обязательством поставки его к установленному сроку).

Наконец, задача биржи — обеспечение необходимых технических удобств для торговых сделок. Последние в большинстве осуществлялись через опытных посредников-маклеров (в англоязычных странах их называют брокерами), количество которых первоначально ограничили в 100 человек. Маклеры определялись как *«утвержденные правительством по выбору и удостоению купечества посредники в торговых делах».* В законе говорилось: *«Биржевые маклеры по долгу присяги и совести и для приобретения большого к себе доверия должны при всей услужливости оказывать во всех случаях честность и совершенное нелицеприятие и притом сохранять в тайне все делаемые ими от торгующих поручения, отнюдь не оглашая оных без воли обеих сторон. Зная все отношения коммерческие по своей части, биржевой маклер обязан доверителю своему служить, предостерегая его в случае обмана или вреда».* Маклеры *«приводились к присяге и получали знак биржевого маклера»*, за который с них взыскивалось 100 рублей ассигнациями. *«За совершение сделки маклерам предоставлялось получать вознаграждение (куртаж) с покупателя и продавца»* («*по товарам — пополам с покупателя и продавца по полупроцента с каждого*»).

Биржа считалась автономной, самоуправляющейся и, как ни странно это прозвучит, некоммерческой организацией. Последнее означало, что получение прибыли не было прямой целью биржи. Когда же такая прибыль все же образовывалась, она использовалась на благотворительные цели. Биржа возглавлялась Биржевым комитетом, члены которого (биржевые старшины) избирались на трехлетний срок. Таковыми старшинами могли быть лишь купцы первой гильдии. Председателем Комитета до 1846 года был городской голова, а позднее — один из биржевых старшин.

Председателем Петербургской биржи в течение трех трехлетий (1824—1833), когда разрабатывались основы биржевого законодательства, был Н. И. Кусов. Он «*принадлежал к одному из именитейших петербургских купеческих родов*». Его отец был в числе первых негоциантов на Петербургской бирже, получивших в 1800 году почетное звание коммерции советника. До конца жизни (1856) Н. И. Кусов

«принимал широкое участие в благотворительных учреждениях и различных комиссиях и советах. По сведениям 1846 года, он состоял в 11 ведомствах и занимал 36 должностей». За свою службу в 1848 году он получил «генеральский» чин действительного статского советника (IV класс). В 1866 году род Кусовых в связи со 100-летием деятельности фирмы был возведен в баронское достоинство.

Служба по выборам (как ее называли), хоть и была почетной, отнимала много сил и времени, и купечество избегало участия в ней. Поэтому по закону, *«дабы почетное звание биржевого старшины охотно принимали на себя известнейшие купцы, служба их в сей должности»* приравнивалась к службе по городским выборам. Это означало, что члены Биржевого комитета получали чин VI класса за уряд, то есть на время исполнения обязанностей старшины. В 1843 году в тех же целях членам Биржевого комитета и гоф-маклеру* *«было дано право... носить мундир Министерства финансов VI класса, председатель же Биржевого комитета по званию городского головы сохранял право на ношение мундира VI же класса Министерства внутренних дел, а в 1846 г., вследствие разделения названных должностей, председатель Биржевого комитета получил право носить мундир Министерства финансов, наравне с биржевыми старшинами».* Те, кто прослужил по выборам три трехлетия, сохраняли мундир пожизненно.

До 1830-х годов Петербургская биржа оставалась единственной в стране. Только в 1789 году была предпринята попытка создать биржу в Москве, но тогда она не увенчалась успехом. Было известно, однако, о деловых встречах (собраниях) московского купечества у входа в Гостиный двор на углу Ильинской улицы и Хрустального переулка для заключения коммерческих сделок. В краткой истории Московской биржи так говорится о том времени: *«Биржа была совершенно неустроенной: не имела ни учреждения, которое составляло бы ее представительство, ни даже потребного для нее помещения, а потому не могла ничем проявить самого своего существования».* Лишь в 1828 году отдельными представителями московского купечества был поднят вопрос о строительстве особого здания для биржевых собраний. Генерал-губернатор Москвы князь Д. В. Голицын сообщил об этом министру финансов Е. Ф. Канкрину, тот доложил императору и в 1831 году дал знать о его согласии.

Первой мыслью властей и на этот раз было *«построить биржу огромную и великолепную, которая бы служила и памятником»* городской архитектуры. В этом случае *«лучшим местом»* для нее считалась площадь *«за Ильинскими воротами»* (на стыке теперешних Старой и Новой площадей). Однако купечество воспротивилось строительству биржи вне *«городской части»* — вдали от *«амбаров Гостиного двора»* и пристаней на Москве-реке. Свободного же места для *«здания в обширном и величественном виде»* там не было. Тогда было решено, что *«достаточно устроить на площадке возле Гостиного двора... одну только биржевую залу без всяких других принадлежностей».* Деньги на строительство и на этот раз были отпущены из государственного казначейства. Первоначально архитектором намечался О. И. Бове. Но после его смерти строительство поручили М. Д. Быковскому.

К 1839 году биржевое здание было готово. Однако выяснилось, что основная масса купечества не желает уплачивать биржевые пошлины и предпочитает *«собрания»* вне здания. Положение изменилось лишь к началу 1870-х годов. Если в 1840—1860-х годах число членов биржевого общества составляло 200—300 человек, то после 1871 года оно превысило тысячу. Было решено расширить биржевое здание за счет соседних построек. К 1875 году этот замысел реализовали, и более просторное биржевое здание с двухколонным портиком и залом на 1150 человек на углу Ильинской улицы и Рыбного переулка освятили. Руководил перестройкой архитектор А. С. Каминский.

Первые 30 лет своего официального существования Московская биржа руководствовалась теми же правовыми нормами, которые были установлены для Петербургской. Но в 1870 году принимается новый устав, который узаконил существование «биржевого общества» и способствовал активизации деятельности Московской биржи с превращением ее в лидирующую внутриторговую, в отличие от Петербургской — преимущественно внешнеторговой.

Несколькими годами раньше московской возникла биржа в г. Кременчуге (1834), тремя годами позднее (1842) — в Рыбинске, который в то время являлся важнейшим торговым пунктом на водном пути с Волги на Петербург.

С 1848 года во время ярмарок стала действовать биржа в Нижнем Новгороде. Тогда же возникла биржа в южном портовом центре России — Одессе. Новый подъем биржевого учредительства относится к периоду после отмены крепостного права. В 1860—1870-е годы возникают 12 бирж: в Иркутске, Киеве, Казани, Туле, Риге, Ростове-на-Дону, Харькове, Самаре, Саратове, Астрахани, Ревеле, Варшаве. В начале XX века в России действовало уже 46 бирж, а к 1917 году — около сотни.

Все провинциальные биржи работали на основании утвержденных императором уставов, образцом для которых служил устав Петербургской биржи.

Последний до революции шаг в развитии биржевой деятельности в стране — возникновение отраслевых товарных бирж: каменноугольной, мясной, хлебной и др.

Все это свидетельствовало не только об успехах экономического развития страны, но и о росте коммерческой культуры. Медленно, но неуклонно крепло убеждение в том, что честное предпринимательство выгоднее основанного на обмане и разовой выгоде. Хотя вне бирж все еще продолжала совершаться значительная часть торговых сделок, именно биржевые операции считались престижными. Сама принадлежность к биржевому обществу рассматривалась как лучшая аттестация предпринимателя.

* Старшему маклеру.

Предлагаемая статья японского ученого Мацузато Кимитака, доцента Центра славяноведения при Хоккайдском университете, о конце земства в России разрушает упрощенное представление о том, что этот уникальный орган российского самоуправления исчез только в результате действий большевиков.

МАЦУЗАТО КИМИТАКА

ПОЧЕМУ УМЕРЛИ ЗЕМСТВА

УСПЕХИ И БЕДЫ

Ни в современной исторической науке, ни в современной политике никто не отрицает заслугу земств в деле распространения в русской деревне медицинского обслуживания, школьного образования, экономической помощи и т. д. Однако современные историки не собираются отказываться от мнения, согласно которому земства не могли выйти из узких рамок классовости, сословности (по причине недемократичности их выборной системы и отсутствия мелких волостных земств), не пустили глубоких корней в российской жизни и именно поэтому потерпели поражение от Советской власти.

В Вятской губернии на первом же собрании «демократического земства» (то есть впервые выбранного всеобщим голосованием согласно постановлению Временного правительства от 21 мая 1917 года) председатель губернской земской управы П. И. Паньков весьма эмоционально высказался о причинах кризиса земства: *«...в последние три десятилетия оно не было уже плотью от плоти и костью от кости народа... в его рядах был большой процент элемента, чуждого населению, и через это само учреждение казалось как бы лишней, ненужной тяготой».*

С другой стороны, в Пермском губернском земстве, выдерживавшем сильнейшее давление и террор со стороны Советов вплоть до конца февраля 1918 года, управа математически четко сформулировала *«существенные дефекты ранее бывшей земской администрации»*:

а) отсутствие многих необходимых органов для удовлетворения насущных потребностей населения;

б) отсутствие гибкости и близости к населению при насущной необходимости привлекать к деятельности широкие массы населения;

в) отсутствие единой руководящей воли в деятельности различных, даже родственных друг другу, органов взаимодействия, стремление к самозамыканию, земский бюрократизм;

г) недостаток творческой инициативы...

Можно считать критику вятичей «сущностью», а критику пермяков «явлением», но разницы между ними нельзя не заметить. У первых — политико-социологический подход с точки зрения демократизма. У вторых — функциональный подход, анализирующий действительный процесс земской деятельности, показывающий, что земства потерпели поражение вследствие негибкости организации, не сумевшей выдержать тотальной войны и революционной ситуации. В словах вятичей отражена психология земцев, но не психология населения. Они не объясняют, почему настоящий антагонизм между сельским населением и земствами проявился как раз во время введения Временным правительством «демократических земств». Выходит, народ не фетишизирует демократию.

Впрочем, и в канун мировой войны земские дела сопровождал не только попутный ветер.

Успешная модернизация деревни заставила крестьян испытать, можно сказать, культурный шок. Например, успех агропомощи в период перехода от трехполья к многополью встряхнул крестьянское мировоззрение, связывавшее трехполье с христианской Троицей. Агроном Пензенского земства так обрисовал «деревенскую атмосферу» того времени:

«Приезжает агроном в какое-нибудь селение, устраивает беседу о кредитном товариществе, где можно получать деньги процентов под 12, по копейке на рубль в месяц, где и поручителей не нужно — дают по личному доверию и проч., проч.; начинает запись учредителей и в результате слышит: «Не желаем», «Не к добру это», и если несколько человек уже записалось, то «исключи», «вычеркни». А откуда-нибудь из темного уголка съезжей, из-за спин других, доносится: «Слыханное ли дело, деньги чуть не даром раздавать будет! <...> » — «Нет, это не к добру, от антихриста это! Видно, последние месяцы доживаем. Верно старые люди сказывали: «прокатится огненная колесница (железная дорога), оснуется белый свет струнами (телефон и телеграф), и народится антихрист перед последним концом» — вот оно все так и выходит. Ох... последние дни настали!» И ребятишки вдогонку агроному кричат: «Антихрист! Антихрист!..»

В модернизируемых обществах напряжение возникает повсеместно. Успешность проникновения начинаний земств в крестьянство зависела от соотношения сил между передовыми и «темными» крестьянами. Если мнение «темных» подавляло сельский сход, то он принимал даже постановление об упразднении школ и больниц, как это происходило в 1905 году и в революцию 1917—1918 годов. Если налоги тяжелые, а результатов мало, крестьяне настроены против модернизации. Именно поэтому земства крайне осторожно относились к новым начинаниям, стремились, чтобы они давали заметные результаты в короткий период, тем более что земские обложения в 10-е годы XX века представляли довольно тяжелое бремя для населения. Такова особенность отношения к управленческой эффективности: в уже модернизированных обществах ее снижение вызывает лишь критику снизу, а в обществах модернизируемых — неприязнь к самой модернизации.

МИРОВАЯ ВОЙНА

Первая мировая война стала первой в истории человечества тотальной войной. То есть войной, потребовавшей максимально мобилизовать производительные силы тыла. Правительства воюющих стран старались перестроить уже существующие организации для военных нужд.

Неудивительно поэтому, что в России земства оказались важнейшей опорой тотальной мобилизации. Сельская промышленность России была достаточно развита для производства значительной части военных припасов. Но мобилизовать такой потенциал деревни могли только земства.

В начале войны царское правительство возложило на земства обязанности военно-промышленных заготовок, лечения раненых и помощи семьям призванных на фронт. Во время отступления из Галиции на земства легла еще мобилизация сельской промышленности и забота о беженцах из западных губерний. Бесполезно задавать вопрос Второго Интернационала: «Как земцы оценили империалистическую войну?» Их деятельность носила стихийно-патриотический характер: при столкновении с таким небывалым явлением, как тотальная война, земцам хотелось попробовать свои силы, накопленные в ходе модернизации России. Но именно из-за того, что земства оказались главной опорой мобилизации, они стали постепенно отчуждаться от основной своей обязанности: поддерживать благосостояние населения. Это стало первым фактором недовольства земствами. Земские финансы резко милитаризовались. По анкетным данным 1915 года, расход губернских земств на военные нужды составлял в среднем 26% бюджета, причем от 25 до 50% расходовали 13 губернских земств, а два — Харьковское и Пермское — более 50%! Такое увеличение расходов было покрыто правительственными ссудами и займами: например, то же Пермское земство имело к ноябрю 1917 года 12 миллионов рублей долга своим фондовым капиталам, государственному и частным банкам.

ЛѢТОПИСЬ ВОЙНЫ

Земские служащие (из тех, кого не призвали на фронт) использовались не столько по прямому назначению, сколько для мобилизации ресурсов тыла. Например, в 1916 году земские агрономы занимались не агропомощью, а делами по карточному распределению сахара, разверсткой поставок скота, всероссийской сельскохозяйственной переписью.

В 1916 году земства стали принимать постановления вроде такого (Орловское земство): *«В настоящий момент, когда намечается по губернии, как и повсюду в России, грозный признак сельскохозяйственного кризиса, когда обнаруживается в перспективе полный недостаток сельскохозяйственных продуктов... поднимается естественный вопрос о нерасчетливом употреблении дорогих сил на дело, которое, по существу, также может хорошо сделать и неквалифицированный работник».*

В результате ухудшения экономического положения страны способ продовольственной заготовки перешел из коммерческого в принудительный, а земская агрономическая организация и сельскохозяйственные структуры не могли обеспечить крестьян орудиями труда, удобрениями, улучшенными семенами так же полно, как делали это до войны.

В итоге в глазах крестьян земские работники стали виновниками тотальной мобилизации, людьми, которые только эксплуатируют, а не приносят пользу. Это признавал, например, председатель Волынской губернской земской управы накануне Февральской революции: *«На земство ныне возложен целый ряд обязанностей по реквизиции у населения всевозможных хозяйственных ценностей и вообще по привлечению населения к принудительным действиям, что неизбежно создает в народе искусственную неприязнь к земству».*

Была еще одна причина, загнавшая земства в тупик. Когда во время Февральской революции местная администрация с губернаторами во главе оказалась упразднена, такие государственные обязанности, как полицейский надзор, регламентация крестьянских общин, взимание налогов, устроение переселенческого дела и прочие, перешли

в ведение земства. Губернские и уездные земские собрания приобрели право издавать обязательные для населения постановления. Земства превратились в псевдогосударственные учреждения, на которые опиралось Временное правительство. До Февраля непопулярные среди населения фискальные и полицейские функции земству были неведомы. С весны 1917 года, при подъеме крестьянского движения, земствам пришлось предстать перед населением в качестве органа власти, порой жестокого.

РЕВОЛЮЦИЯ

В мае 1917 года Временное правительство приняло постановление о введении волостных земств. Но если при царизме либералы требовали введения волостных земств, независимых от существующей крестьянской администрации и нацеленных на выполнение социально-экономических задач, то при Временном правительстве, упразднившем крестьянскую администрацию, волостные земства по иронии судьбы оказались принуждены выполнять ту полицейскую функцию, на которой настаивало прежде царское МВД. Так кризис земских учреждений распространился и на волостные земства.

Кроме того, произошло резкое снижение эффективности управления земств с осени 1916 года. Это было следствием их участия в военной мобилизации. В 1917 году наметился полный застой в деятельности местных продовольственных органов. Так, в Московской губернии из-за неудачного денежного оборота к 1 сентября 1917 года задолженность кооперативных организаций губернскому продовольственному комитету достигла семи миллионов рублей.

Волостные продовольственные комитеты буквально обворовывали налогоплательщиков. Естественно, что введение волостных земств было воспринято населением как угроза увеличения налогового бремени. Жители тех волостей, которые уже ввели у себя волостные земства, стали отказываться от волостного земского обложения. Это движение породило желание совсем отказаться от волостных земств, а разрастаясь вширь, стало доходить до мысли об освобождении от всякого земского обложения и от земств вообще.

По данным анкеты, собранной весной 1918 года в Тамбовской губернии, значительное число волостей при выборах в Советы руководствовалось соображением о том, что Совет обойдется по расходам дешевле, чем земство. Советы решительно сократили органы, наследованные от земств, — за исключением земельных и продовольственных комитетов, занимавшихся важным, с точки зрения политической борьбы, делом. Начался возврат к принципам достолыпинского времени, причем это отражало настроения крестьян конца 1917-го — весны 1918 года. Известны случаи, когда при несовпадении села и общины отдавалось предпочтение созданию общинного Совета вместо сельского. Такой Совет был не чем иным, как исполнительным органом традиционного сельского схода. В итоге можно сказать, что чем меньше общинное самоуправление было украшено модернизмом, тем дешевле оказывалась управленческая себестоимость. В этом смысле волостные земства проигрывали и волостной системе дореволюционной России, и общинным Советам 1918 года.

В конце концов новое двоевластие (земства и Советы) ликвидировало финансовую базу земств. Население, в том числе и симпатизировавшее земству, перестало платить налоги земствам, предвидя грабеж земских финансов большевиками. К тому же в результате огосударствления предприятий земства потеряли значительный источник доходов. Огосударствление банков пресекло возможность получения займов. Во времена царизма земства имели право налогообложения государственных лесов. Земства таких малонаселенных, но лесистых губерний, как Олонецкая и Вологодская, опирались на большие суммы доходов по этой статье. Это было формой государственной дотации земствам. Однако советское правительство не признало права обложения государственных лесов, и этот источник финансирования также исчез.

ИТОГИ

В России суть модернизации заключалась в сближении европеизированной элиты и традиционного народа, в том, что у этих двух социальных групп стал появляться общий язык.

Но быстрота модернизации вызвала сильное отвращение к ней у «темной» части крестьянства. Это было порохом невежества. Благодаря крупной роли земств в модернизации России они стали носителями тотальной мобилизации в годы мировой войны и оказались объектом этого отвращения. Земства не могли сохранить псевдооппозиционное отстояние от правительства и оказались в глазах народа виновниками агонии войны. Так высекалась искра революции. Этим и объясняется то, что переход от земств к Советам не вызвал сильного сопротивления со стороны населения.

Остается только добавить, что переход от земств к Советам не всегда считался современниками коренным переворотом режима. Ведь к началу 1918 года значительная часть волостных земств была под влиянием левых эсеров и большевиков. Достаточно было изменить название. Даже в местностях, где земства сильно сопротивлялись Советам, большинство земских работников было спокойно передано советским учреждениям. При наступлении комбедовского периода весной 1918 года началась политическая чистка бывших земских работников. Именно это событие стало смертью нормального государственного управления с его законностью и расчетливостью, основанными на согласии с населением.

В трансформации местного самоуправления нужно видеть бегство от испортившихся земств, а не движение к хорошим Советам. Ведь, как раньше с гордостью признавали советские историки, *«Советы докомбедовского периода отражали только буржуазно-демократический этап крестьянской революции, не отвечали ее социалистическим задачам и были обречены на роспуск»*.

Новые, однопартийные, Советы, появившиеся осенью 1918 года в результате комбедовской стратегии, принесли принципы управления, отличавшиеся даже от принципов первых послеоктябрьских Советов, не говоря уже об учреждениях старого режима. Трагедия России заключалась в том, что только такой режим имел возможность приостановить гражданскую войну, привести страну к относительной стабильности.

Герой нашего повествования справедливо приобрел репутацию храброго генерала и гуманного военачальника. Его формулярный список — это настоящая хроника российской военной истории первой трети XIX века. Это был один из самых образованных, компетентных, работоспособных государственных деятелей Российской империи за все годы ее существования. Однако в нашей исторической памяти он получил печальную известность недоброжелателя и гонителя Пушкина. Все остальное о нем знают только специалисты...

СЕМЕН ЭКШТУТ,
кандидат философских наук

«ПОЛУ-ГЕРОЙ,... ПОЛУ-ПОДЛЕЦ»?..

I

Граф Михаил Семенович Воронцов родился под счастливой звездой. По обычаю того времени влиятельная родня младенцем записала его бомбардир-капралом в лейб-гвардии Преображенский полк; четырех лет от роду он уже был произведен в прапорщики. В 1798 году Павел I пожаловал шестнадцатилетнему юноше придворный чин действительного камергера (IV класс по Табели о рангах). На основании существовавших узаконений граф Воронцов мог поступить на военную службу сразу с чином генерал-майора (IV класс), а на статскую — даже с чином III класса (тайный советник). Однако он не воспользовался этим правом и начал служить с младших чинов, определившись в октябре 1801 года поручиком в Преображенский полк. Вскоре Воронцов покидает столицу и ее многочисленные удовольствия, легко примирившись с отсутствием «всяких забав, кроме тех, кои встречаются в поле и против неприятеля». В 1803 году он волонтером едет в Грузию, лишь недавно вошедшую в состав империи, и участвует в войне с Персией (1804—1813). Впрочем, молодость брала свое. В одном из писем к другу Воронцов красноречиво признается: «...я думаю, что в Тифлисе столько же венерического яду, сколько в Петербурге». Главнокомандующий князь Цицианов благоволил к хладнокровному поручику, давал ему важные и ответственные поручения и не забывал представлять к наградам. В 1805 году Воронцов вернется в полк капитаном, удостоенным нескольких орденов, среди которых был и орден святого Георгия 4-й степени — самая почетная боевая офицерская награда. Двенадцать лет — с 1803-го по 1815 -й — Воронцов проводит в беспрестанных войнах, боях и походах, кроме одного, 1808, года, когда он служил в Петербурге. Армия станет для него синонимом Отчизны, альфой и омегой всех вещей на свете: он ревностно служил и быстро продвигался в чинах, счастливо избегая «досад», обид и неприятностей по службе.

Неизвестный художник.
Портрет М. С. Воронцова в детстве.

Мало кто из героев 1812 года мог похвастаться столь блистательной и быстрой карьерой, хотя молодые генералы встречались в эти годы не так уж редко. Двадцати восьми лет от роду Воронцов стал генерал-майором и Отечественную войну встретил начальником сводно-гренадерской дивизии. В феврале 1813 года тридцатилетний граф получил чин генерал-лейтенанта, а в конце августа 1815 года после известного смотра союзных войск при Вертю, в окрестностях Парижа, был пожалован генерал-адъютантом императора. Это почетное придворное звание жаловалось крайне редко и расценивалось как важнейший показатель благоволения государя.

Генерал Воронцов оставался редчайшим примером военачальника, сочетавшего признательность и уважение сограждан, любовь солдат и офицеров с благоволением Александра I.

Однако успехи соперников портили ему кровь. Долгое время, благодаря врожденной «сокровенности», Воронцову удавалось скрывать это от глаз окружающих. «Заметь, что в их роде нн одного нет нараспашку», — отмечал проницательный граф Ф. В. Ростопчин[1]. Он сознательно старался не обнаруживать и сохранять в тайне не только свои поступки, но и чувства, мысли, намерения. Впрочем, уже в начале Отечественной войны генерал Н. Н. Раевский отозвался о нем довольно резко: «Воронцов играет со мной комедию. Он несправедливо завистлив и не скрывает этого, как прежде. Наконец, он разоблачен всеми, кто имеет здравый рассудок». Князь Сергей Волконский, будущий декабрист, хорошо узнал Воронцова за время совместного участия в заграничных походах 1813—1814 годов и охарактеризовал его как «ненасытного в тщеславии, не терпящего совместничества, неблагодарного к тем, которые оказывали ему услуги, неразборчивого в средствах для достижения своей цели, а мстительного донельзя против тех или которые стоят на его пути, или тех, которые, дейст-

вуя по совести, не хотят быть его рабами». Однако пока продолжались войны, все эти недостатки сглаживались на фоне его несомненных боевых заслуг.

Граф М. С. Воронцов был храбрым офицером: в юные годы он под огнем горцев вынес с поля боя раненого товарища — Котляревского, впоследствии получившего громкую известность «бича Кавказа». В войсках, которыми он командовал, Воронцов настойчиво «старался заводить дух благородный военный и ставил честь и храбрость выше всего». На Бородинском поле он неустрашимо повел своих гренадеров в контратаку, был ранен жестоко мушкетной пулей в бедро и чудом остался жив: большая часть его дивизии погибла. «...В наших рядах не было ни беглецов, ни сдавшихся в плен», — вспоминал Воронцов.

Раненого привезли в Москву накануне сдачи ее войскам неприятеля. Здесь он обнаружил, что картины, драгоценности, библиотека из его трехэтажного дома в Немецкой слободе подготовлены к вывозу. Для этой цели из деревни было специально прислано 200 подвод. Граф распорядился бросить богатейшее имущество в добычу неприятелю: на подводы были посажены раненые и отвезены в село Андреевское Владимирской губернии — родовое имение Воронцовых в трех днях пути от Москвы. Гостеприимством хозяина воспользовались пятьдесят офицеров, триста рядовых и сто офицерских денщиков; в конюшнях были размещены более трехсот лошадей. Каждый выздоравливающий солдат получал от графа 10 рублей. (Примечательно, что Александр I пожаловал участникам Бородинской битвы из числа нижних чинов по пять рублей.)

По выздоровлении граф Воронцов командовал авангардом 3-й Западной армии. В кампании 1813 года летучий отряд Воронцова занял Познань, осаждал Кюстрин и Магдебург. В осенней кампании 1813 года граф стоял во главе авангарда Северной армии, принял участие в Лейпцигской битве, взятии Касселя и осаде Гамбурга. 23 февраля (7 марта) 1814 года в битве при Краоне Воронцов мужественно выдержал мощный натиск французской армии, во главе которой стоял сам Наполеон.

II

В 1815 году «без лести преданный» граф Аракчеев назвал государю Воронцова и Ермолова в качестве наиболее достойных кандидатов на пост военного министра. Это было хорошо продуманной интригой. Меньше всего Аракчеев хотел видеть популярных генералов в столице и в конечном итоге сумел так повернуть разговор, что ни тот ни другой не получили это назначение и были удалены из Петербурга — «средоточия всех властей и правлений». Ермолов стал «проконсулом Кавказа», Воронцов оказался во Франции.

По завершении наполеоновских войн он несколько лет командовал оккупационным корпусом, в котором — впервые в истории русской армии — были отменены телесные наказания. «В солдате признаны были достоинства и требования человека; обращение с ними начальников переменилось радикально, новые отношения начальников к нижним чинам, — честность, справедливость, заботливость, гуманность, даже учтивость в отношении к ним появились на практике и, сделавшись общими в корпусе Воронцова, остававшегося во Франции долгое время, достигли своего идеала в старом Семеновском полку»[2]. Он не скрывал своего отрицательного отношения к «фрунтовой акробатике», которая так нравилась императору и великим князьям, и имел устойчивую социальную репутацию англомана и сторонника английской политической системы. Воронцовский корпус стал настоящим опытным полем для либеральных начинаний. По инициативе С. И. Тургенева при штабе корпуса был создан «Русский клуб» — легальная офицерская организация. «...Устав клуба был миниатюрной проекцией конституционного государства английского типа» (С. С. Ланда). В доносе Грибовского, полученном Александром I в конце мая 1821 года, сказано, что члены «Союза благоденствия» «возлагали самые большие надежды» на графа Воронцова и его корпус. В доносе был сделан прозрачный намек на то, что члены тайного общества при определенных условиях могли бы предложить графу их возглавить: «Главу положено было избрать, когда было бы уже все готово, из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством»[3]. Александр I, подозревая Воронцова в либерализме, в течение нескольких лет медлил с пожалованием ему чина генерала от инфантерии — полного генерала. (На нетерпеливое ожидание графом этого чина намекает концовка пушкинской эпиграммы на него: «...Полу-подлец, но есть надежда,//Что будет полным наконец».)

В конце 1818 года корпус Воронцова покинул пределы Франции. Офицеры оккупационного корпуса посещали не только заседания «Русского клуба». Они не забывали и об удовольствиях иного рода. «Жаль только, что славную кровь Русскую разольете вы между гнусным народом...» (Ермолов — Воронцову. 1816). Корпусному командиру забавы его офицеров обошлись недешево: после того как корпус покинул Францию, Воронцов из собственных средств заплатил полтора миллиона рублей ассигнациями, полностью оплатив все частные долги своих подчиненных. Чтобы изыскать эту громадную сумму, граф продал имение Круглое Могилевской губернии, которое унаследовал от своей тетки княгини Екатерины Романовны Дашковой. Злые языки утверждали, что пошатнувшееся материальное положение вынудило графа срочно жениться на богатой невесте — наследнице значительной части огромного состояния князя Потемкина.

Накануне вывода войск состоялся высочайший смотр, который прошел великолепно. Завистники прикусили языки. Графу государь пожаловал Владимирскую ленту: орден святого Владимира 1-й степени был наградой очень высокой, получить которую в тридцатишестилетнем возрасте еще никому из простых смертных не удавалось. Однако Воронцов был недоволен: он желал быть произведенным в следующий чин. «Но делать нечего; сим доказано, что не совсем вас любят, как по заслугам вашим следует. Плетью обуха не перешибешь» (А. А. Закревский — Воронцову. 4 декабря 1818 года)[4]. Воронцов демонстративно взял длительный заграничный отпуск и покинул Россию.

Весной 1820 года он появился в Петербурге и начал активно действовать, пытаясь создать общество для гласного обсуждения способов освобождения крепостных крестьян. Воронцов отлично сознавал экономическую невыгодность крепостного права. В его многочисленных имениях не было барщины: «Ярем он барщины старинной оброком легким заменил; и раб судьбу благословил». Воронцов организовал на юге фабрику паровых машин, полагая, что их введение «удесятерит способ умножать работы с облегчением крестьян». Владея не одной тысячей крепостных крестьян, он был убежден в необходимости — в интересах всего государства — «постепенного, но не слишком тихого или отложенного вдаль» избавления крестьян от рабства. Воронцов сообщил о своем намерении государю и первоначально получил его согласие. На имя Александра I была составлена записка, в которой обосновывалась целесообразность создания подобного общества. Под ней подписались граф Воронцов, князь А. С. Меншиков, братья А. И. и Н. И. Тургеневы, князь П. А. Вяземский. Слух о подписке в пользу освобождения крестьян разнесся по столице и вызвал почти однозначную отрицательную реакцию придворной верхушки. Воронцову пришлось пережить самую настоящую травлю, о чем он никогда не забывал впоследствии. Под напором высших сановников император отказался от реформирования крепостных отношений.

«Он отрекся от прежних своих мыслей; разумеется, пример его обратил многих. Я... остался таким образом приверженцем мнения уже не торжествующего, но опального. ...Из рядов правительства очутился я не вольно и не тронувшись с места в ряду <противников его> будто оппозиции. Дело в том, что правительство перешло на другую сторону»[5], — вспоминал князь П. А. Вяземский о неудачной попытке ликвидировать крепостное право «по манию царя». То же самое мог бы написать о себе и граф Воронцов. Более четырех лет он фактически оставался не у дел. В феврале 1820 года Воронцов получил в командование 3-й пехотный корпус, но на действительную военную службу так и не вернулся, продолжая пребывать в отпуске. Впервые в жизни граф столкнулся с неприятностями по службе, к которым абсолютно не привык и к которым совершенно не был психологически подготовлен. Он ощутил себя жертвой интриг и неблаговоления государя. «Государь не любит и не полюбит никогда графа Михаила. Никогда человек, стоящий выше, не мог быть у него в фаворе, особенно человек твердый, мужественный и благородный в своих чувствах, неизменный в своих принципах, не способный ни к какому унижению, любимый солдатами, уважаемый публикой».

К. К. Гампельн. М. С. Воронцов (1820-е годы).

Так 27 октября 1820 года секретарь императрицы Н. М. Лонгинов объяснял графу Семену Романовичу Воронцову отношение императора к его сыну. Расположение царя можно было вернуть лишь ценой личного унижения или явной подлости, которая бы уронила его популярность в глазах общественного мнения. Молва настойчиво причисляла его к числу недовольных, правительство — тоже.

Пройдет несколько лет, и, узнав о восстании декабристов, он выразит надежду, «что это не кончится без виселицы и что Государь, который столько собою рисковал и столько уже прощал, хотя ради нас, будет теперь и себя беречь и мерзавцев наказывать»[6]. Почему произошла столь сильная метаморфоза?

7 мая 1823 года Воронцов был назначен генерал-губернатором Новороссии (Северного Причерноморья) и полномочным наместником Бессарабской области. С этого времени он перестал быть строевым командиром и уже не имел в своем непосредственном подчинении реальной воинской силы. (Начнись весьма вероятная война с турками, честолюбивому графу оставалось лишь наблюдать за успехами других.) В это время Александр I последовательно отдалял от столицы не только наиболее заметных членов уже распущенного «Союза благоденствия», но и всех тех, кого он подозревал в независимости мнений и поступков. Именно с этих позиций и следует рассматривать назначение Воронцова.

В сентябре—октябре 1823 года состоялся грандиозный высочайший смотр 2-й армии, расположенной на Юге России. По долгу службы Воронцов находился в свите государя и был поражен холодностью обычно очень внимательного и любезного Александра. (Вспомним пушкинское «не захотел улыбкой наградить»!) Но чаша унижений еще не была испита графом до дна. 12 декабря 1823 года, в день своего тезоименитства, император пожаловал чин полного генерала шестнадцати генерал-лейтенантам. Имени графа Воронцова среди них не было. «Из всех вновь произведенных ни один не служил столько, как я, и не имел таких высоких командований на боевом фронте, ни один из них не имеет такого же или по крайней мере более ответственного поста в настоящее время. Это унижение перед лицом всей армии, и чем же я его заслужил?» (Воронцов — П. Д. Киселеву. 6 марта 1824 года).

До сведения графа было доведено, что причина немилости государя объясняется тем, что генерал-губернатор окружил себя неблагонадежными людьми, образ мыслей и действия которых вызывают нарекания властей. Чтобы вернуть расположение царя, Воронцову было необходимо незамедлительно проявить свою лояльность и верноподданнейшее усердие. Впервые ему пришлось унизиться перед властью за право ей служить и компетентно делать свое дело. В достаточно жесткой форме граф Воронцов был поставлен перед выбором, от которого зависела его дальнейшая судьба.

Высочайшим рескриптом от 2 мая 1824 года Александр I повелел новороссийскому генерал-губернатору принять «строгие меры» против проживающих в Одессе лиц, «кои с намерением или по своему легкомыслию занимаются лишь одними неосновательными и противными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние». Стоит ли говорить, что Пушкин был среди них самой заметной фигурой. Однако еще в начале марта Воронцов понял, что, дав свое согласие на служебный перевод коллежского секретаря Пушкина (X класс по Табели о рангах) из захолустного Кишинева в Одессу — европейский портовый город, он совершил непростительную ошибку, не испросив на то высочайшего соизволения. Вняв настоятельным просьбам либерала А. И. Тургенева и причислив опального поэта к своей канцелярии, граф Воронцов укрепил в глазах царя свою собственную либеральную репутацию. Император расценил это как покровительство ссыльному.

Лишь сравнительно недавно удалось реконструировать сам механизм конфликта Пушкина с Воронцовым, тщательно отделив легенды от фактов. Уточнение датировки пушкинских эпиграмм на Воронцова позволило сделать вывод, что не они были причиной конфликта. Воронцов предпринял настойчивые и хорошо разрекламированные перед Петербургом шаги к удалению Пушкина из Одессы еще до того, как поэт сочинил первую из своих эпиграмм. Исток конфликта заключался в том, что силою вещей Пушкин был втянут «в круг личных интересов Воронцова». За два месяца, с начала марта до начала мая 1824 года, генерал-губернатор написал государю, министру иностранных дел и еще трем влиятельным лицам восемь писем, в которых просил «избавить» его от Пушкина. «Своими письмами Воронцов помог Петербургу расправиться с поэтом, что, впрочем, могло быть сделано — и в конечном счете было сделано — под предлогом, который Петербург нашел помимо стараний новороссийского генерал-губернатора» (Л. М. Аринштейн).

Неразборчивость в средствах для достижения своей цели и неискренность соединялись у Воронцова с врожденной скрытностью, помогавшей наносить хорошо продуманные и неожиданные для противников и соперников удары. Сенатор К. И. Фишер, познакомившийся с Воронцовым в начале 20-х годов, вспоминал, что он — «вельможа всеми приемами — производил очень выгодное впечатление; впоследствии сарказмы Пушкина туманили его репутацию, но я продолжал верить в его аристократическую натуру и не верить Пушкину... Под конец Воронцовские мелкие интриги, нахальное лицеприятие и даже ложь — уронили его совершенно в моем мнении, и я остаюсь при том, что он был дрянной человек»[7].

III

Воронцов заслуженно считался талантливым администратором: не только Одесса, но и вся Новороссия расцвели в годы его управления. Он никогда не был ни скопидомом, ни казнокрадом. И это в стране, где почти все чиновники были продажны. Он основал города Бердянск и Ейск, лично выбрав места для их заложения. Умножил и развил пароходство по Черному и Азовскому морям, положил основание регулярному пароходству по Каспийскому морю. По его настоянию и во многом на его собственные средства были предприняты изыскания месторождений каменного угля во вверенном ему крае, увенчавшиеся успехом. Воронцов отличался трудолюбием и необыкновенной работоспособностью: вставал в 6—7 часов утра и напряженно трудился целый день. В редкие минуты отдыха предпочитал в подлинниках читать и перечитывать творения Тита Ливия, Тацита, Горация, комментарии Юлия Цезаря. При случае мог вспомнить стих из Горация или Вергилия. Граф Воронцов — сын многолетнего посла в Англии и племянник знаменитой Е. Р. Дашковой — детство и юность провел в Англии, получив прекрасное европейское образование. Более того, его отец озаботился даже о том, чтобы обучить сына столярному ремеслу, дабы тот в случае победы революции в России сумел бы прокормиться собственным трудом.

Происхождение Воронцова не было «темно и скромно». Он был знатен и богат, умер кавалером всех высших российских орденов, светлейшим князем и генерал-фельдмаршалом. Современники считали его баловнем судьбы, однако все его неоспоримые достоинства не создавали единого целого — личности, не были нанизаны на единый стержень — чувство собственного достоинства. «...В натуре его есть что-то низкое и подлое, которое чутьем должно пронюхать презрение и отвращение мое к подлецам его разбора, имеющим все нужное, чтобы стать на высокой чистой степени, и вместо того торчащим на грязных запятках»[8]. Обученный столярному ремеслу, Воронцов не был обучен «науке первой»: «чтить самого себя» (Пушкин).

Воронцов был женат на обворожительной польке — графине Елизавете Ксаверьевне Браницкой, принесшей ему огромное приданое. «Жена М. С. Воронцова не отличалась семейными добродетелями и так же, как и ее муж, имела связи на стороне»[9]. Узнав о связи своей жены с Александром Раевским, старшим сыном знаменитого генерала, и о публичном скандале, учиненном Раевским графине, муж-рогоносец не стал вызывать на дуэль своего бывшего адъютанта. Воронцов написал донос императору, в котором обвинил Раевского в политической неблагонадежности. Раевский в сопровождении жандарма был выслан в Полтаву.

Шли годы. Граф Воронцов обладал властью над огромной территорией: одновременно он был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором, наместником на Кавказе и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом. В декабре 1844 года Николай I собственноручным письмом даровал наместнику Кавказа неограниченные полномочия. Это дало Воронцову возможность мало считаться с существующими законами. Известна его фраза: «Если бы здесь было нужно исполнение закона, то государь не меня бы прислал сюда, а свод законов». В 1845 году ему было пожаловано княжеское достоинство, но без титула светлости. Ненасытная жажда тщеславия Воронцова не была удовлетворена. Он женит своего сына на женщине, которая была любовницей наследника престола и его друга князя А. И. Барятинского: «Они пользовались ею с ведома один другого, не нарушая через то своей взаимной приязни.

Овдовела барыня, и захотелось ей снова выйти замуж, но уже на этот раз составить партию блестящую...»[10]

Воронцов, желая заручиться поддержкой наследника, женил своего сына на этой женщине, которая была на четыре года старше своего нового мужа. Эта «комбинация» принесла Воронцову титул светлейшего князя:

От света светлость происходит;
А ныне светлость производит
Такая тела часть, куда и свет
не входит.

Взойдя на престол, Александр II не забыл о Воронцове, пожаловав ему во время коронации чин генерал-фельдмаршала. Через два месяца Воронцов скончался.

Авторы вступительной статьи к недавно опубликованным на русском языке запискам М. С. Воронцова подробно описали внешнюю канву его жизни и сделали вывод: «Унизительная характеристика, данная Воронцову Пушкиным в знаменитой эпиграмме: «Полу-милорд, полу-купец...», представляется не соответствующей истине, ввиду сложных личных взаимоотношений ссыльного поэта с губернатором»[11]. Данное утверждение слишком категорично. Объяснять происхождение унизительной характеристики исключительно сложными взаимоотношениями поэта и генерал-губернатора нельзя. Характеристика соответствовала истине. Однако дело не только в действительно имевших место сложных личных взаимоотношениях, проблема в другом.

Воронцов был ходячим анахронизмом. Аристократические предрассудки причудливо соединялись в нем с нетерпеливым желанием ускорить ход времени. Его тяга к рациональному ведению хозяйства и политические симпатии к английскому конституционализму были устремлены в будущее: всего этого в России не было. Его покровительственное отношение к великому поэту в первые месяцы пребывания в Одессе воспринималось самим Пушкиным как пережиток прошлого века, не вяжущийся с современным укладом жизни: «Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою — а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, — дьявольская разница!» (Пушкин — А. А. Бестужеву. Конец мая — начало июня 1825 года). Если проделать несложный мысленный эксперимент и переместить героя нашего повествования по оси времени на одно поколение вперед или назад, то мы получим в высшей степени любопытную картину. Воронцов органично войдет в иную эпоху, легко впишется как в прошлое, так и в будущее. Современники и

П. Ф. Соколов. Портрет Е. К. Воронцовой (около 1823 года).

потомки воспримут и оценят его как в высшей степени привлекательную личность.

Вельможный граф не только не затеряется среди «екатерининских орлов», но и окажется одним из самых замечательных среди них, выделяясь своим бескорыстием, энциклопедической образованностью и утонченной вежливостью. Его изумительную работоспособность и умение быстро схватывать суть вещей по достоинству оценит императрица. Поэты и художники прославят щедрого мецената: никому из них даже не придет в голову мысль оценить покровительство вельможи как «покровительства позор». Безусловная аморфность его системы ценностей будет вполне соответствовать нравственным нормам эпохи и, пожалуй, никем не будет даже замечена. Воронцов войдет в Историю ничем не запятнанным.

В годы Великих реформ Александра II Воронцов был бы красой и гордостью либеральной бюрократии, возвышаясь над своими современниками подобно утесу. Несимпатичные же черты характера графа были бы единодушно расценены как его частное дело (отчуждение гражданского общества от государства уже было завершено). Современники отнеслись бы к ним снисходительно.

Воронцов — этот баловень судьбы — лишь выиграл бы от путешествия во времени, от перенесения в предполагаемые обстоятельства. Никогда планка нравственных требований, предъявленных государственному деятелю, не была поднята так высоко и аморфность системы этических ценностей не осуждалась так строго, как в тот краткий промежуток времени, когда произошел конфликт Пушкина с Воронцовым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVI. М., 1890. С. 8.

2. Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., б.г. С. 109.

3. Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М., 1975. С. 57. Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 183.

4. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVII. С. 425—426.

5. Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992. С. 323—324.

6. Шебунин А. Н. Пушкин и «Общество Елизаветы»//Временник Пушкинской комиссии. Т. I. М.; Л., 1936. С. 82, 83, 89; Архив князя Воронцова. Кн. XXIII. С. 416; Кн. XVII. С. 532; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 506.

7. Абрамович С. Л. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым//Звезда. 1974. № 6. С. 196; Аринштейн Л. М. К истории высылки Пушкина из Одессы: легенды и факты //Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. Л.: 1982. С. 292, 293, 304; Пушкин А. С. Дневник. 1833—1835. Под ред. и объяснит. прим. Б. Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923. С. 143.

8. Вяземский П.А. Записные книжки... С. 205.

9. Эшлиман К. К. Воспоминания// Русский Архив. 1913. Т. I. С. 355.

10. Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1992. С. 229, 456—457.

11. 1812—1814... М., 1992. С. 270.

АЛЕКСАНДР РУБЦОВ

В ПОИСКАХ НОРМАЛЬНОСТИ

В истории России консервативные движения — интеллектуальные и политические — имеют, как правило, непростую судьбу. Консерватизм часто автоматически отождествляется с реакционностью — и действительно, слишком часто он оказывается у нас приправлен множеством одиозных черт и проявлений.

При этом сама консервативная мысль, если брать, например, интеллектуальные коллизии прошлого века в целом, во многом глубже и интереснее большинства прогрессистских идеологий. Но общество по ряду причин увлекают идеи другой направленности. Более того, консерватизм периодически терпит у нас чисто политические поражения, связанные с революциями, с неподготовленными бросками в новое. Потом, натерпевшись от экспериментаторов, общество «прозревает». Но и на этот раз консерватизм не может сложиться в нечто достаточно цивилизованное и респектабельное — и вновь начинает пятнать принципы, в которых несомненно есть своя мудрость и достоинство, идеологическим примитивизмом, политической неразборчивостью, наконец, откровенной мимикрией (например, когда консервативную фразеологию начинают отрабатывать... коммунисты).

Во всей этой по-разному возобновляемой драме есть и чисто субъективная составляющая: часто консерватизм представляют именно такие люди и такие тексты. Но есть здесь и нечто более глубокое, связанное с ритмикой самой нашей жизни и истории, с нашими собственными инерциями и характером включенности в мировые процессы. Не претендуя на полноту и систематичность, на этот счет можно высказать некоторые соображения, которые уже самой своей «разношерстностью» показывают объемность и масштаб проблемы.

Устойчивы терминологические пары — «либералы и консерваторы», «консерватизм и либерализм». Они привычны, но, строго говоря, во многом некорректны. Это не обязательно смысловые антиподы. Либерализму как идеологии свободы и суверенности индивида, частного лица может противостоять, например, этатизм, проповедующий приоритеты ценностей государства. Или разного рода общинно-коммунальные идеологии, подчиняющие личность коллективу. Консерватизму же логично противостоят революционаризм, радикализм, весь набор прогрессистских установок. Вообще говоря, противопоставлять консервативное и либеральное — то же самое, что противопоставлять холодное острому.

Но речь имеет свою правду, отличную от правды языка. Коль скоро мы так говорим — и говорим десятилетиями, если не веками — значит, на то есть более глубокие основания, чем чисто семантические неурядицы.

Россия всегда рвалась к свободе, порой буквально болела этой темой. Консерватизм исторически оказывался у нас антилиберальным. Это ситуация не уникальная и даже типичная, но мало где эта коллизия проявлялась с такой остротой и систематичностью, как у нас. Государство, политическое устройство **хронически отстают** от запросов общества, по крайней мере «продвинутой» его части. Система не успевает приспосабливаться, отсекать полумертвое и мешающее нормальному развитию. В этих условиях консерватизм, на каких бы мудрых и благородных основаниях он ни зиждился, уже чисто политически оказывается в соприкосновении с реакцией. Для здорового консерватизма нужна здоровая общественно-политическая среда. Впрочем, как и для всего остального.

Здесь приоткрывается, возможно, более общая проблема — уже не политического, а собственно исторического свойства, связанная с ритмикой развития, с его темпоральными характеристиками.

Здоровый консерватизм возможен, только когда есть нормальное движение, когда нет лишних напряжений и даже разрывов между фрагментами системы, движущимися с разными скоростями. Консерватизм — это не всегда идеология застоя, хотя бы и процветающего, викторианского. Это идеология нормального движения. (Кажется, что это другая идейная территория, а именно территория центризма. На самом деле, центризм — это идеология умеренных, но все же **преобразований**, то есть направленных действий. Здесь же речь идет о движении, которое настолько постепенно, естественно и органично, что мы его не замечаем, как не замечаем своего дыхания — пока оно не сбивается.)

Однако здесь возникает проблема определения самой этой «нормальности». Чем заданы эти скорости? И можем ли мы их выдерживать реально?

Россия — страна большая и медленная. Здесь есть немало резонов в пользу того, чтобы принять медленное как ценность. Г. Гачев, выдвигая эту идею, видит опасность включения в гонку с западной цивилизацией: этнос рискует сжечь сам себя и отведенную ему для проживания природу.

Но вопрос в том, почему мы до сих пор не живем этой мудрой и размеренной жизнью? Только потому, что эту мудрость недостаточно убедительно подали мыслители своим соотечественникам? Или потому, что всегда находятся достаточно активные радикалы, которые ввергают страну в исторические авантюры вопреки ее природной сущности?

Беда в том, что Россия — это медленная страна, которая вынуждена развиваться быстро. Мы не можем подчиниться собственной динамике, но вынуждены соотноситься со скоростями развития окружающего мира. Мы объективно включены в геополитические, мирсистемные отношения, а потому периодически оказываемся перед проблемой отставания. Крутые реформы и

революции оказываются платой за цивилизационные поражения. Блага консерватизма должны быть обеспечены определенным уровнем — и определенными скоростями! — развития. В противном случае неизбежны скачки и разрывы.

Что и происходит в нашей истории с удручающей регулярностью. Страна делает драматические попытки запаздывающей модернизации. При этом ресурсы такой модернизации оказываются, как правило, недостаточными, чтобы провести реформы системно, целостно. В этих условиях решается ограниченный комплекс задач, часто ценой еще большей деградации в прочих сферах. Так коммунизм сохранил опасно надломленную империю (строго говоря, империя умерла еще при самодержавии, а коммунизм ее только законсервировал) и вывел страну на уровень мировой в военном отношении державы — но ценой деградации многих институтов и практик права, гражданского общества, общественной морали, самой природы. Мы опаздываем, бросаемся вдогонку — и, отрываясь от тылов, движемся частями вперед, а частями назад. Решая текущие задачи, мы закладываем мины замедленного действия под будущее. Через некоторое время оказывается, что все победы героической истории были пирровыми: ресурсы «общества на марше» истощаются, и мы оказываемся перед перспективой еще большего отставания.

Разрывы происходят в самых разных сферах. И в сфере сознания, раскрепощающегося в одном, но остающегося по-прежнему дремучим в наиболее фундаментальных пластах культуры повседневности. И в социальной сфере, где общество раскалывается на страты, либо уже вошедшие в будущее, либо продолжающие жить прошлыми ценностями, навыками и стандартами поведения. И даже на территориальном уровне: столицы и крупные города часто забегают вперед в сравнении с «глубинкой», которая может ставить под удар сами основания реформ, как бы мстя за собственное отставание. «Окна в Европу» движутся с другими скоростями, чем само тело страны, не столь поворотливое, но во многом и более основательное. Можно ли преодолеть эти разрывы, если ты поставлен перед необходимостью очередного отчаянного броска?

Это, возможно, несколько неожиданным образом ставит проблему ответственности за революции. С консервативной позиции революционеры обычно рассматриваются как сторона вменяемая и ответственная. Но с точки зрения рационального и ответственного консерватизма, может быть, правильнее рассматривать революционаризм как нечто невменяемое — как стихийное бедствие, которое можно если не предотвратить, то по крайней мере предупредить соответствующей готовностью. Проблема в том, чтобы не доводить страну до состояния, когда в ней может победить революция. Это, если угодно, практический, а не декларативный консерватизм. Постепенность должна быть обеспечена существующей властью. А для этого необходимы нормальные скорости эволюции — хотя бы из соображений самосохранения. «Россия, которую мы потеряли»?.. Прежде всего Россию в начале века потеряла сама старая власть. Точно так же, как несколько лет назад ее потеряли реформаторски настроенные коммунисты, не сумевшие придать приемлемую скорость давно назревшей реформе. Если это вообще было возможно в рамках практически нереформируемой партгоссистемы.

Здесь возникает проблема «кумулятивного эффекта» отставания. Скоростью сегодняшних преобразований приходится расплачиваться за прошлую медлительность. Бездействие грозит взрывом и очередной революцией. Но тем же самым грозит и чрезмерно форсированное движение. В этих условиях разумный консерватизм вынужден работать с тончайшими настройками скорости изменений. Это не «центризм», занимающий промежуточное положение в отношении наличных политических полюсов, а позиция **консервации изменяющейся реальности**.

Сам термин «консервация изменения» покажется не столь парадоксальным, если учесть, по крайней мере, два обстоятельства.

Во-первых, нормальный консерватизм фиксирует то, что есть, а не то, что уже отсутствует, хотя и желаемо из прошлого. Если и возникает тема «возврата», то консерватор должен в первую очередь соотноситься с реальностью — в противном случае он превращается в «революционера наоборот», в радикала, требующего скачка в прошлое.

Однако это очень тонкая материя. Всегда остается множество иллюзий относительно жизнеспособности и самого существования тех или иных явлений, пусть даже вполне достойных консервации. У нас то и дело призывают «законсервировать» то, чего на самом деле уже просто нет, что не действенно и присутствует в основном номинально. Например, многое в системе государственного управления.

Во-вторых (и это прямо вытекает из предыдущего), в центре внимания оказывается проблема контроля над ситуацией, над процессом. Консерватизм комфортно себя чувствует в условиях стабильности и управляемости. Когда же спонтанно саморазвивающиеся процессы набирают силу и начинают во многом определять происходящее, консервативная стратегия просто вынуждена приспосабливаться к этим неординарным условиям. Мы оказываемся в ситуации «движущейся системы отсчета». Быть консерватором здесь — значит двигаться со скоростью самоизменения режима (как бы стоять, но на **движущейся** платформе). Это требует другой идеологической готовности: иногда консерватор по всем внешним признакам вынужден производить впечатление радикального реформиста.

В экстремальных ситуациях возможны, таким образом, два типа консерватизма — декларативный и функциональный.

В первом случае это не более чем безответственные идеологические спекуляции, использующие в политических целях ценности и привязанности массового сознания, обычно чисто популистски. Во втором случае — это рациональный анализ ситуации и тонкая интуитивная подстройка под реальные условия процесса.

И тогда мы либо дополнительно революционизируем ситуацию, используя псевдоконсервативную демагогию, — либо же работаем на реальное воплощение консервативных принципов, даже если при этом приходится жертвовать привычным консервативным имиджем.

ДОМНА ЖУНТОВА-ЧЕРНЯЕВА

«Новое поколение поймет, как мы страдали...»

Читатель «Родины» познакомился недавно с записками Жунтовой-Черняевой о переселении крестьянской семьи из Смоленщины в Семиречье (см. № 6 журнала за 1994 год: «Впереди — воля и белый хлеб!»). Следующая часть дневника посвящена гражданской войне.

Было бы неправильно смотреть на эти записки только как на документальное свидетельство. Более важны, вероятно, народный взгляд на события, безыскусность рассказа, психология крестьянки, воспринимавшей революцию как на глазах творимый сказ, согласно законам фольклорного сознания. Впрочем, тут играет роль яркая индивидуальность рассказчицы, ее одаренность; дневник близок по стилю народной прозе. Приводится он в отрывках (весь он занял бы толстый том), никакой обработке, естественно, не подвергается. Публикуется впервые.

Младший брат Домны Ефимовны — Семен Жунтов, впоследствии полковник ВВС.

ФАЛЬШИВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1918 ГОД

Начался степной ураган. Народ метался направо-налево, не зная правильной пути*. Народ разных наций**, рядом китайская граница. Начали возвращаться солдаты с фронта (первой мировой войны), почти все раненые. Семиреченские казаки стояли за белых, новоселы — за красных. Наша Черняева семья разделилась надвое. Половина живут в городе Лепсинске и идут за белых, я — в деревне Петропавловка и сочувствую красным: ведь мои братья Жунтовы — самые старшие — ушли с красными отрядами.

...Приехав в Лепсинск, я узнала, что моего свекора Черняева арестовали. Мне рассказали: приезжал Каргалинский (красный казачий) атаман. Давайте, говорит, вместе воевать. У нас силы и оружие, а вы, не то, беды себе накличете. Отец (т.е. свекор. — *О. Щ.*) только и сказал: «Вот у меня четыре сына где-то застряли на войне, кто нас будет защищать? И оружия нет». Его схватили — и в каталажку. Говорят, расстреляют. Нет, думаю, больно дешево цените человека! Он не сделал никакого преступления. Приехали какие-то шалопаи и расправляются как хотят! Я пошла искать правды и защиты. Прихожу в сельсовет — и что же? Сидит там знакомай человек: Шакель Осип Казимирович, поляк, он у нас не раз чай пил. Доброй день, говорю, кто у вас тут за старшага? Шакель: я, меня поставили старостой. Хорошо, говорю, но расстреливать вам никто права не давал! Я за эту власть в пятом году три часа в чижовке сидела; тогда большевики не так говорили*. Я была школьницей, помню, как моего дорогого учителя казнили в Смоленске за эту* власть. Что получается? Обман! Нет, вы не поняли новой устав, Осип Казимирович! Загляните получше, как сказано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А вы что делаете?! Вот на днях Коробкиных расстреляли. Отец батрачил, сын бедняк. За какие-то сплетни?! Мы далеко от Москвы, отряды проходят разные. Так вот, дорогой, у нас в городе Лепсинске есть суд, острог — вы отправьте его, там осудят по ленинскому указу. Хорошо, говорит, завтра отправим.

— Дайте мне свидание, я его успокою. Старик ждет смерти.

Написал пропуск на десять минут. Спасибо, говорю.

Пришла я на свидание. При волости (вол. управлении) небольшая просто кладовка, маленькое окошко, решетка. На дверях стоит сын мельника Мухина. О, свой, говорю! Кого это вы так строго охраняете? Разбойника, что ли?

— Так велено!

— А я велю тебе — иди, покури, не томись понапрасному, я покормлю его.

— Да, — говорит Мухин, — не спит, не ест, не пьет. Девочка приносила (еду), он спросил: не приехала Ефимовна?

Он открыл дверь, я вошла — свекор потерял сознание. Тут стоит стакан (с водой), я спрыснула, отец открыл глаза:

— Ефимовна, ты?!

— Я, тятя, я.

— Как ты долго не шла! Я все ждал то тебя, то смерти.

— Давай, — говорю, — во-первых, успокойся, смерть пока минувала. Не бойся, стрелять тебя не за что. Погонят в Лепсинск, там побольше власти, разберутся.

Отец глядел на меня с полным доверием, как ребенок. Он верил мне с первого дня моего прихода в их разногласную и грубаю семью. Часовой заглянул, я догадалась, до скорого, говорю, не волнуйся! Мы крепко обнялись, старик заплакал. Не плачь, родной, я семью не брошу. Я вышла, часовой запер скрипящаю дверь...

...Народ, как овцы в горах, блудят. Отряды идут разные, непонятные, одни за черта, другие за дьявола! Идут, грабят население, запугивают киргиз-бедняков, где попадутся — стреляют. Бедняги ушли в горы, боятся. А мы тоже боимся. Как отряд идет — все прячутся. Неразбериха!

Первые отряды — братьев Мамонтовых. Кто их послал с таким указом?! Идут с красным знаменем, страх горит пламенем, старухи плачут, дочерей своих прячут. Да, это было так. Заварили кашу горькаю, несправедливаю... Бог высоко — Ленин далеко... Мы ждали свободы, вместо свободы нас загнали в подвалы. К нам пришла фальшивая революция — пошлите нам настоящаю!

...Пыль на дороге. Мы полем картошку. Едут три всадника:

— Вы кто такие?

— А вы не видите, кто, — говорю, — с мотыгой? Мы работяги.

Мальчишка-пастушонок сидел у костра, киргизенок, лет пятнадцати. Он поглядел на него:

— А это что за кунак? (т.е. друг по-киргизски. — *О. Щ.*).

— Да это пастушонок, пришел попить.

Рявкнул на него:

— А ну иди, откуда пришел!

Мальчик поднялся, начал спускаться в лог, солдат за ним. Я обомлела, тяпка выпала из рук. Раздался выстрел. Мы переглянулись. Солдат галопом полетел по дороге догонять товарищей. Мы бросили работу — пропади оно все пропадом! Давайте, говорю, спустимся, может, ранен, спрячем в подсолнухи. Подошли — лежит наш пастух лицом вниз, спина залита кровью. Боже, что творится? Зачем у него отобрали жизнь? Чем он провинился? Мы его спрятали в подсолнухи, пошли скорей домой. Страх нас душит.

Я вспомнила шестой год. Дорогой мой учитель, наставник! Стань, погляди, какая у нас идет революция! «Защитники» наши бьют пастухов, бедняков — и жаловаться некому...

Благоговейное отношение к Учителю, Учению, Слову Домна Ефимовна сохранила на всю жизнь. Вплоть до глубокой старости она говорила о своем школьном учителе с душевным волнением и благодарностью. На смену пришли со временем другие учителя: Лев Толстой, полное собрание сочинений которого активно читалось в доме, свято чтилось непротивление злу насилием, и — как это ни парадоксально — Ленин; наивная вера в вождя, как в Бога... Из дневника видно, что революцию и Ленина народ воспринимал мифологически — на уровне легенды о граде Китеже и мечты о Беловодье. Понятно, это мало касается люмпенов, разного рода подонков общества, которые радовались лишь возможности разбоя и грабежа. Их интересы резко противостояли наивной вере народа в грядущее царство Справедливости, Рай на земле, вызывая недоумение и горечь.

Нам навстречу два солдата. Стой, кто вы? Я говорю: видите наше оружие? А вы кто? А мы разведчики. Да, говорю, разведчики, которые хороших девчат разведывают. Нам показали свою удаль Мамонтовы разведчики...

— Наш отряд карательный. У нас есть приказ уничтожить всех киргиз, попов, кулаков, буржуев, капиталистов.

Я поглядела на него:

— Много вам дали задания, пожалуй, не справитесь! Попов мало, капиталистов тоже раз-два и обчелся. А вот тяжелое, невыполнимое задание — уничтожить всех киргиз. Тут их много, целое племя, в десять раз больше русских. Кто вам дал такой зверский, кровавый приказ? Только не Ленин! Честь вам и слава, что вам доверили нести новую жизнь народу. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вы это понимаете?

Солдат говорит:

— Леший тут поймет, я неграмотный! Куда люди, туда и я!

— Но ты же человек! Как, по-твоему, правильно это — уничтожать целое племя — бедное, темное, голодное, можно сказать, дикое кочевое племя! Они не знают настоящей жизни, их всякая чума, холера уносит каждое лето, это жалкие люди, им надо показать жизнь, свет! Вам придется бить пастухов, батраков, которые работают веками на русских, на казаков. Нет, браток, вас обманули. Узнает Ленин, вам попадет. Вы искажаете советскую власть, которая еще стоит на зыбучем болоте, качается во все стороны...

Солдат тяжело вздохнул, потом засмеялся:

Название части и подзаголовки даны публикатором. В скобках приводятся слова, вставленные для ясности. Пунктуация и орфография выправлены; сохранены некоторые особенности народной речи начала века.

* Путь в народном сознании женского рода: путь-дорожка.

** Психологически и политически интересно объединение автором людей разных наций в одно понятие: народ.

* Народ не разбирался в политических тонкостях и деталях; для него все, кто «за народ», слился с понятием «большевики». Большевики сумели присвоить себе все революционные устремления общества с самых декабристских времен и раньше, олицетворить чаяния народные.

— Так вот ты какая, сестренка! Ведь киргизы делали восстание, а ты их жалеешь. Много дел они натворили.

— Да, только не наши. Приходила из дальней пустыни какая-то Золотая орда*. Их обманули, нас продал за золото какой-то генерал, так и сказал: это, говорит, ваша земля.

— Да на фронте некогда было в политике разбираться! Мы дошли (с боями) до Казани, нас направили в Семиречье. Приказ какой-то тутошний комиссар дал.

...Прошла неделя. Прибежала ко мне «разведка»: подавайтесь на старые села! Этим трактом идет отряд ПОЛУЦЫГАНОВА.

Ушел каратель, пришел какой-то маленький отряд. Манера у них одна. К нам зашел человек из деревни Антоновка. Куда, говорит, деваться, нет спасения! Губят невинных людей! У нас вчера расстреляли двух девушек. За что, говорю? А вот за что: они кончили гимназию, их направили сельскими учительницами, отец служит начальником почты в Сарканде. Так вот причина смерти дочерей — почему он не сбежал, когда пришли белые! Он, значит, за белых. О Боже, где искать правды?

Этот отряд небольшой начал хозяйничать... Страшно записывать и стыдно...

На другой день я пошла на реку белье полоскать. Река далеко. Иду домой, меня встретила соседка:

— Кума, не ходи домой, вас всех стрелять будут.

— За что?!

— За батька, еще не вернулся. (Выходит, свекор как бы ушел к белым. — *О. Щ.*)

Я обомлела, но робеть некогда! Возьми, говорю, мою корзину (с бельем), я пойду в сельсовет. Иду и все гляжу на солнце, как будто я его первый раз вижу. Такое оно светлое, теплое, так хочется жить! А тут смерть за плечами.

Прихожу, за столом сидит Шакель. Погляди, говорит, в зеркало, ты почернела, как земля. Я, говорю, и так знаю. Стало быть, Осип Казимирович, вы подписали расстрел нашей семье? Что, говорит, я поделаю.

— Да вы же сами отправили свекора на суд в Лепсинск! Может, он в остроге, а может, в расход пустили. А мы семь человек, женщины и дети, заложниками остались? У нас старушка сто с лишним лет и малыш три года. Куда мне пойти (за правдой)?

Иди, говорит, в штаб, вчера пришел эскадрон с фронта, командир товарищ Воробьев. Побежала галопом, часы ударили час: бом! Еще остался жизни час! Я пришла (в штаб), меня солдат встретил: кого вам? Мне, говорю, командира. Он с дороги усталый, может, я заменю? Нет, говорю, дело о жизни и смерти. Воробьев услышал разговор, вышел: что у вас тут? Я упала ему в ноги: не встану, пока не добьюсь правды!

— Встань, вот чудачка, что случилось?

— Спаси нас! Осталось полчаса жить!

Воробьев, при полном боевом наряде, пошли, говорит. Я дорогой рассказала причину, он удивился. Идем мы, семья в окна (нас) видит. Свекровь потеряла сознание. Бабушка вышла на парадное крыльцо, стала на колени. Я подошла, подняла ее: не плачь, пока я жива, и ты будешь жить! Бабушка от радости упала без чувств...

...В этом месте, да простит меня читатель, я не выдержала и заплакала. Боже, Боже! Что же за доля у русского народа! Ведь эта столетняя бабка, чьего имени не сохранили записи — была моя пра-прабабушка. Внук ее, а мой дед Василий Филиппович Черняев сгинул без следа в белой армии, две мои прабабки — мать Домны и свекровь ее — умерли в муках в смутное время гражданской войны... А там второго мужа Домны, наконец-то любимого, долгожданного, заберут навеки в проклятом 37-м, а сыночка ее Васеньку убьют на Курской дуге, сгорит он в танке...

Но продолжу рассказ Домны Ефимовны, дорогой моей бабушки.

На дверях (в Черняевском доме) стоит солдат, штык кверху. Взял под козырек. Вольно, сказал Воробьев. Кто тебя поставил? Часовой замялся: да я дежурил в сельсовете, меня поставил какой-то отряд, это, наверное, кучка бродячих, всякие по горам бродят.

А свекровку-то, оказывается, парализовало. На третий день мы ее схоронили. Земля тебе пухом, Кристинья Игнатьевна! Большая семья Черняевская вся разбежалась. Невестки — к родителям. Только мне-то бежать некуда...

Отец Домны Ефимовны к тому времени был расстрелян белыми (а может, анархистами). В опущенной здесь части бегло упоминается (писать подробно мешало больное сердце Домны Ефимовны) о гибели отца и брата Никанора: Ефим Филиппович Жунтов и его 15-летний сынишка Никанор везли со своей пасеки мед сыновьям в село Черкасское. Белые казаки схватили их и расстреляли в станице Тополевской. Мать Феклу Ефремовну Жунтову, ту самую, которая в 1907 году с надеждами на волю и белый хлеб ехала в Семиречье с кучей детей через всю Россию, белые казаки захватили в плен. В деревне Покатиловке вместе с другими женщинами, стариками, детьми заперли в сарае, готовя расправу. Фекла Жунтова бежала, перенеся ужасные тяготы пути по горам, босиком, глубокой осенью, в полубреду добралась до сыновей в Черкасском и вскоре умерла, тоскуя о муже и сыне. В дневнике история побега составляет отдельную яркую повесть.

...Вот и осталась я одна. А белые меж тем вышли из Сергиополя и двинулись к нам — тьма-тьмущая! Кругом наших сел копают окопы, готовя фронт. На площади собрались мужики, спрашивают, когда кончится ужасная война. Полуцыганов ответил: только начинается...

СМУТА
1919 ГОД.

...Война крепчала, как зимой мороз. Бомбили нас и днем и ночью. Наши не выходили из окопов. А мы каждый день по очереди носили обед. У нас было две пушки, а у белых — счету нет. В атаку ходили редко, потому что силы у нас неравные. У них полки да дивизии, много всякой провизии, а мы сидим в кольце, как цыпленок в яйце.

Запасы все вышли. Придет эскадрон, а коней кормить нечем. Начальник (красных) дал приказ раскрывать соломенные крыши для корма лошадям — нашли выход. Дальше — выходит боевая продукция, за ней ходят за триста верст верхами — горами да степями. Подходили такие моменты, что хоть руки поднимай кверху. Где брать пули?!

Черкасск первый сдался. (Имеется в виду село Черкасское Саркандского района Талды-Курганской области. — *О. Щ.*) На рассвете ударил колокол, начали звонить к обедне. А нас разделяет большая, бурная река Лепса. Наши (красные) сидели в окопах, их окружили, бежать они не успели. Глядим, едет карательный отряд, знамена белые, на них черными буквами начертана смерть — зубы оскалила. Все запрятались. Я красного командира Кошелева в подвал спрятала в своем Черняевском доме: там стоял красный штаб, там же бывал и штаб белых. Дом был самый большой, стоял на площади, все знали Черняевых, и никто их не осмеливался бомбить; дом переходил то к одним, то к другим. А я жила меж двух огней: муж и деверья — белые, братья — красные...

Оформляя окончательно свой дневник в самые мрачные времена (расстреляны зять и муж А. Н. Сидоров как «враги народа»), Домна Ефимовна даже на этих потаенных до времени страницах не решалась писать всю правду. Не повредить бы сыну Васеньке Сидорову и дочери Груше Черняевой, чей отец воевал за белых, а муж расстрелян в 38-м... Свое содействие красным Д. Е. в дневнике вольно или невольно подчеркивает. На деле она, «толстовка» по убеждениям и поступкам, сочувствовала всем, часто повторяя: «У меня два крыла: одно белое, другое красное». По той же причине — страха за дочь — Д. Е. лишь вскользь упоминает о муже и всех Черняевых, находившихся в стане белой армии.

Пришли белые, население попряталось. А они навезли на площадь множество пушек, пулеметов. У белых на первой линии стояли добровольцы и киргизы, китайцы. Китайцы первые пришли на площадь, над ними смеялись, кричали: «Здравствуй, ходя, соли нет?» К чему эта насмешка, не знаю.

Народ наш замер, все боялись смерти. Покатиловцы послали деда Рыбникова, ему восемь десятков с лишним: «Иди, спроси, будут-нет нас расстреливать?» Старик пошел. Я вышла на крыльцо, гляжу, дед подошел к какому-то офицеру, снял шапку, в пояс поклонился и что-то спросил, мне не слышно. На площади столько собралось офицеров, полковников, прапорщиков и всякого рода рядовых...

Гляжу — едет на серой лошади генерал Щербаков, на карей — полковник Ярушин, за ними и другие. Поставили пушки, пулеметы, объехали все окопы, выгнали всех наших защитников, погнали на площадь. Это был страшный суд. Все думали одно: поставят всех в ряд и начнут строчить! Брат Нил взял свой баян, с которым не расставался в горе и в радости, заиграл похоронный марш. Тут к нему подошел китаец, взял баян и унес. Шли три брата Жунтовых: Иван, Нил, Кузьма. Мы простились. Люди стояли на площади, ждали своей участи. Глядим — подкатила машина, из нее выходит епископ Киевский, два дьякона. Поглядели — нет на столе (стол поставили на площади. — *О. Щ.*) ни хлеба, ни соли, тогда они поняли, что их не ждали. Прошли по площади, прочитали проповедь о том, что Бога забыли, что надо не воевать, а жить в мире и согласии. А тут едет на белой лошади сам глава атаман Анненков[1]. Стал он посреди войск, на одной стороне белые, на другой красные, начал свою речь: «Слушайте, люди наши русские, военные и гражданские! Хватит нам кровь лить, давайте сольемся воедино и начнем новую жизнь! Вы были товарищи, а теперь будем братья. Я не вижу у вас старших». Стоят наши, воды в рот набрали. Вышел (бывший) крепостной старик, бобыль, дед Влас, ростом великан, богатырь русский, борода до пояса, лысина во всю голову, рубаха ниже колен, штаны полосатые, а ноги босые волосатые, шапка на макушке, а руки, как колотушки. Все замерли, каждый думал про себя: что может сказать этот бродячий старик? Сказал дед басом: «Воспода анералы, военаи салдаты — идет власть народная и жизнь блаародная, вы должны понять, вам бури не унять»... Генералы уехали, не стали юродивого слушать; выслушал его полковник Ярушин. Дед кончил, низко поклонился. Полковник спросил:

— Ты из каких вышел? За кого идешь?

— Я-то? За Русь, за народ.

Полковник закричал властным голосом:

— Уберите больного!

В дом Черняевых поставили канцелярию, штаб в Черкасском. Комендант на малой улице у моей подруги Коверниковой Дарьи Викторовны. Муж ее в плену в Германии. Дом хороший, детей нет, подходящая квартира для гуляки, пьяницы, развратника. Водили к нему (девушек и женщин) на выбор, он всех заражал (дурной болезнью). Раздолье — самогон глушат да людей душат!

Я живу под двумя крыльями (двумя фамилиями). Надеюсь, что семья Черняевых учтет мои заслуги, что спасла от расстрела отца Черняевых, и укроет моих братьев от смерти. Нет, все пошло наоборот. Нас всех (по их указке) переписали, всех взяли на учет. Моя семья (Черняевых) — деверья, невестки — все уехали в город Лепсинск, меня оставили с братьями.

...Я думаю, новое поколение поймет, как мы страдали, нет никаких сил передать...

...Атаман Анненков собирался удирать (в Китай), слухи разные ходили в народе, по всему было видно, что красные недалеко, но время настало страшное. Как-то заехал к нам сват, саркандский казак, старик, пес эдакой! Я достала из офицерской столовой бутылку водки: «Подавитесь, анафемы!» Выпили, конечно. И уж он порассказывал...

В Герасимовке стоял полк алашей (по-русски — добровольцев-киргизов), а китайцы — в Осиновке. Все они ведут зверский образ жизни, наших девушек и женщин насилуют прямо в постели, мужа уведут или выгонят, а сами ложатся. Где это видано?! Кто дал такую власть?!

Доня едет по справке родственника Черняевых прапорщика Рожина добывать хлеб для офицерской столовой, а больше для своих младших голодающих братишек Жунтовых...

...Села в сани: «Но, бурка-коурка, трогай, хотя ты и безногой! Вон как тяжко вздыхаешь, не меньше нас

* В 1918 году на территории нынешнего Казахстана было национальное восстание против советской власти — алашорда (от слова «алаш» — доброволец).

голодаешь!» Первый пост проехали, поехали дальше, до Осиновки 20 верст. Заехали к свату Курбатову. Мне нельзя показываться: у них на квартире комендант китайский, я забралась за ширму. У свата дочь монашка порассказывала, как к коменданту водят молодых женщин и девушек. Ужасная доля!

...Утром я отправилась купить картошки, мы уже ее вкус забыли. Я взяла пачку иголок и два коробка спичек-серяиок (на обмен).

Осиновка, Герасимовка — богатые хлебные села, люди, видать, живут крепко. Стали подъезжать — небольшая речушка. Ехать через мост. Стоят два патруля — русский и китаец.

— Стой, куда идешь!

Я подала пропуск, русский прочитал, китайцу подал. Китаец повертел, не зная ни бельмеса, пропуск вернул. Въехали на широкую улицу, к воротам проехали. Навстречу нам бородатый дед.

— Скажи, дедушка, где живет Иван Седельников? Там моя двоюродная сестра за Павликом, он еще не вернулся, в плену у немцев.

Дед тяжело вздохнул и слезу горючую смахнул:

— Да, дочка, да, и у нас не лучше беда. Киргизы осатанели. Что они, анафемы, творят!

...Дом (Седельникова) вон в переулке, красные стены, окна с наличниками, ворота тесовые. Я прошла в калитку, из-под навеса вышел огромный пес. Я остановилась, вот, думаю, сожрет с маху. А он и лаять позабыл, идет не торопясь — и прямо ко мне, начал лизать мою руку, которою я приготовилась обороняться. Я начала его ласкать, гладить: как тебя зовут? Ты похож на Пирата (собака семьи Жунтовых, очень преданная и любимая всеми, погибшая во время смуты. — *О. Щ.*). Пес начал ласково скулить, хвостом вилять, как будто меня знает. Ты что, Ластьян, узнал своих крестьян? Встретились в первый раз — завязалась дружба у нас.

...Не странно ли, при ограниченных возможностях публикации, оставлять в тексте такие детали? Думаю, что нет. Поражает черта народного восприятия: в разгар трагических событий обращать сочувственное внимание на все живое вокруг, не отмахиваясь: мол, не до вас — все почитая равновеликим. От судеб страны и до былинки, до животинки. В этом величие души русского народа...

...Открыла ворота, заехали, я первая вошла в хату. Сестра моя двоюродная Аксинья лежит, бедная, глаз не открывает. Я положила руку на лоб, она приоткрыла глаза, глядит на меня: «Все бред мне снится, когда это кончится!» И опять глаза закрыла. Зашла невестка, я спрашиваю:

— Ксенья болеет, что ли? Не признала меня.

— Ой, горе, ведь она в тифу! Тяжелый момент прошел. Хотя и болеет, зато от позора избавилась. А я-то натерпелась стыда! — сама заплакала.

— Не плачь, я попробую на них намордники надеть.

— Свахонька, родимая, за тебя все будут Бога молить!

— Но это секрет, никому ни слова. Военное дело...

...Я первые дни нигде не показывалась, пока побольше узнала. В четвертом от Седельниковых доме украинцы живут. Там Оксана, красавица, убивается: «Вот вернется мой жених, а я испоганена, опозорена нехристем-азиатом...»

Дальше идет рассказ о знакомстве с Оксаной; Доня отговаривает ее от мысли о самоубийстве, красноречиво говоря о ценности жизни при любых обстоятельствах. «Вот мне сколько горя выпало, а я жить хочу!» Чтобы помочь жителям села, Доня идет на весьма рискованную хитрость: данную ей справку-пропуск она неграмотным алашам выдает за важный документ, которым она якобы уполномочена произвести инспекцию...

...Ну, говорю, поняли? Сейчас я пойду по всему селу, в каждый дом, запишу все-все. Дорого вам придется заплатить за русских баб и девушек! Вы за свою киргизскую невесту платили 25 голов скота, а за русскую невесту, которую вы опозорили, заплатите своей головой! Что вы на это скажете?

— Ой, келень, кудай соктанды! (Ой, молодуха, спаси, ради Бога! — *О. Щ.*)

Давайте, говорю, пока не поздно, смягчим ваши «заслуги». Мне жаль вас, что вы темные... Вы можете держать свято военную тайну? Дайте, ребята, мне клятву, чтоб этой бумажки, которую вам прочитали (якобы «мандат» на проверку. — *О. Щ.*) никто не знал. Меня не подводите! Вы обойдете село и скажете своему командиру, что его ожидает в скором будущем (за творимые безобразия).

Ребята взяли соль, в рот бросили, шапки на пол, дунули и плюнули — кончилось наше заклинание. Мы крепко пожали друг другу руки. Ребята хозяйки (избы) с полатей глядели на нашу игру. Джигиты стрелой помчались по дворам и везде навели порядок. Поздно вечером вернулись такие довольные, веселые...

Мы собрались (домой), положили мешок муки, картошки, сена наложили — дорогой лошадь кормить. А конь-то у нас страшно тощий. Старший говорит: «Возьми моя конь, ваш обоза сдаю». Ну, говорю, джигит рахмет — спасибо — приезжай в Черкасск, там встретимся, может, так жизнь повернется, что за коня два получишь, за хорошее дело вдвойне. Сестра (Аксинья) довольная, как будто силы у нее прибавилось, первый раз прошла по комнате. Алаши ушли в казарму, с нами тепло простились. Пишите, говорю, до свидания. Брат: «Ну, Буланка, трогай!» Выехали за село, нагнали таких же, как мы: кто купил, кто выменял — набралось нас восемь подвод, мы от края третьи. Под вечер заехали в село Осиновку, патруль снят. Едем, а душа трепещет. Только половину (пути) проехали, — к нашему несчастью, мчится на рысаке генерал Щербаков, я его узнала по портрету. Такой бравый, чубатый. Видимо, жена — под сеткой, возок ковром покрыт. Стой, рявкнул начальник. Кучер осадил, мы стали.

— Ах вы, краснопятые, воевали, а теперь к нам за хлебом! Заворачивай в штаб!

Вот так встреча, это не киргизы, не вдруг облапошишь. Я так усердно поглядела на его жену — а может, любовница, леший ее знает. Она говорит: послушай меня, дорогой, отпусти, у них дети голодные, больные, войной изморенные. Он не разговаривает. Подъехали. Сторож открыл ворота, все заехали по порядку на злую лихорадку. Первый пошел дед Андрей на исповедь. Долго генерал держал. Ну что, говорю, жарко? Дед недовольный, ответил — пойдешь, узнаешь. Вторая вошла Одарка, наша соседка. Я приготовила свой «мандат». Но, думаю, господин прапорщик, товарищ Рожин, ты защитить меня должен. Брат Иван стоит ни живой ни мертвой, вот какие мы горемычные! Вышла соседка Одарка: без пару, говорит, жарко. Вот это мне нравится, как без пару парятся...

Я вошла и стала у дверей. Генерал копался в письменном столе, не замечал меня. Я за эту минуту хорошо окрепла и ничуть не боялась. Генерал крякнул, поднял голову, на меня уставился:

— Чья будешь? Из какого села? Какой хлеб везешь?

Я подала мандат Рожина. Генерал читает, улыбается, а сам на меня глаза таращит. Помолчал и говорит: «Ну и гусь прапорщик Рожин, я его хвалю за ухватку — в каждом селе подруга».

Генерал Щербаков отпустил всех задержанных, не отобрав хлеба. Возвращаются домой, в село Петропавловку. Часть вернувшихся заболевает тифом, который вывезли из зараженных сел. Тиф косил и солдат.

Домна Ефимовна ходила в бараки тифозных, носила им молоко, хлеб, сахар, утешала как могла, не считаясь с тем, красные перед ней или белые. «Все наши, русские люди!» Она имела и специальную одежду сестры милосердия с красным крестом. Много людей, и красных, и белых, спас врач Семенов, самоотверженно работавший день и ночь; его добрым словом поминает автор дневника. Умер врач от тифа, заразившись в бараке.

Домна Ефимовна с мужем Александром Никифоровичем Сидоровым, дочерью Грушей и сыном Васей. А. Н. Сидоров расстрелян в 1937 году; реабилитирован посмертно. Василий Сидоров погиб в 1942 году на фронте.

...Слыхала, говорит мне подруга, атаман Семенов[2] родного племянника выдал расстреливать. Ночью повели троих за мост в горы. Яша, хлопец-то какой, красавец писаной, пошел и запел:

Отходили ноженьки по этой дороженьке,
Отглядели глазоньки на белы хаты мазанки...

Эх, сердце кровью обливается! Солдаты (конвойные) наши, сибиряки, душа у них русская — пожалели. Ну, говорят, давай Яша ладонь левую, хватит одной. Яша поднял руку, сам отвернулся. Солдат из нагана прострелил ладонь. «Ну, давайте снимайте верхнюю одежду». Все трое сняли шапки, а ботинки оставили. (Солдаты) обрызгали кровью одежду. «Ну, ребята, бегите, сегодня тепло. У реки вас встретят верховые киргизы, помогут». Когда в час ночи вернулись, комендант пьяный спал. Солдаты взяли с меня клятву и все мне рассказали. Хорошо, говорю, вы поступили, по-братски. Ведь мы одной крови.

Вот так, дорогая подруга, читали на площади список смертников, поминали Жунтову и Черняеву и многих других, сказала мне Дарья. Да, говорю, дела мои неважные...

Мы простились и разошлись. Я вернулась домой. Сеня, братик, не спал:

— Няня, братка Иван приходил, поел и ушел.

И Нил и Кузьма не знаю где скрываются (от белых). Павлик часто плачет, умершую маму вспоминает, брата Никанора. Мы малышам не говорили о казни отца и брата, вот он часто и спрашивает, почему долго не идут, и когда придут, и зачем мы тут долго у тебя (в доме Черняевых) живем. Другой раз не знаешь, что и ответить...

...Наступил март. Весной тянет, тепло.

На полях кругом вода,
бегут шумные ручьи,
на березе у гнезда
сидят черные грачи...[3]

Сеня говорит: «Няня, погляди, как хорошо птицам жить. Они не воюют, гнездо себе вьют». Я поглядела на него, мне стало так тяжело...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анненков Борис Владимирович (1889—1927) — один из руководителей белого движения в Сибири. Участник первой мировой войны, хорунжий. С марта 1918 года участвовал в организации контрреволюционных выступлений в Сибири, затем командовал Семиреченской белой армией. С мая 1920 года белоэмигрант. В 1926 году оказался в СССР; был осужден Верховным судом СССР и расстрелян. Строго говоря, Анненков не был атаманом, но так он воспринимался народом.

2. Семенов Григорий Михайлович (1890—1946) — один из руководителей контрреволюции в Забайкалье. В начале 1919 года объявил себя атаманом Забайкальского казачества.

3. Стихотворение Д. Е. Жунтовой-Черняевой приводится не полностью; весь дневник богат стихами.

Подготовка текста,
примечания и комментарий
ОЛЬГИ ЩЕРБИНИНОЙ

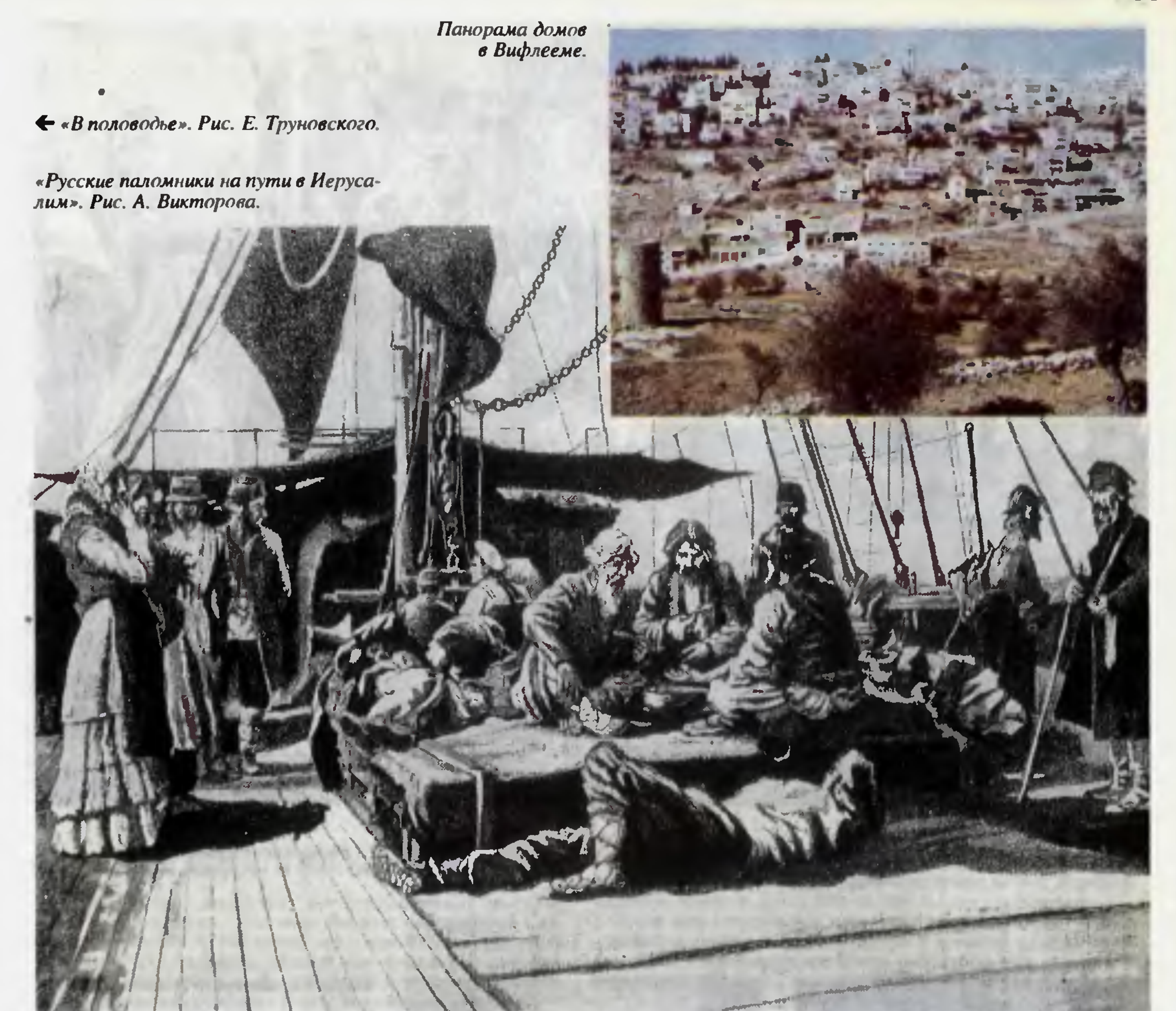
ПАЛОМНИКИ

Панорама домов в Вифлееме.

← «В половодье». Рис. Е. Труновского.

«Русские паломники на пути в Иерусалим». Рис. А. Викторова.

В Шереметьеве, уже пройдя сквозь магнитные бомбощупы и собравшись в «накопителе» перед посадкой, мы увидели, как вежливые люди в форме пригласили начальника нашей группы пройти в самолет отдельно. Обычно такие номенклатурные штучки мою либеральную душу раздражают, но на этот раз начальник был в рясе — на священнослужителя я возроптать не мог.

Я летел в Иерусалим с большой группой российских паломников, сопровождая их в качестве телерепортера. Эта поездка для православной церкви — событие важнейшее, если ие поворотное: почти на сто лет паломничество православных россиян на Святую землю было прервано: первой мировой войной, революцией, сталинским режимом, второй мировой войной, хрущевскими атеистическими судорогами и бесконечными имущественными тяжбами.

Теперь препятствия вроде бы отошли, расстояния сократились, деньги нашлись, и наш верующий соотечественник получил возможность прикоснуться к святыням, о которых слышал, читал, пел, шептал молитвы, но — не видел. Гефсимания. Храм Гроба Господня. Крестный путь. Иудейская пустыня. Кана Галилейская. Вифания. Назарет. Вифлеем. Гора искушений. Гора блаженств.

В группе — тридцать духовных лиц. В основном из Москвы, но есть и из Твери, и с юга. Изумительный хор Московской духовной академии и Семинарии. Певчие — молодые ребята; во время службы их лица светятся, но, сняв подрясники, они превращаются в нормальных шебутных парней; наблюдая, как они купаются в Мертвом море (дело происходит в январе), я бы никак не заподозрил в них семинаристов.

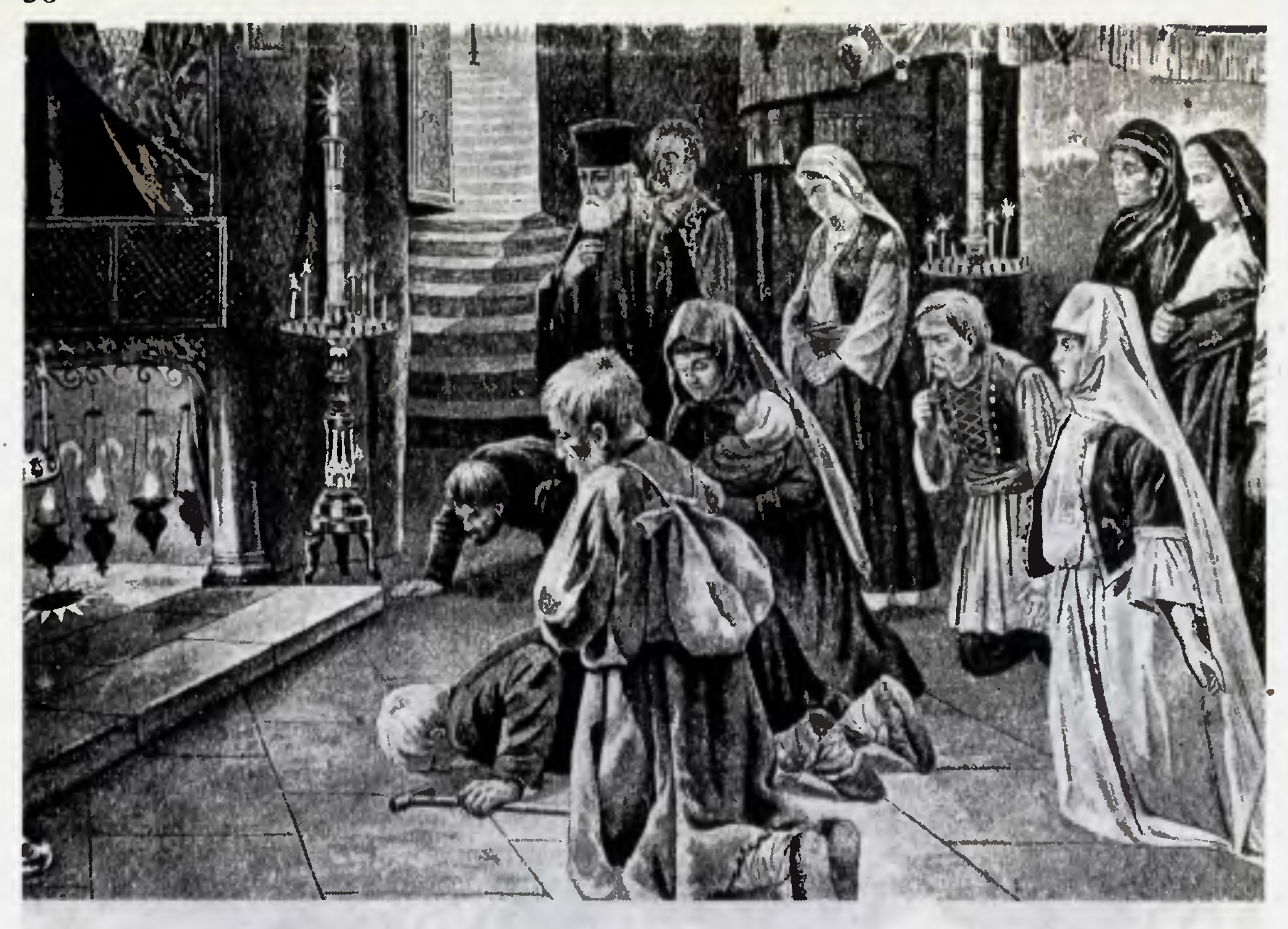
Старшие духовные лица — профессора Академии и церковные иерархи, — напротив, не дают повода ни на секунду усомниться ни в сане, ни во внутреннем настрое. Добавлю: ни в чувстве железной дисциплины — когда и как встать, подойти, поклониться. В расшатанном мире нашей недоперестроившейся реальности духовная община являет образец собранности — как по натянутой струнке идет от храма к храму, не оглядываясь по сторонам.

Еще с нами некоторое количество лиц гражданских, обоего пола. Слабый пол описывать не буду, но про сильный скажу, что он производит-таки впечатление: мужички как на подбор, и тоже словно схвачены внутренним обручем, хотя смотрятся пестровато: меж протокольных галстуков попадаются и джинсовки. Это люди, так или иначе причастные к деятельности Императорского Палестинского Православного Общества, того самого, что сто двенадцать лет назад, при Александре Третьем, было создано, при советской власти переименовано и полузадушено, а ныне возвращено к активной жизни и даже получило назад старое имя. Оно-то, это Общество, и организовало поездку.

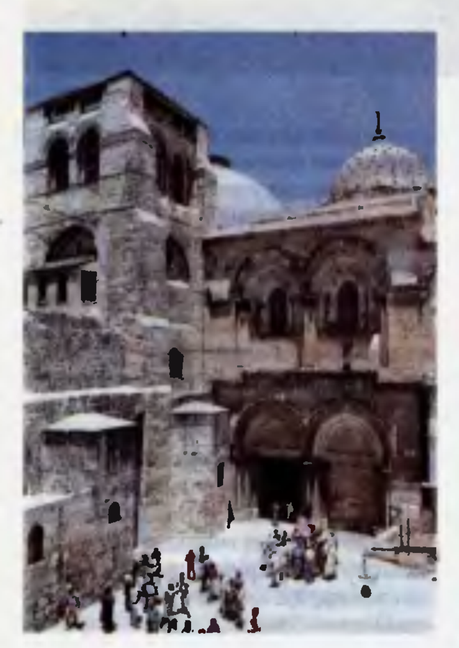
В отличие от лиц духовных, которые всецело сосредоточены на святынях и плывут от храма к храму в волнах церковного пения, эти, гражданские, цепко смотрят по сторонам и остро чувствуют, что маршрут наш проложен через минное поле. Да и по протоколу им, гражданским, кроме святынь, еще и официальные приемы положены.

И вот заместитель мэра Вифлеема, палестинец, роняя искры сквозь дипломатическую вежливость, предлагает гостям представить себе, что такое оккупационный режим. А на другом приеме (и на другом полюсе) заместитель министра по делам религии государства Израиль предлагает обдумать загадку: диалог иудеев с католиками идет полным ходом, меж тем как диалог с православными почему-то остается на нуле; замминистра говорит приветливо и по видимости спокойно, но сбивает-таки на скатерть бутылку с водой при очередном жесте.

...И хозяин гостиницы, где мы живем (в палестинском квартале восточного Иерусалима, куда таксисты-евреи опасаются ездить), срывается с тона:

В Вифлеемской часовне.

Вифлеем: интерьер гробницы Лазаря.

Иерусалим: фасад церкви Святой Гробницы, слева — колокольня.

Тихий вечер.

Паломники: цифры и факты

Первый русский паломник, который оставил описание своего путешествия, — игумен Даниил, посетивший Святые места в 1106—1108 годах, через сто десять лет после крещения Руси. Его книга, глаголемая «Странник», переиздавалась неоднократно и сама стала чем-то вроде легенды.

Паломничество русских в Палестину приобретает более или менее ощутимые масштабы в XIX веке. К 1820 году — около двухсот паломников, к 1840-му — около четырехсот, к 1860-му — около тысячи, к 1870-му — более двух тысяч, к концу века — около пяти тысяч... В то время ночлег паломника в Святом городе (с обедом) обходился в 13 копеек, а дорога из Питера до Иерусалима и обратно — 57 рублей: две зарплаты тогдашнего квалифицированного пролетария.

Разумеется, реальная стоимость путешествия выше. Доплачивает тот же народ, через другие каналы. С 1858 года дело берет в свои руки созданный в столице Палестинский Комитет: за пять лет собран миллион рублей, преимущественно народными копейками. В Палестине куплены земли, построены церкви, приюты, больницы, школы. В Иерусалиме возникает «Московия» — Русское Подворье.

Дело ширится. Александр II преобразует Комитет в Комиссию, Александр III — в Общество, которое с 1882 года получает титул: Императорское Православное Палестинское Общество.

Первая мировая война пресекает паломничество, Советская власть вообще закрывает эту тему. Палестинское Общество теряет из своего титула слова «Императорское» и «Православное»: на его долю остается чисто академическое востоковедение.

В 1964 году советское правительство начинает продажу русских владений в Палестине правительству Израиля. Израиль платит апельсинами. Апельсины съедаются.

Лишь через тридцать лет после «апельсиновой сделки» ситуация наконец поворачивается к лучшему, причем практически: Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО, как его называют в нашу стремительную эпоху) воссоздается под старым именем и со старыми функциями. Изыскиваются средства для укрепления материальной базы: приобретения участков, расширения миссионерской и культурной работы. Надо строить школы, больницы и, конечно, приюты для паломников. Теперь это называется «инфраструктура».

По сведениям печати, отныне каждый четверг из Москвы в Иерусалим будет отправляться самолетом группа в шестьдесят-семьдесят паломников для недельной поездки по Святым местам.

В январе 1994 года первая такая группа совершила поездку. В группу вошли священнослужители и прихожане Русской православной церкви, профессора Московской Духовной Академии во главе с ректором владыкой Филаретом, включая хор Академии и Семинарии во главе с регентом отцом Никитой, руководители ИППО во главе с профессором Пересыпкиным, а также пресс-группа во главе с профессором Сироткиным. В составе пресс-группы оказался наш обозреватель, чья заметка в рубрике «Лейтмотив» дополнит картины несколькими человеческими штрихами.

Значение же происходящего — в перспективе — может быть огромно: постоянное присутствие русских православных на Святой земле важно для диалога религий, сошедшихся на Ближнем Востоке, и еще более важно для укрепления духовных сил России.

Церковь плача Господня (вверху слева).

Фасад церкви Блаженств.

«За что?» Фрагмент картины художника М. Г. Малышева.

— Я беженец! В моей деревне теперь киббуц! ОНИ кричат, что ИХ нельзя трогать, потому что ОНИ прожили там уже двадцать лет! А МЫ там жили двадцать веков, и НАС можно трогать!

Изя Шамир, комментатор Агнона и знаток израильской культуры, а ныне корреспондент «Правды» по Ближнему Востоку, переводящий нашу беседу, добавляет:

— Религиозные проблемы тут совершенно ни при чем: иудаизм, ислам... Все просто: человека выгнали из дома, в котором он родился. В его доме живут пришельцы. И он бросает в них камни.

В этом камнепадном пространстве томительно ощущается вакуум силы, образовавшийся после распада СССР. Впрочем, этот вакуум чувствуется здесь со времен распада Турецкой империи, и именно с той поры напирают сюда разнонаправленные силы, искря и вспыхивая от соприкосновений.

По струночке, по ниточке идут через это задымленное поле наши пилигримы, наши мирные богомольцы, вестники нашего интереса: череда черных фигур, замирающих у алтарей и гробниц, словно бы не слышащих ничего, кроме биения собственных сердец.

На рассвете нас будит голос муэдзина, мощно усиленный динамиками с минарета. От Старого города несется ему навстречу перезвон христианских колоколов. Мы входим через Золотые ворота и видим замершие фигуры у Стены Плача.

Мы идем ко Гробу Господню. Монахиня, живущая в келье близ Храма (уроженка Твери, приехавшая в Палестину двадцатилетней пятьдесят пять лет назад), напутствует нас:

— Приходите еще! Я своим, русским, всегда рада. Да и вы истомились там, поди, при Иродовой власти!

Возражений насчет власти не слушает. Да и не слышит, наверное, — под такой звон.

ЛЕВ АННИНСКИЙ

Стена Плача в Иерусалиме.

Табга: церковь Приумножения хлебов и рыбы; фрагмент мозаики, изображающей это чудо Иисуса (вверху).

Назарет: фасад и колокольня церкви св. Гавриила.

Вифлеем: Врата Смирения при входе в Базилику Рождества (внизу).

ТАТЬЯНА ИВАНОВА,
кандидат филологических наук

«АЙ, ДА СЛАВНЫЙ, КРАСНЫЙ ПИТЕР...»

ГОРОДСКАЯ ЧАСТУШКА ВРЕМЕН РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В обширном фонде известного русского этнографа Д. К. Зеленина Санкт-Петербургского отделения архива Российской Академии наук хранятся две папки, озаглавленные «Политическая частушка. Ч. 1—2». Здесь сосредоточены записи самого Д. К. Зеленина и рукописи его многочисленных корреспондентов.

Наше внимание привлекли частушки, собранные Л. А. Куриловой в августе 1922 года в Петрограде[1]. Тексты записаны с соблюдением просторечных особенностей говора исполнителей, многие слова отмечены ударениями — все это говорит о том, что она была если не опытным, то, во всяком случае, в достаточной степени подготовленным собирателем устной народной поэзии.

Материал Куриловой во многом может считаться уникальным.

Названная коллекция частушек собрана в самом Петрограде, а не в близлежащих деревнях. Перед нами городской фольклор: голос улицы, подслушанный собирательницей в переломные годы русской истории.

Ценность материала и в его безусловной объективности. Записей Куриловой не коснулась ни рука редактора, ни внутренняя самоцензура, которой столь часто руководствовались фольклористы в 1930-е годы, вполне ясно осознававшие требования тоталитарного режима. Сама Курилова, судя по некоторым комментариям к частушкам, отнюдь не была сторонницей новой власти. Тексты антисоветской направленности воспринимались ею явно одобрительно. Однако собирательница фиксировала и частушки просоветской ориентации.

И наконец, предлагаемый читателю материал примечателен еще тем, что позволяет проследить, как менялись симпатии и антипатии улицы от месяца к месяцу.

Николай II у низов популярностью явно не пользовался. Отречение царя от престола воспринимается не просто с радостью, а с нескрываемым злорадством:

Ай, да славный, красный Питер:
Николашке нос он вытер.
Революцьи час настал,
Николашка забежал.

Но созданное Временное правительство чаяний народных не оправдало. Быстрого решения проблем не предвиделось. А толпа нетерпелива, и практически сразу же после образования первого состава Временного правительства его министры — П. Н. Милюков и А. И. Гучков — стали объектом уличной сатиры. Слово же «большевик» оказывается символом надежды петроградских низов:

Убирайтесь к черту, черти!
Расстреляем вас до смерти!
Милюков и ты, Гучков!
Надо нам большевиков.

К июлю 1917 года образы большевистских лидеров, обещавших народу быстрое благоденствие, — В. Ленина и Л. Троцкого входят в уличную поэзию:

Эх, июльские денёчки,
Светлы дни да жарки ночки!
Ленин Троцке вести шлёт:
«Скоро нашая возьмёт»[2].

Второй состав Временного правительства, которое с 8 июля возглавил министр-председатель А. Керенский, вызвал в питерской революционизированной толпе откровенно враждебные настроения:

Вот чертовские напасти:
Вы уйдете ли от власти?
А не то, живей, матросы,
Мы покажем вам, барбосы[3].

Сам же А. Керенский в политической частушке Петрограда поздней осени 1917 года — персонаж сугубо сатирический. Частушка охотно подхватывает известный слух о том, что глава Временного правительства якобы бежал из Зимнего дворца в женском платье:

Ну и трус же ваш Керенской:
Разрядившись в кохте женской,
Запрягает лошадей
И в Финляндию скорей.

Октябрьский переворот петроградская чернь встречает с радостью. Фигура большевика становится привлекательной; низы готовы присоединиться к новым политическим лидерам. Впрочем, как и во всякой революции, толпу прельщает прежде всего дух разрушения, анархии, замешенной на антисемитизме:

То-то щастя, то-то радость:
Мы прогнали эту гадость[4].

Надо нам сначала пить,
А потом жидов побить.
Хоть теперь я большевик,
А к жидам все не привык.

Слово «октябрь», как символ социальной справедливости, очень скоро вошло в сознание определенной части петроградцев. Торжественные празднования Октябрьской революции, организованные с большой помпой уже в первую годовщину, вызывали у многих искреннюю радость:

Мы не спали долги ночки,
Шили красные платочки.
И взошла наша заря
В день счастливый Октября.

Праздники нравились. Нравились кумачовые знамена, транспаранты, красные платочки, торжественные шествия; радовала невиданная ранее дерзость — купание ребятишек в Неве напротив Зимнего дворца:

Ишь, собачии-то лица,
Спинсы[5] как ругаются:
На набережной столицы
Мальчишки купаются.

Эх, вы, спинсочки,
Собачоночки,
Возле вас сидят
Все девчоночки.
Вид у вас страшной,
А на каждой девочке —
Платочек красной[6].

Будущее рисовалось светлым. Казалось, что автомобили и аэропланы — завидная недосягаемая роскошь буржуазии — приблизились к представителям петроградской бедноты:

Как врага мы победим,
На машине полетим.
Ух, как хочется мне, страсть,
В грузовик большой попасть.

Однако приведенные выше частушки рождались в среде, которую принято было называть сознательными пролетариями. В глазах же большинства питерцев торжественные революционные праздники и обещания светлого будущего не заслоняли тяжелейшей реальности: крови, смерти, разрухи, голода, неустроенного быта:

Задача незадачная —
Ни палки на бугре.
Продал штаны удачно я
В Апраксином дворе[7].

Родился у жены ребеночек,
Слабый, как котеночек.
Ей питанье нужно дать,
Нету хлеба: где достать?

С сахарином чай попьешь —
Завтра к вечеру помрешь.
Самолучшая повадка —
Пить чай с сахаром вприглядку.

Опасное сравнение — сейчас и при царе — естественно, заставляло горожанина искать виновных среди представителей существующей власти. Имена Ленина и Троцкого теперь зазвучали в ином контексте:

Получил паёк у Плоцкина[8]
Воблу и треску.
Дал бы ею Лёвке Троцкину
В самую башку.

Судя по материалам Л. А. Куриловой, в частушках

«Наркомвоенмор» Л. Троцкий и юный буденновец.

была тогда продуктивной модель «Ленин (Троцкий) Троцкому (Ленину) сказал», состоящая из двух парных песенок.

Троцкий Ленину сказал:
«Я б буржуев наказал:
Выселение, уплотнение;
Среди белого дня ограбление».

Троцкий Ленину сказал:
«Пойдем, Володя, на базар,
Купим кобылу карюю,
Накормим пролетарию».

Троцкин Ленину сказал:
«Ты бы русских в шею гнал.
Ведь еврей — поумней,
Всё б наладилось скорей».

Ленин Троцке отвечал:
«Я б с тебя сейчас начал.
Ты хоть жид, а дуралей,
Выкидайся поскорей».

Ленин Троцкину сказал:
«Ты б мне русских показал.
Ну, а то — не будь в обиде,
Что за царство? Жид на жиде!»

Уже в период гражданской войны большевики пытались решить экономические проблемы за счет церковных ценностей. Экспроприация церквей и монастырей и активная атеистическая пропаганда болезненно воспринимались массами. Народ был оскорблен в своих идеальных чувствах и не верил в нравственную чистоту начинаний властей, ополчившихся против религии:

Всю ночь до нас таскаются
Сребро в больших кулей.
А громко называется —
Изъятие церквей.

Мы усе большевики,
Я не лицемерю,
Только знайте, дураки:
Я у Бога верю.

В 1921 году большевики объявили новую экономическую политику. Началась определенная стабилизация экономики, страна выходила из разрухи гражданской войны. Но нэп воспринимался питерцами (и отчасти справедливо) как возврат к дореволюционному имущественному расслоению общества. С одной стороны, появился «толстопузый купчина», которому доступно все, а с другой — «обдуренная пролетария», для которой нэповские лавки и магазины оказались не по карману:

Идет купчина толстопузый
В Гостиный двор снов торговать,

Ленинград, 1924 г.
Невский проспект. Уличная сценка.

И будут снов все те же тузы
Пролетарию страшно жать.

На долю петроградских масс и во времена процветания нэпа достаются только «хвосты» очередей за дешевыми продуктами и товарами.

Надоели мне хвосты,
Все копеpативы.
Поломалися мосты
Через те мотивы.

Петроградская толпа была нетерпелива. Светлым, справедливо считала она, должно быть настоящее, а не будущее. И даже первые, робкие признаки стабилизации жизненного уклада воспринимаются обывателем, кажется, с иронией:

Мы идем все на гору,
Я, к примеру,
Купил пудик сахару
Да и шифоньеру.

В материалах Куриловой петроградская улица 1917—1922 годов предстает во всем ее многоголосии, в полифонии мнений, суждений, сиюминутных настроений. Записи собирательницы свидетельствуют, что в период революции и гражданской войны русская народная частушка была чрезвычайно политизирована. Этот жанр, благодаря своей мобильности, оказался очень удобным для выражения народом своих политических симпатий и антипатий. Однако это не означает, что любовная тематика — изначально главная в «коротушках» — исчезает. Рядом с традиционным образом «милки» появляются реалии политической жизни города и лексика ораторов-пропагандистов:

Вправде стало ожиданье:
Нету более царя.
Стречу милку на свиданьи
На проспекте Октября[9]*.*

Впрочем, подобного рода произведения народной поэзии рождались, по-видимому, лишь в среде сознательных пролетариев. Большинство же горожан находились в смятении. Комиссары, матросы, большевики, офицеры, юнкера — все предлагали народу свою правду. Любовная частушка Петрограда периода гражданской войны отражает растерянность и одновременно бесшабашную отчаянность героини уличной поэзии:

Нам-то, бабам, революцья
Только на беду.
Комиссара поцелую,
С охвицером спать пойду.

Однако ход исторических событий неумолимо подсказывал героине частушек необходимость опереться на тех, кто оказался победителем в гражданской войне. Место юнкеров и офицеров в ее изменчивом сердце прочно занимают матросы и большевики:

Говорила мне Наташа:
«Ну и глупая ты, Даша,
Любишь ты большевиков —
Нету лучше моряков».

Насмехалася мне Даша:
«А ты, глупая Наташа,
Любишь грубых моряков,
То ли дел — большевиков».

Л. А. Курилова к этим двум частушкам дает следующий комментарий: *«Матросы Балтийского флота, поддерживавшие сначала большевиков, начали потом относиться к ним критически и выступали против них, как анархисты».* По всей видимости, эти коротушки косвенно отражают события марта 1921 года, названного советскими историографами Кронштадтским мятежом. В конфликте, который произошел в революционном лагере, балтийские моряки, опора большевиков в 1917 году, были побеждены, а значит, частушечной героине надо было прислониться к плечу единственного победителя — большевика. Да и здравый смысл подсказывал практичной и рассчетливой девушке, что романтический образ революционного моряка имеет мало общего с идеалом стабильной семейной жизни:

В воскресенье повенчался,
А во вторник с ней подрался,
В среду утром взял развод
И пошел на пароход.

Счастливый билет вытягивает та женщина, чей муж становится комиссаром:

Ну и радая Наташа:
Будя есть без хлеба кашу!
**Хозяную так, что на:*
Комиссарова жена[10]*.*

Тех же, кто не смог пристроиться рядом с комиссаром, частушка награждает нелестным эпитетом «дура»:

Шура дура-тамадура,
Полюбила щикатура.
Щикатур — вумный он —
Продал милку за мильон.

Впрочем, в отношении нравственности и элементарной порядочности «партийцев» у лирической героини частушек никаких иллюзий нет:

Рыжий Васька назначается
Партией наборщиком.
Ну, таперича достанется
Славненьким фальцовщицам.

Жизненный опыт показал, что новая власть не только безнравственна, но и некомпетентна. Безграмотный совработник, пришедший на смену ненавистному когда-то царскому чиновнику, очень скоро становится предметом сатирического осмеяния:

Дело дано мне одно:
Все теперь я смею,
Только горе вот одно —
Писать не умею[11]*.*

Кое-кто из тех, кто успел войти во власть, осознав свою некомпетентность, заявляет о своем уходе со службы:

Ухожу от вашей службы:
Не могу фамиль писать.
Лучше нет на свете дружбы,
Как с девчонкой ночь гулять.

К 1922 году закончилась гражданская война и с ней одна из эпох напряженной политической жизни России. Частушка, на протяжении нескольких лет жестко ориентированная на отображение социальных потрясений в стране, наконец-то получала возможность вернуться к своей извечной теме — любви. Следующий всплеск интенсивности политической мысли в частушках произойдет в начале 1930-х годов, в период коллективизации.

Коммерческий ресторан в гостинице «Европейская» периода нэпа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф. 849. Оп. 1. Д. 562. Л. 487—526. В публикации сняты фонетические особенности речи исполнителей.
2. Комментарий Л. А. Куриловой: «Июльские дни в Петербурге 5—7 июля 1917 г. — первая попытка большевистского переворота».
3. Комментарии Л. А. Куриловой: «Эпитеты относятся, по-видимому, к Временному правительству, против которого особенно враждебно были настроены матросы».
4. Комментарий Л. А. Куриловой: «Очевидно, Вр<еменное> правительство».
5. Комментарий Л. А. Куриловой: «Сфинксы перед Акад<емией> художеств в Петербурге».
6. Комментарий Л. А. Куриловой: «Вероятно, во время какого-нибудь революционного шествия участницы его отдыхали на пьедесталах сфинксов».
7. Комментарий Л. А. Куриловой: «Апраксин двор или рынок в Петербурге то же, что Сухаревка в Москве или Благбоз в Харькове».
8. Комментарий Л. А. Куриловой: «На заводе Плотскина (кажется, кожевенном) выдавали в 1918 г. испорченную воблу в паек рабочим».
9. В 1918 году Невский проспект в Петрограде был переименован в проспект Октября; старое название возвращено улице в 1944 г.
10. Примечание Л. А. Куриловой: «Намек на сытую жизнь комиссаров в то время, когда все остальное население Петербурга не имело даже хлеба».
11. Комментарий Л. А. Куриловой: «Высмеивается, очевидно, безграмотность стоящих у власти».

натория в Барвихе. Припугнув новую жертву арестом жены и детей, старший следователь полковник Гаркуша заставил Рыжикова не только признать свою вину в том, что он умышленно ускорил кончину Щербакова, но и покаяться в преступной халатности, выразившейся в запоздалом диагностировании ракового заболевания желудка у Е.М. Ярославского.

Чтобы выводы следствия выглядели более или менее обоснованными и профессиональными с медицинской точки зрения, для участия в предварительной экспертизе МГБ привлекло группу медиков, негласно сотрудничавших с «органами». Одним из экспертов оказалась врач Л. Ф. Тимашук. 24 июля 1952 года ее вызвали на Лубянку, и тот же полковник Гаркуша проконсультировался с нею по поводу материалов следствия о «вредительском» лечении Щербакова.

Во время следующего визита в МГБ, а это произошло 11 августа 1952 года, Лидия Тимашук поведала следователю И. Елисееву нечто такое, что существенным образом расширило диапазон следствия и придало ему второе дыхание. Дело в том, что, являясь заведующей кабинетом электрокардиографии кремлевской больницы, она имела непосредственное отношение к лечению Жданова в последние месяцы его жизни. Главный идеолог партии страдал от тяжелого атеросклеротического изменения сосудов сердца. Стрессы Жданов пытался снять все увеличивавшимися дозами алкоголя, и болезнь стала резко прогрессировать.

13 июля 1948 года Жданов отправился на отдых в правительственный санаторий «Валдай». Проходили дни, он начал постепенно успокаиваться, но 23 июля ему позвонил кто-то из Агитпропа ЦК. По свидетельству медперсонала, разговор был явно неприятен Жданову: он кричал в трубку и находился в состоянии крайнего возбуждения, а ночью у него случился тяжелый сердечный приступ. Прибывшие 25 июля из Москвы профессора кремлевской больницы В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко и П. И. Егоров в присутствии лечащего доктора Г. И. Майорова и врача-диагноста Карпай констатировали, что ничего экстраординарного не произошло: у больного имел место острый приступ сердечной астмы.

Следует особо отметить, что при Сталине качество лечения высшей сановной бюрократии, входившей в так называемую «особую группу» медицинского обслуживания, было, мягко выражаясь, далеко не идеальным. В знаменитой «кремлевке», как и повсюду, царил мертвящий дух чиновной иерархичности, корпоративности, круговой поруки со всеми вытекающими из данной ситуации последствиями. Никто из врачей, разумеется, не преследовал каких-либо «вредительских» целей. Просто таково было на деле социалистическое здравоохранение.

Несмотря на тяжесть заболевания, в течение трех недель у Жданова не снимались электрокардиограммы. Лечащий врач Майоров уход за больным и лечение передоверил медицинской сестре, а сам часами занимался рыбной ловлей. В итоге 27 августа у Жданова произошел новый сердечный приступ. На следующий день на Валдай вновь вылетели профессора Егоров, Виноградов и Василенко, захватившие с собой для снятия электрокардиограммы врача Тимашук. Проведя обследование, она констатировала *«инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки»*. Однако остальные врачи сочли ее мнение ошибочным. Егоров и Майоров настояли на том, чтобы Тимашук переписала свое заключение в соответствии с ранее поставленным расплывчатым диагнозом: *«функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни»*. Однако, когда 29 августа у Жданова, которому Егоров и лечащий врач разрешили вставать с постели и совершать прогулки в парке, вновь случился сердечный приступ, Тимашук потребовала установить строгий постельный режим для больного. Обо всем происшедшем она в тот же день написала начальнику Главного управления охраны МГБ СССР Н. С. Власику, вручив свое заявление руководителю личной охраны Жданова майору А. М. Белову. Тот через несколько часов доставил его по назначению в Москву, где оно вместе с приложенными к нему листками электрокардиографии Жданова было передано Сталину.

На следующий день Жданов скончался. Письмо Тимашук тогда так и осталось без последствий. Подозрительный и обычно всегда такой скорый на расправу Сталин почему-то не стал проводить расследования, а лично распорядился отправить письмо в архив. Но по прошествии четырех лет этот документ будет извлечен на свет.

Чтобы угомонить Тимашук, продолжавшую обвинять руководство Лечебно-санитарного управления Кремля в смерти Жданова, Егоров 6 сентября собрал совещание и заклеймил возмутительницу ведомственного спокойствия, как невежественного врача, «чужого» и «опасного» человека. Его поддержали Василенко, Майоров, А. Н. Федоров и Виноградов. Последний, кстати, особенно неприязненно относился к Тимашук, может быть, потому, что догадывался о ее связях с МГБ. Он поставил министру здравоохранения СССР Е. И. Смирнову ультиматум: *«Или я буду работать в кремлевской больнице, или она»*. 7 сентября Тимашук вызвали в отдел кадров и вручили приказ о переводе в филиал поликлиники. (Уже после смерти Сталина, когда в ходе предпринятой новым руководством МВД СССР проверки так называемое «дело врачей» начнет трещать по всем швам, а собранные следствием «доказательства одно за другим будут признаваться сфабрикованными, профессор Виноградов в своей записке Берии от 27 марта 1953 года тем не менее заявит: *«Все же необходимо признать, что у Жданова имелся инфаркт и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и метода лечения у нас не было»*.)

Заручившись поддержкой вождя, Рюмин действовал постепенно и осмотрительно. В сентябре он взял под стражу тех, кого не защищали высокое положение, громкое имя и номенклатурные связи, — докторов Майорова, Федорова и отставного руководителя Лечсанупра Кремля А. А. Бусалова. 18 октября люди в штатском пришли за профессором Егоровым. Будучи с 1947 года начальником кремлевской больницы, он владел наибольшей информацией, и потому именно на него Рюмин делал особую ставку, возлагал главные надежды. Рюмин еще 27 сентября распорядился арестовать жену профессора — Е. Я. Егорову и с помощью угроз уже получил от нее компромат на мужа.

Однако арестованные, несмотря на изматывающие допросы и угрозы следователей, не спешили «признаваться» во вредительском лечении партийно-государственного руководства и военачальников. «Неэффективность» следствия привела Сталина в бешенство. 18 октября 1952 года он разрешил руководству МГБ применять методы физического воздействия к арестованным. Тут же Рюмин сформировал команду дюжих молодчиков, способных выбить любые показания из кого бы то ни было. А чтобы не тратить время на транспортировку подследственных в Лефортовскую тюрьму, в кабинете начальника Внутренней тюрьмы на Лубянке была создана импровизированная мини-пыточная.

Теперь Рюмин почувствовал себя значительно увереннее. Однажды, как свидетельствовал потом профессор Бусалов, явившись на допрос, проходивший в 20-х числах октября, он с порога заорал на него: *«Ты что ведешь себя, как проститутка! Ты бандит, подлюга, шпион, террорист, опасный государственный преступник. Мы с тобой нянчились, теперь хватит. Будем пытать каленым железом. У нас все для этого приспособлено. Будет поздно, когда твой труп будет выброшен туда* (при этом жестом указал на пол). *Переведем тебя в военную тюрьму, там особо допросят!»* Правда, когда Рюмин удалился, следователь Б. Н. Кузьмин, допрашивавший Бусалова, «успокоил» профессора: *«Не переживайте. Пытки каленым железом у нас не применяются. А вот порка возможна»*.

Как потом смог убедиться Бусалов, это были не пустые угрозы. 18 ноября 1952 года на него надели наручники, и он 52 дня почти постоянно находился с заведенными назад скованными руками. А 10 декабря его зверски избили дубинками в кабинете начальника тюрьмы.

Аналогичным образом обращались и с Егоровым, от которого наряду с признанием во врачебном вредительстве домогались и сведений о шпионских связях с бывшим секретарем ЦК А. А. Кузнецовым, переведшим его в мае 1947 года в Москву с должности главного терапевта Ленинградского военного округа. После того как Егорову изрядно намяли бока и Рюмин пригрозил пытать его одновременно на двух кострах, он перестал сопротивляться и начал оговаривать себя, признаваясь в несовершенных преступлениях. Присутствовавший при этом Рюмин, презрительным жестом указав на поверженную жертву, торжествующе воскликнул: *«И этот тип, подумайте, был начальником Лечсанупра Кремля. Какой позор!»*

Егорова обвинили не только в том, что он «вывел из строя» М. Тореза, «умертвил» Г. Димитрова, А. Жданова, А. Щербакова, а также нанес вред здоровью многих советских и иностранных коммунистических лидеров, но и в том, что он злоумышлял против членов семьи «вождя народов».

29 октября Игнатьев доложил Сталину о том, что *«заключения экспертов подтверждают преступное лечение А. С. Щербакова»*. Подобное мнение специалистов окончательно разрешило сомнения, обуревавшие вождя, и он решился на давно обдуманный шаг: предоставил МГБ полную свободу. В ноябре на Лубянке оказался весь цвет кремлевской медицины — профессора Виноградов, Василенко, Вовси, Б. Б. Коган. А в декабре конвейер арестов доставил туда же профессоров А. М. Гринштейна, А. И. Фельдмана и Я. С. Темкина.

Однако, несмотря на столь радикальные меры, следствие продвигалось медленно и, самое главное, не в том направлении, в котором хотелось бы Сталину. Его раздражал анемичный и нерешительный шеф госбезопасности Игнатьев. Рюмин также умерил свой пыл. Наученный горьким опытом Ежова и Абакумова, он отнюдь не спешил оказаться в положении мавра, сделавшего свое дело.

Будучи недовольным темпами, результатами и, главное, направленностью следствия по «делу врачей», Сталин провел кадровую «перетряску» в МГБ СССР. 14 ноября 1952 года Рюмина сняли с должности заместителя министра госбезопасности и направили старшим контролером в Министерство госконтроля СССР. Тогда же в Кремль был вызван Игнатьев, где состоялась бурная сцена объяснения с вождем, после которой у министра случился инфаркт миокарда и он слег.

15 ноября был назначен новый руководитель следствия по «делу врачей» — заместитель министра госбезопасности СССР С. А. Гоглидзе, за которым еще с 30-х годов тянулся кровавый след политических репрессий. Он потребовал, чтобы его подчиненные прекратили *«нянчиться»* с арестованными и стали *«настоящими революционными следователями»*.

Внимательно прочитывая ежедневные протоколы допросов врачей, Сталин теперь не только определял концепцию следствия, но и предпринимал конкретные шаги, направляя его в нужное русло. Так, в протоколе допроса главного обвиняемого — профессора Виноградова 18 ноября 1952 года появилось следующее «Заявление следствия»: *«Мы имеем поручение руководства передать вам, что за совершенные вами преступления вас уже можно повесить, но вы можете сохранить жизнь и получить возможность работать, если правдиво расскажете, куда ведут корни ваших преступлений и на кого вы ориентировались, кто ваши хозяева и сообщники. Нам также поручено передать вам, что, если вы пожелаете раскаяться до конца, вы можете изложить свои показания на имя вождя, который обещает сохранить вам жизнь в случае откровенного признания вами всех ваших преступлений и полного разоблачения своих сообщников. Всему миру известно, что наш вождь всегда выполнял свои обещания»*.

Виноградов тем не менее отказался «признаться». Тогда взбешенный следователь приказал немедленно отвести профессора в кабинет начальника внутренней тюрьмы. Там несчастного повалили на пол и стали дико избивать. Побои, продолжавшиеся в течение трех дней, вызвали у жертвы тяжелый приступ стенокардии, а инфильтраты от них прошли только через шесть недель.

Избиениям, круглосуточному содержанию в наручниках, лишению сна и другим издевательствам подверглись также профессора Василенко, Вовси, Коган и другие арестованные врачи.

Виноградов все же подписал подготовленное «признание» в шпионско-террористической деятельности. По вульгарно-аляповатой версии следствия, исходившего из того, что В. Н. Виноградов является центральной фигурой врачебного заговора, именно с ним иностранные спецслужбы связывали реализацию своих глав-

ГЕННАДИЙ КОСТЫРЧЕНКО,
кандидат исторических наук

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ»

не носило исключительно антиеврейского характера: более половины арестованных медиков были русские

Прелюдией сфабрикованного по воле Сталина «заговора» врачей явилась предпринятая в начале 1949 года пропагандистская атака на так называемых «безродных космополитов», к которым почти автоматически причислялись те, кто имел несчастье родиться с еврейскими фамилиями. И поскольку таковых было особенно много в медицине наряду с искусством и литературой, гонения в этой сфере уже тогда приняли массовый и чрезвычайно ожесточенный характер.

Одним из первых чистке подвергся Второй московский медицинский институт имени Сталина. Бесчисленные кадровые проверки, аттестации, партийные собрания лихорадили научно-преподавательский коллектив до тех пор, пока не были изгнаны все те, кто раздражал администрацию «пятым пунктом» анкеты. Не избежал этой участи и профессор Я. Г. Этингер: осенью 1949 года его отстранили от руководства кафедрой и уволили под надуманным предлогом. От услуг профессора-терапевта отказалась также и кремлевская больница, куда ранее он приглашался в качестве консультанта. Впоследствии именно причастность Этингера к лечению верхушки советского руководства и послужила формальным поводом для фабрикации «дела врачей».

В поле зрения МГБ Этингер попал давно, но усиленно стал «разрабатываться» органами после того, как на него был получен компромат от арестованного ответственного секретаря Еврейского антифашистского комитета И. С. Фефера. На допросе 22 апреля 1949 года тот охарактеризовал профессора как одного из предводителей буржуазных еврейских националистов: «*Его (Этингера. — Г. К.) националистические взгляды полностью разделяли академик Б. И. Збарский, профессор 2-го московского медицинского института А. Б. Топчан, руководитель клиники лечебного питания М. И. Певзнер, главный терапевт Советской Армии М. С. Вовси... Этингер весьма недоволен тем, что Советский Союз не оказывает помощи государству Израиль, и обвинял Советское правительство в том, что оно ведет якобы враждебную политику в отношении евреев. Он говорил: «Мои друзья (имея в виду Збарского, Певзнера и других лиц, мною названных выше) просто удивлены этим невозможным положением. Евреи всего мира помогают воинам Израиля... а мы лишены этой возможности. Если Советское правительство не хочет помогать израильским евреям, пусть оно разрешит нам это сделать...*»

Арестовали Этингера 18 ноября 1950 года. Ему были инкриминированы «клеветнические измышления» в адрес партийных руководителей А. С. Щербакова и Г. М. Маленкова, которых он считал главными вдохновителями и проводниками политики государственного антисемитизма в стране. Месяцем раньше взяли под стражу приемного сына профессора — Я. Я. Этингера (Ситермана), от которого потребовали показаний, изобличавших отца. А 16 июля 1951 года на Лубянку препроводили жену Этингера Р. К. Викторову, которую заставили подтвердить, что ее муж и сын регулярно слушали антисоветские радиопередачи по Би-Би-Си и «Голосу Америки».

Первоначально вопрос о «вредительском лечении» Этингером руководителей коммунистической партии и советского государства не возникал. На допросах Этингер отрицал вину, настаивая на обоснованности своих заявлений об имевших место случаях притеснения евреев. Не желавшего «признаваться» доктора 5 января 1951 года перевели в Лефортовскую тюрьму, где он подвергся изощренным пыткам, содержался в сырой камере, куда нагнетался холод.

Я. Г. Этингер

Дело Этингера вел старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник М. Д. Рюмин, который с помощью пыток заставил свою жертву оговорить знакомых врачей как «*еврейских националистов, высказывающих недовольство советской властью и распространяющих клевету на национальную политику ВКП(б) и Советского государства*». Список «*единомышленников Я. Г. Этингера, высказывающих враждебные взгляды*», Рюмин направил министру В. С. Абакумову. Всех их выгнали с работы, некоторых арестовали.

2 марта 1951 года Этингер, не выдержав обрушившихся на него испытаний, внезапно скончался в тюрьме от, как было записано в акте о смерти, «паралича сердца». Через несколько месяцев Рюмин, одержимый амбициозными планами, направил письмо Сталину, в котором обвинил своего шефа Абакумова в том, что тот якобы сознательно утаивал от правительства террористические намерения «еврейского националиста» Этингера. По утверждению Рюмина, Абакумов, узнав от Этингера, что тот, будучи профессором-консультантом Лечебно-санитарного управления Кремля, применял вредительские методы в лечении советского руководства и деятелей международного коммунистического движения, запретил его допрашивать как участника заговора по умерщвлению секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакова и распорядился перевести подследственного в Лефортовскую тюрьму, а там его быстро довели до смерти. И таким образом, заключал Рюмин, Абакумов и его подручные «*заглушили дело террориста Этингера, нанеся серьезный ущерб интересам государства*».

Донос на высочайшее имя возымел действие. И Абакумов вместе со своими ставленниками оказался за решеткой. А в принятом 11 июля 1952 года секретном постановлении ЦК ВКП(б) «О неблагополучном положении в МГБ СССР» руководству органов во главе с новым министром С. Д. Игнатьевым давалась директива «*вскрыть существующую среди врачей группу, проводящую вредительскую работу против руководителей партии и правительства*».

Именно с этого момента стали обозначаться контуры мистификации, о которой вскоре весь мир узнал как о глобальном заговоре западных спецслужб, стремившихся посредством врачебного террора вывести из строя советских лидеров.

Но для начала требовались хоть какие-нибудь доказательства злонамеренных происков кремлевских врачей против высокопоставленных пациентов. Нужные показания Рюмин стал добывать всеми правдами и неправдами.

По его настоянию 16 июля 1951 года арестовали врача С. Е. Карпай. Будучи заведующей кабинетом функциональной диагностики кремлевской больницы, именно она в 1944—1945 годах контролировала состояние здоровья Щербакова. Несмотря на оказанное давление, она отрицала применение каких-либо вредительских методов лечения. Тогда Рюмин попытался уличить Карпай в причастности к смерти всесоюзного старосты М. И. Калинина. Но и этот ход не удался.

Правда, Карпай показала, что, когда в июне 1942 года она предложила провести тщательное обследование Калинина (тот жаловался на боли в кишечнике), профессор В. Н. Виноградов, в то время главный терапевт Лечебно-санитарного управления Кремля, ограничился назначением диеты и медикаментозного лечения. Это-то и нужно было Рюмину. Виноградов был самым авторитетным и маститым среди «придворных врачей» и лечил не только всех членов Политбюро, но и самого Сталина.

В начале 1952 года Виноградов попал в опалу. Тогда он в последний раз осмотрел Сталина и, обнаружив у него резкое ухудшение состояния здоровья (тот страдал быстро прогрессировавшим мозговым атеросклерозом), рекомендовал ему отказаться от активной политической деятельности и уйти на покой. Естественно, что медицинский вердикт был воспринят как замаскированная попытка враждебных сил лишить Сталина верховной власти. Поэтому он не только отдалил от себя старого профессора, но и решил отказаться от услуг всех других врачей.

В январе 1952 года Сталин угрожал Игнатьеву, что если тот «*не вскроет террористов, американских агентов среди врачей, то он будет там, где Абакумов*». «*Я не проситель у МГБ*, — неистовствовал кремлевский хозяин. — *Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования... Мы вас разгоним, как баранов*».

15 февраля 1952 года Сталин дал санкцию на арест врача Р. И. Рыжикова, работавшего заместителем директора по медицинской части правительственного са-

Статья написана на основе архивных материалов Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории и Архива федеральной службы контрразведки РФ.

ных планов. Потом по ходу допросов Виноградова и других арестованных врачей эта заданная следствием посылка стала обрастать причудливым симбиозом сфабрикованных и тщательно подтасованных реальных фактов. На основании полученных «доказательств» утверждалось, что Виноградова еще в конце 1936 года завербовал «английский шпион» М. Б. Коган, который в качестве профессора-консультанта работал в Лечебно-санитарном управлении Кремля с 1934 года.

Выяснилось, что этот «давнишний агент Интеллидженс сервис» в 1917 году состоял в Еврейской социалистической рабочей партии, хорошо был знаком с С. Михоэлсом и другими руководителями Еврейского антифашистского комитета.

После нескольких допросов «с пристрастием» Виноградов показал, что Коган вплоть до своей смерти от рака в ноябре 1951 года требовал от него сведений о состоянии здоровья и положении дел в семье Сталина и других руководителей страны, которых он лечил.

Помимо Виноградова к агентуре английской разведки следствием были отнесены и другие профессора, в том числе Егоров, Василенко, Бусалов и В. Ф. Зеленин. Последний, будучи арестован 25 января 1953 года, кроме того, показал, что с 1925 года вплоть до начала войны верой и правдой служил германской разведке. При этом шпионские задания он непосредственно получал от «еврейского националиста» профессора Вовси.

Когда абсурдное обвинение в шпионаже в пользу гитлеровской Германии следователь предъявил непосредственно Вовси («*предводителю сионистов, окопавшихся в советской медицине*»), тот с горечью заметил: «*Вы сделали меня агентом двух разведок, не приписывайте хотя бы германскую — мой отец и семья брата в войну были замучены фашистами в Двинске*». «*Не спекулируйте кровью своих близких*», — последовал циничный ответ.

Поскольку Вовси являлся двоюродным братом артиста Михоэлса, ему заодно приписали и послевоенное сотрудничество с американской разведкой. Сразу же после ареста (в ночь на 11 ноября 1952 года) от бывшего главного терапевта Красной Армии стали требовать показаний о том, кто и каким образом передавал ему директивы от «*заокеанских хозяев*». В ход было пущено все: изматывающие многочасовые допросы, наручники, угрозы, в том числе и такие: «*Мы тебя четвертуем, повесим, посадим на осиновый кол*».

По воле следователей в ближайшие сообщники к Вовси попали профессора-терапевты Б. Б. Коган (брат М. Б. Когана) и Темкин. Они показали, что еще в 1946 году создали преступную группу: собравшись тогда на квартире у Вовси, они признали необходимым солидаризироваться с американским и мировым еврейством и обсудили возможность использовать свою службу в кремлевской больнице в террористических целях. Правда, на первых порах в целях конспирации было решено действовать осторожно и осмотрительно, нанося вред главным образом путем намеренно ошибочного диагностирования заболеваний и неправильного лечения.

Законы детективного жанра требовали от сочинителей с Лубянки все более крупных разоблачений и бередящих воображение фактов. И уже вскоре на ближнюю дачу главного вдохновителя будущего процесса направляются протоколы допросов, в которых Вовси и М. Б. Коган утверждают, что в июле 1952 года, уже будучи изгнанными из кремлевской больницы, они договорились направить свои усилия на умерщвление Сталина, Берии и Маленкова, которого считали главным вдохновителем антисемитского курса. Основным исполнителем этого дьявольского плана назывался Виноградов, продолжавший работать в Лечсанупре Кремля. Однако коварному замыслу врачей-террористов не суждено было сбыться. По версии следствия, это произошло главным образом потому, что в августе Вовси уехал в отпуск, а когда он возвратился в Москву, то узнал, что уехал отдыхать и Виноградов (а потом его арестовали). После такой неудачи злоумышленники стали разрабатывать операцию по вооруженному нападению в районе Арбата на правительственные автомашины. Но и тут бдительные «органы» оказались на высоте и в самый критический момент арестовали преступников.

Верил ли во все эти бредни сам Сталин? Трудно сказать. Однако не вызывает сомнений то, что он все меньше доверял своему ближайшему окружению. Когда же наряду с вышеизложенными материалами ему представили и показания Тимашук, сетовавшей на безразличное отношение генерал-лейтенанта Н. С. Власика в 1948 году к ее сигналам о лечении А. А. Жданова, диктатор не на шутку испугался (он, конечно, забыл, что четыре года назад уже читал письмо Тимашук). Сталин негодовал: тот, кому он так безгранично доверял, кто более двадцати лет прослужил в его личной охране, теперь в результате беспробудных пьянок и разврата утратил прежний нюх на врагов и встал на путь измены.

Сталин приказал А. Н. Поскребышеву расследовать роль Власика в связи с письмом Тимашук, а для начала хотя бы разыскать оное в архиве. ...Когда Поскребышев наконец нашел в одной из архивных папок письмо Тимашук и показал его Сталину, тот испытал некоторое замешательство, обнаружив на нем собственноручную резолюцию: «В архив». Однако приказал своему помощнику держать язык за зубами.

Как это неоднократно случалось в прошлом, кремлевский интриган вознамерился и на сей раз свалить всю ответственность на очередного козла отпущения и при этом извлечь, подтасовав факты, максимальную выгоду из сложившейся ситуации.

Собрав 1 декабря 1952 года членов Бюро Президиума ЦК, Сталин заявил, что в 1948 году Абакумовым и Власиком был скрыт от него лично и от руководства страны важный документ, разоблачавший заговор по умерщвлению Жданова. А 4 декабря было принято постановление ЦК КПСС, нацеленное на искоренение «вредительства в лечебном деле». Как и следовало ожидать, основная вина в нем возлагалась на утративших бдительность Абакумова и Власика. Постановление также предусматривало последующее снятие Смирнова с поста министра здравоохранения СССР за то, что он якобы потворствовал своим преступным коллегам и сросся с ними на почве пьянства. Позже вместо него назначили А. Ф. Третьякова.

15 декабря арестовали Власика.

Чтобы покрепче повязать аппарат ЦК узами общей ответственности за последствия авантюристического курса, Сталин не пожалел даже своего любимого

детища — МГБ, уготовив ему роль «мальчика для битья». И не случайно 4 декабря 1952 года наряду с постановлением «О вредительстве в лечебном деле» ЦК принял постановление «О положении в МГБ», в котором указывалось на необходимость «*решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов Министерства государственной безопасности и поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии*».

Сталин тем самым возвел «дело врачей» в масштаб крупной политической акции и начал подготовку к вовлечению в нее всего населения страны.

9 января 1953 года состоялось заседание Бюро Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждался проект сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей». Примечательно, что сам Сталин неожиданно уклонился от участия в этом заседании. Хотя ранее, собрав в Кремле своих соратников, зачитал им письмо Тимашук, которое она отправила в Кремль в 1948 году.

Одновременно развернулась энергичная подготовка крупномасштабной пропагандистской кампании, нацеленной на обработку общественного мнения, в связи с намечавшимся на ближайшее время судом по «делу врачей». Ведущую роль в проведении этой акции играли М. А. Суслов, зав. отделом ЦК Д. И. Чесноков и Н. А. Михайлов, назначенный на XIX съезде партии секретарем ЦК и заведующим Агитпропом.

В течение нескольких дней имя скромного врача кремлевской больницы Тимашук стало известно всей стране. Это произошло после того, как 20 января 1953 года ее вызвали в Кремль и Маленков лично сообщил ей о сталинской благодарности за проявленное «*большое мужество*», когда она, «*вступив в противоборство с видными профессорами, лечившими А. А. Жданова... отстаивала свое врачебное мнение в отношении больного*». На следующий день в газетах был помещен указ Президиума Верховного Совета СССР, гласивший: «*За помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц, наградить врача Тимашук Лидию Федосеевну орденом Ленина*».

Под такой пропагандистский аккомпанемент МГБ с середины января — начала февраля 1953 года значительно активизировало «оперативно-следственные мероприятия» по «делу врачей». По Москве прокатилась новая волна арестов. В итоге общее количество арестованных по «делу врачей» составило 37 человек. Из них 28 являлись собственно врачами, а остальные — членами их семей.

Итак, по «делу врачей» было арестовано 37 человек. Это Егоров, Виноградов, Василенко, Коган, Гринштейн, Федоров, Зеленин, Бусалов, Б. С. Преображенский, Н. А. Попова, Майоров, Карпай, Рыжиков, Темкин, М. И. Егоров, Б. А. Егоров, Г. А. Каджардузов, Т. С. Жарковская, Вовси, Шерешевский, В. Е. Незлин, С. Е. Незлин, Я. Л. Рапопорт, Э. М. Гельштейн, Г. Х. Быховская (жена Э. М. Гельштейна), Р. А. Засосов, В. В. Закусов, Фельдман.

И хотя среди «кремлевских врачей» большинство составляли русские, по ходу следствия это дело приобретало все более отчетливый антисемитский характер. Так, в феврале 1953 года профессор Вовси обвинялся уже не только во вредительском лечении советского руководства и террористической деятельности, но и в руководстве сетью групп еврейских буржуазных националистов, якобы существовавших в ряде столичных медицинских учреждений.

...В ночь на 1 марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг. Диктатор агонизировал.

6 марта ТАСС сообщил, что 5 марта в 21 час 50 минут перестало биться сердце гениального продолжателя дела Ленина.

Начиная со второй половины марта новый министр внутренних дел Берия организовал всестороннюю проверку следствия по «делу врачей», причем с самого начала не скрывал, что уверен в его фальсификации и незаконности. Это было нужно ему скорее всего для того, чтобы с помощью показного либерализма укрепить свою популярность в народе, и прежде всего в среде интеллигенции. Берия надеялся на повторение того же положительного для него эффекта в общественном мнении, который имел место в конце 1938 года, когда он сменил на посту наркома внутренних дел патологически жестокого Ежова. К тому же, вскрыв беззакония, творившиеся в МГБ, Берия стремился дискредитировать его старое руководство.

Арестованным врачам было предложено подробно изложить на бумаге свои претензии к следствию, проводившемуся по их делам. В результате все они, ссылаясь на применение к ним физического насилия, отказались от своих прежних показаний, в которых обвиняли себя и своих коллег в тяжких преступлениях.

31 марта 1953 года Берия утвердил постановление о прекращении уголовного преследования и освобождении из-под стражи подследственных, арестованных по «делу кремлевских врачей». А 3 апреля по инициативе нового министра внутренних дел Президиумом ЦК КПСС было принято постановление о полной реабилитации и освобождении медиков и членов их семей, арестованных по «делу врачей».

Так сорок лет назад закончилась последняя преступная акция Сталина. Но до сих пор нет еще полной ясности, с какой целью он ее предпринял.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОТСТАВКАХ И. СТАЛИНА

Открытие архивов для исследователей дает возможность публиковать в печати много исторических документов, что является безусловно положительным знамением нашего времени. Однако торопливость и нетребовательность к археографической обработке документа при подготовке его к печати приводит к досадным недоразумениям и снижает историческую ценность публикации.

В журнале «Родина» (№ 1, 1994) доктор исторических наук Г. Чернявский опубликовал отрывок из стенограммы пленума ЦК ВКП(б) 19 декабря 1927 года.

Для публикации была взята, повидимому, первоначальная стенограмма с авторской правкой А. И. Рыкова, хотя для этого нужно было использовать типографский экземпляр стенографического отчета пленума ЦК и сравнить его с правленым экземпляром стенограммы, оговорив разночтения в подстрочных примечаниях.

Утверждать, что «Сталин свою речь тщательно готовил», так как «в тексте его речи в стенограмме нет ни одного исправления», нельзя, поскольку не было проведено сравнения правленой стенограммы со стенографическим отчетом. И тем не менее разночтения имеются. (см. табл.)

В публикуемом отрывке стенограммы есть и другие разночтения со стенографическим отчетом пленума.

Не следует, на мой взгляд, давать подробные биографические сведения на известных лиц, а указывать только их должности на тот период, о котором в документе идет речь.

65

В Пленум ЦК (т. Рыкову)

Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту.

И. Сталин

27/XII — 26.

В опубликованной «Родиной» стенограмме с. 68: «А между тем у **вас** имеется указание т. Ленина...»	В стенографическом отчете с. 3: «А между тем **у нас** имеется указание тов. Ленина...»
там же: «Я допускаю, что партия была... вынуждена к этому известными условиями...»	там же: «Я допускаю, что партия была... вынуждена к этому **благодаря** известным условиям...»
там же: «Рыков... голосуется предложение Сталина об освобождении его от генерального секретарства».	В стенографическом отчете данная фраза отсутствует.
там же: «Сталин... В истории нашей партии были времена, когда у нас такого **поста** не было».	там же: «Сталин... В истории нашей партии были времена, когда у нас такого **института** не было».
там же: «Ворошилов. Был Ленин тогда у нас».	там же: «Ворошилов. Тогда у нас был Ленин».
там же: «Сталин. Я думаю партия выиграла бы, упразднив **пост** Генсека... Это тем легче сделать, что в уставе партии не предусмотрен **пост** Генсека».	там же: «Сталин. Я думаю партия выиграла бы упразднив **институт** Генсека... Это тем легче сделать, что в уставе партии не предусмотрен **институт** Генсека».

Неверно указан год смерти В. В. Шмидта, бывшего в 1928—1930 годах заместителем председателя СНК и СТО СССР. Военной коллегией Верховного суда СССР он был приговорен к 10 годам лишения свободы, а 29 июля 1938 г. — к расстрелу и в тот же день расстрелян[1].

Неверно, что воздержавшимся при голосовании был Сталин, как это указано в 5-м примечании: в протоколе № 1 заседания пленума ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1927 года читаем: «в) Просьбу т. Сталина об освобождении его от обязанностей Генерального секретаря — отклонить. (Принято всеми против одного (т. Сталин) и при одном воздержавшемся)».

6-е примечание, на мой взгляд, следовало бы изложить так: «3 апреля 1922 года Пленум ЦК РКП(б), в работе которого участвовал В. И. Ленин, принял постановление: «Установить должность генерального секретаря и двух секретарей. Генеральным секретарем назначить т. Сталина, секретарями тт. Молотова и Куйбышева».

В предисловии к публикации не раскрыты причины заявления Сталина об отставке и его предложения о ликвидации института Генерального секретаря.

22 июля 1926 года в своем выступлении на заседании Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) по поводу только что вновь оглашенного письма Ленина делегатам XIII съезда Сталин заявил:

«Позвольте сделать несколько замечаний по поводу прочитанного письма. Какие выводы проистекают из этого письма? Вывод первый — «обдумать» вопрос о перемещении Сталина с поста генсекретаря и заменить другим, с такими же качествами и проч., но без грубости. Делегации XIII съезда этот вопрос обсуждали и я не считаю нескромностью, если сообщу, что все делегации **без исключения** высказались за обязательное оставление Сталина на посту генсекретаря. У меня имеются здесь эти резолюции, я могу их прочесть, если желаете.

ГОЛОС. Не надо.

СТАЛИН. Несмотря на это, непосредственно после XIII съезда, на первом же Пленуме нашего ЦК, я подал в отставку. Несмотря на мою просьбу об отставке, Пленум решил, и мне припоминается, единогласно, что я должен остаться на посту генерального секретаря. Что же мне было делать после этого, товарищи. Я человек подневольный и я подчинился решению Пленума.

Второй вывод: так как я остаюсь по воле партии на посту ген. секретаря, то я обязан был принять все меры к тому, чтобы ликвидировать свою грубость, исправиться.

ГОЛОС. И нелояльность.

СТАЛИН. И нелояльность...»[2]

Приведем текст письма Сталина, от19 августа 1924 года, адресованного пленуму ЦК РКП(б):

«*В ПЛЕНУМ ЦК РКП

Полутороговая совместная работа в Политбюро с тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом, и смерти Ленина, сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренной совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген. секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро) ЦК.

Прошу дать отпуск для лечения месяца на два.

По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-либо за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела дать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма.

Т-ща Куйбышева просил бы раздать членам ЦК копию этого письма.

С ком. прив. И. Сталин

19.VIII.24 г.

* т. Куйбышев! Я обращаюсь к Вам с этим письмом, а не к секретарям ЦК, потому, что, во-первых, в этом, так сказать, конфликтном деле я не мог обойти ЦКК, во-вторых, секретари не знакомы с обстоятельствами дела, и не хотел я их зря тревожить»[3].

Второе краткое заявление об отставке было написано Сталиным 27 декабря 1926 г. и передано председательствующему на пленуме А. И. Рыкову:

«В ПЛЕНУМ ЦК (т. Рыкову)

Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту.

И. СТАЛИН

27.XII.26 г.»[4]

В третий раз Сталин попросился в отставку на пленуме 19 декабря 1927 года, стенограмму которого опубликовал журнал «Родина».

В итоге Сталин остался на своем посту, хотя само название института Генерального секретаря исчезло в 1934 году после XVII съезда партии. Официально этот институт Генерального секретаря не упразднялся, однако впоследствии постановлений об избрании или утверждении Генерального секретаря на пленуме уже не принималось. Утверждался только состав исполнительных органов Центрального Комитета ВКП(б) (Политбюро, Оргбюро, Секретариата), в которые Сталин неизменно входил; при этом его фамилия указывалась первой. В дальнейшем в официальных документах Сталин не подписывался и не именовался Генеральным секретарем.

Юрий Мурин,
специалист-эксперт

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Справочник Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС. М., 1990. С. 260; Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 133.
2. Стенографический отчет Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). 14—23 июля 1926 г. С. 66.
3. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 126. Л. 68—69.
4. Там же. Д. 131. Л. 64—65.

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

Глава VIII
ПУТЬ К КОРОНЕ

Дворцовый переворот в пользу Елизаветы Петровны отличали от предыдущих как минимум четыре особенности. Едва ли не главная из них состояла в том, что к захвату власти готовились заранее и в глубокой тайне. Переворот осуществлялся в форме заговора военных, возглавляемого самой Елизаветой. Если раньше перевороты походили на импровизацию, во время которой исполнители действовали от имени претендента на престол, то теперь сама претендентка двинулась во главе заговорщиков в рискованный поход за короной.

*И. Никитин.
Портрет цесаревны
Елизаветы Петровны
(1720-е годы).*

Особенность вторая — социальный состав участников. Как и прежде, главным действующим лицом были гвардейцы. Но как разительно отличалась гвардия времен Петра Великого от той, которая была в эпоху, когда престол заняла его дочь! При Петре в гвардейских полках служили преимущественно дворяне; теперь же усилиями Бирона и Миниха, стремившихся максимально обезопасить себя от дворянских притязаний на трон, в гвардии заметно вырос удельный вес крестьян и горожан. Анализ состава заговорщиков в пользу Елизаветы подтверждается словами современника о том, что они «все люди простые, мало способные сохранять столь важную тайну». По подсчетам Е. В. Анисимова, из 308 гвардейцев, причастных к воцарению Елизаветы, дворянами являлись только 54 человека, или 17,5%; остальные — выходцы из крестьян, горожан, разночинцев и пр. Из этого, разумеется, не следует, что дочь Петра, возведенная на престол усилиями преимущественно крестьян, стала крестьянской императрицей. Это явление наглядно показывает решающее влияние на перевороты военной организации, а не социального фактора: офицерский корпус был по преимуществу дворянским, остальная же масса всего лишь проявляла повиновение, обусловленное воинской дисциплиной.

Третья отличительная черта переворота состояла в его антинемецкой направленности. Время, когда у кормила власти находились Бирон, Остерман, Миних и Брауншвейгская фамилия, способствовало пробуждению национального самосознания. Имя Елизаветы Петровны становилось символом русского начала и восстановления величия России, частично утраченного после Петра Великого. Переворот положил конец немецкому засилью и вызвал ликование, выплеснувшееся далеко за пределы гвардейских казарм.

Четвертая особенность заговора заключалась в активном участии в нем иностранных государств, заинтересованных в смене ориентации внешней политики России. В свержении Брауншвейгской фамилии были прямо заинтересованы Швеция и Франция. Эти державы не только частично субсидировали переворот, но и пошли дальше: накануне событий Швеция объявила России войну.

Это обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует об отсутствии политической стабильности, о слабости правительства, позволившей европейским странам без большого риска для себя вторгаться в сферу, в которую подлинно суверенные государства не должны допускать никого. С другой стороны, это вмешательство следует рассматривать и как свидетельство возросшего влияния России на европейские дела, к которому, в отличие, скажем, от XVII века, чужеземные дворы не могли относиться равнодушно. Это означало, что основы превращения России в мировую державу, заложенные при Петре Великом, стали давать реальные результаты. Теперь перейдем к изложению конкретного хода событий.

В свое время мы уже отмечали, что в молодости Елизавета Петровна была равнодушна к власти и не претендовала на корону после смерти своей матушки, а затем племянника и не составила конкуренции герцогине Курляндской при восшествии ее на престол. В царствование Анны Иоанновны, хотя Елизавета по-прежнему не проявляла никаких признаков честолюбия, ее положение изменилось в худшую сторону: дочь Петра, как и его внук Петр Федорович (сын Анны Петровны и герцога Голштинского), располагала большими правами на трон, чем императрица, избранная Верховным тайным советом.

Однако будущий Петр III, «чёртушка», как называла его Анна Иоанновна, жил в далеком Киле и не представлял непосредственной угрозы для императрицы. Елизавета Петровна же находилась под боком, и Анна вынуждена была не спускать с нее глаз. Впрочем, утвердившись на троне, последняя убедилась, что ее двоюродная сестра не проявляет к короне никакого интереса.

Тем не менее близких отношений между ними не было — причина коренилась в несхожести женских характеров. Угрюмую и некрасивую Анну, конечно же, одолевало чувство зависти как к внешности Елизаветы, так и к ее умению непринужденно держаться на раутах и увеселениях. Елизавета, видимо, инстинктивно чувствовала эту неприязнь и старалась показываться при дворе как можно реже. Императрица демонстрировала свое превосходство высокомерным отношением к цесаревне и сокращением ассигнований на ее содержание — Елизавета постоянно испытывала нужду в деньгах, ибо обладала особым даром их проматывать.

Дочь Петра оставалась равнодушной к трону до тех пор, пока императрица не выдала замуж свою племянницу — герцогиню Мекленбургскую за принца Брауншвейгского Антона Ульриха. Цесаревна увидела в потомстве от этого брака претендентов, напрочь перекрывавших ей путь к трону. Ту же цель преследовало и намерение императрицы выдать Елизавету замуж за брата Антона Ульриха. Эти планы не только нарушали данный цесаревной обет безбрачия, но и понуждали ее к выезду за пределы России, что также лишало ее прав на престол.

...Началось с невинных подражаний великому родителю, в свое время не отказывавшему гвардейцам в просьбе стать крестным отцом их детишек. Общительная и обаятельная Елизавета Петровна продолжила эту традицию, да столь усердно, что в ее дворце постоянно толпились гвардейцы-кумовья, имевшие к ней свободный доступ. Когда французский посол де ла Шетарди явился поздравить цесаревну с Новым годом, он наблюдал удивительную картину. Если верить его донесению от 6(17) января 1741 года, «сени, лестница и передняя наполнены сплошь гвардейскими солдатами, фамильярно величавшими эту принцессу своей кумой». Популярности Елизаветы способствовало и то, что она приглашала офицеров отобедать вместе с нею в ее загородной резиденции, близ которой был расквартирован Ростовский полк.

И все же Елизавета Петровна не стала бы готовить переворот без настойчивых внушений извне. Советы подобного рода давал ее личный врач француз Лесток. Еще в 1730 году он предлагал ей домогаться трона, но услышан не был. Теперь же риск потерпеть поражение в схватке за трон был сведен к минимуму.

Подготовка к перевороту не относилась к непроницаемым тайнам. В заговоре участвовали десятки людей, а рядовые гвардейцы отличались болтливостью: вчерашние неграмотные мужики не имели понятия о конспирации и не подозревали, сколь жестокая кара ожидает их в случае провала заговора. Примечательно, что далеко не все организаторы переворота умели хранить тайну. К их числу принадлежал и Лесток, по отзыву Манштейна, «самый ветреный человек в мире и наименее способный что-либо сохранить в тайне». Он, где только можно, извещал петербуржцев об ожидаемых переменах на троне. К тому же хирург был отчаянным паникером. «При малейшем шуме на улице, — свидетельствовал де ла Шетарди, — он кидался к окну и считал себя уже погибшим» (Пекарский П. Маркиз де ла Шетарди в России 1740—1742 годов. СПб., 1862. С. 253).

Но и в этих условиях Анна Леопольдовна не оценила надвигающейся опасности. Кто только не предупреждал ее об угрозе быть свергнутой! Ее фаворит Линар считал необходимым отправить Елизавету в монастырскую келью. Возлюбленная не согласилась. Тогда Линар предложил выслать из России французского посла. Однако правительница побоялась испортить отношения с Францией, и де ла Шетарди остался в Петербурге.

Граф Остерман со второй половины тридцатых годов был прикован к постели подагрой. Острое предчувствие беды заставило Андрея Ивановича решиться на отчаянный поступок: он велел одеть себя и отнести в покои правительницы, чтобы убедить ее принять меры против заговорщиков. Анна Леопольдовна не вняла советам и вместо серьезного разговора принялась показывать Остерману новые наряды для младенца Иоанна Антоновича.

Еще один сигнал бедствия исходил от графа Левенвольде, отправившего Анне Леопольдовне тревожную записку. Прочтя ее, правительница изрекла: «Спросите графа Левенвольде, не сошел ли он с ума?» На следующий день при встрече с ним она сказала: «Все это пустые сплетни, мне самой лучше, чем кому-нибудь другому, известно, что царевны нам бояться нечего». На Анну Леопольдовну не подействовали даже пророческие слова австрийского посла Ботта: «Вы находитесь на краю бездны; ради Бога спасите себя, императора и вашего супруга». Кстати, даже супруг, человек недалекий, рекомендовал правительнице арестовать Лестока (вероятно, по внушению Остермана). Наконец, Анне Леопольдовне было известно содержание манифеста шведского генерала Левенгаупта, объявившего подданным Брауншвейгской фамилии, что Швеция объявила войну России ради освобождения ее от немцев.

Поведение правительницы объяснить трудно. Ясно одно: Анна Леопольдовна была уверена, что расположила к себе Елизавету Петровну дорогими подарками ко дню ее рождения и распоряжением выдать ей 40 тысяч рублей для погашения долгов. За сутки до переворота, 23 ноября 1741 года, Анна Леопольдовна затеяла разговор с цесаревной, оставивший у собеседниц противоречивые чувства. Во время куртага правительница встала из-за карточного стола и пригласила Елизавету Петровну в другую комнату, чтобы сообщить ей о готовящемся перевороте и поступившем к ней совете арестовать Лестока.

На удивление, цесаревна во время разговора проя-

Продолжение. Начало см. в № 10—12, 1993; № 1—2, 5—6, 1994.

вила и выдержку, и незаурядное актерское мастерство. На упреки Анны Леопольдовны она смиренно ответила, «что никогда не имела в мыслях предпринять что-либо против нее или против ее сына», и заверила, что верна присяге, а вопрос арестовать Лестока или нет — во власти самой правительницы. По одним сведениям, собеседницы настолько расчувствовались, что пролили слезы умиления; по другим — они возвратились в зал в состоянии крайнего расстройства и возбуждения. Как бы там ни было, но одна из них убедилась в отсутствии козней против императора — ее грудного ребенка (и ее самой); другой же стало ясно, что с переворотом медлить не следует: правительница в любой момент может опомниться и принять ответные меры — и тогда уж Елизавете Петровне несдобровать.

Анна Леопольдовна допустила целую серию грубейших ошибок. Но и ее собеседница проявила себя отнюдь не с лучшей стороны. Как всякая нерешительная натура, она откладывала активные действия «на потом», в частности на 6 января 1742 года, когда на невском льду должны были быть построены полки столичного гарнизона, в том числе гвардейские, и уж тогда она обратится к ним с призывом поддержать ее законные права на престол.

Этот план был негоден уже потому, что исходил из ошибочной посылки, что все откликнутся дружно и цесаревна превратится в императрицу в мгновение ока. Возможность сопротивления хотя бы части войск при этом исключалась.

Беседа с правительницей подвигла Елизавету Петровну к решительным действиям (не стоит исключать и открывшуюся возможность ареста Лестока — тогда раскрытие заговора стало бы более чем реальным). К этому шагу при каждой встрече решительно склонял цесаревну и де ла Шетарди.

Маркиз тонко подметил душевное состояние Елизаветы в месяцы, когда надлежало преодолеть колебания и принять решение. В депеше от 21 апреля 1741 года он писал: «Есть минуты, когда, помня только о своем происхождении, она думает, что у нее есть мужество, но вскоре ей приходит в голову, что она ничем не защищена от катастрофы, и мысль видеть себя схваченную и удаленную в монастырь на всю оставшуюся жизнь погружает ее в состояние слабости».

Решимости Елизаветы способствовали еще два обстоятельства. 24 ноября 1741 года, на следующий день после беседы с правительницей, ей стало известно, что Преображенский полк, опору заговорщиков, велено отправить на театр военных действий против Швеции. Во-вторых, цесаревна узнала, что Анна Леопольдовна намеревалась объявить себя императрицей. Свергать императрицу во много крат сложнее, чем правительницу, — в этом случае нарушалась присяга в верности не безгласному ребенку, лежавшему в колыбели, а полноценной обладательнице императорской короны.

Елизавете Петровне прибавило решительности и воспоминание о двух рисунках: на одном из них Лесток, хорошо знавший свою пациентку, изобразил ее с императорской короной на голове; на обороте этого листа цесаревна была нарисована в монастырском одеянии, в келье, а возле нее размещались инструменты для пыток, колесо для казни и виселица. Цесаревне врезались в память слова доктора, прокомментировавшего рисунки: «Ваше императорское величество должны избрать: быть ли Вам императрицей или отправиться на заточение в монастырь и видеть, как Ваши слуги погибают в казнях» (Манштейн. Записки о России. СПб., 1875. С. 232).

Не приходилось сомневаться, что жизнерадостная Елизавета Петровна предпочтет монастырской келье императорскую корону. В ночь на 25 ноября цесаревна села в сани и в сопровождении Лестока и Воронцова отправилась добывать императорский трон в казармы Преображенского полка. Обращаясь к поджидавшим ее гренадерам, она спросила:

— Вы знаете, кто я, хотите следовать за мной, готовы ли вы умереть со мной, если понадобится?

Далее следовала взаимная клятва:

— Я клянусь этим крестом умереть за вас; клянитесь и вы сделать то же самое для меня (Де ла Шетарди — Людовику XV. 25—26.XII.1741).

После этого гренадеры, которых первоначально насчитывалось человек тридцать, во главе с Елизаветой отправились в Зимний дворец. По мере приближения к цели толпа стала расти, подобно снежному кому, и достигла 300 человек.

Дворцовый караул в ответ на вопрос: «Хотите ли вы следовать за дочерью Петра I?» — присоединился к заговорщикам. Затем гренадеры бесшумно вошли в покои, где безмятежно спали правительница и ее супруг принц Брауншвейгский, грудной младенец император и фрейлина Менгден. Одновременно были приняты меры для ареста фельдмаршала Миниха с сыном, кабинет-министра графа Остермана и президента Коммерц-коллегии Менгдена (отца фрейлины). Все обошлось без шума и сопротивления. Лишь Остерману довелось отведать гвардейских кулаков, но он подставился сам, произнеся какие-то неодобрительные слова в адрес Елизаветы. Побили и фельдмаршала, но по другой причине — в армии его не любили.

О случившемся известили вельмож. Один из них — сенатор Яков Петрович Шаховской поведал в своих записках о том, как его, только что погрузившегося в глубокий сон, громким стуком в ставню разбудил сенатский экзекутор и предложил немедленно отправиться во дворец цесаревны. Далее следует бесхитростный рассказ сенатора о том, как он вскочил с постели и попытался выяснить у экзекутора, по какому поводу его срочно вызывают. Но того и след простыл. В «смятении духа» сенатор направился во дворец, по дороге размышляя, не спятил ли с ума экзекутор. Увидев толпы людей, двигавшихся в ту же сторону, что и он, Шаховской решил, что произошло нечто чрезвычайное. Появившись во дворце, он тщетно пытался выяснить причину своего вызова: никто ничего не знал. Рассказ Шаховского еще раз подчеркивает важнейшую роль гвардии в перевороте — первые чины империи и понятия не имели о событиях в Зимнем дворце, даже не догадывались о них.

Утром 25 ноября полки столичного гарнизона, построенные перед Зимним дворцом, присягали новой императрице — Елизавете Петровне. Со времени смерти Анны Иоанновны прошло чуть больше года, но это была уже третья перемена на троне и третья присяга.

В тот же день в наспех составленном Манифесте была дана краткая и далекая от истины интерпретация происшедшего. Население убеждали, что якобы «все наши как духовного, так и светского чинов верные подданные, а особливо лейб-гвардии нашей полки всеподданнейше и единогласно нас просили... отеческий наш престол всемилостивейше воспринять соизволить». Второй Манифест с более обстоятельной мотивировкой прав Елизаветы на трон обнародовали 28 ноября. В нем было сказано, что после смерти Петра II единственной законной наследницей являлась Елизавета Петровна, но Остерман скрыл Тестамент ее матери Екатерины Алексеевны. Тот же Остерман сочинил духовную, подписанную смертельно больной Анной Иоанновной, противозаконно завещавшей трон Брауншвейгской фамилии.

Начались пожалования активным участникам переворота, а также следствие и суд над противниками Елизаветы. Императрица выказала расположение прежде всего к гренадерам Преображенского полка. Еще 25 ноября они просили ее: «Ты, матушка, видела, как усердно мы сослужили тебе свою службу; за это просим одной награды — объяви себя капитаном нашей роты и пусть мы первые присягнем тебе».

Елизавета согласилась, но этим ее милости не ограничились. Под Новый, 1742 год трем гвардейским, а также Конному и Ингерманландскому полкам было велено выдать значительные суммы для раздачи офицерам и солдатам. Гренадерская рота получила новое наименование — лейб-компания. Лейб-компанцев недворян императрица возвела в дворянское достоинство и пожаловала каждому из 258 рядовых по 29 душ крестьян. В сентябре 1742 года был учрежден герб лейб-компании с надписью «За верность и ревность».

Каравак Луи.
Портрет цесаревны Елизаветы Петровны ребенком.

Милостями были одарены и лица, игравшие ключевые роли в перевороте. Лесток стал директором Медицинской коллегии с годовым жалованьем в семь тысяч рублей и получил усыпанный бриллиантами портрет императрицы. Воронцова, братьев Шуваловых и Балка, занимавших при дворе цесаревны должности камер-юнкеров, Елизавета возвела в камергеры. Фаворита Алексея Григорьевича Разумовского императрица пожаловала чином действительного камергера, а 5 февраля 1742 года вручила ему орден св. Анны.

Из ссылки и заключения были возвращены Василий и Михаил Владимировичи Долгорукие, а также осужденные по делу Волынского Федор Соймонов и Платон Мусин-Пушкин. Детям Волынского вернули конфискованные имения их отца.

74-летний В. В. Долгорукий (1667—1746) за десять лет пребывания в Нарвской тюрьме изрядно одряхлел. Тем не менее Елизавета назначила его президентом Военной коллегии и вернула ему княжеское достоинство, чин фельдмаршала и ордена.

Специальная комиссия вела следствие над взятыми под стражу государственными преступниками: Остерманом, Минихом, Левенвольде, Менгденом и другими. Императрица проявляла живейший интерес к следствию — оно заседало в одном из дворцовых покоев, так что Елизавета могла, сидя за перегородкой, все видеть и слышать и даже в случае нужды давать тайные приказания секретарю комиссии.

Самой значительной личностью среди подследственных был Андрей Иванович Остерман. На этот раз ему не удалось выйти сухим из воды. 17 января 1742 года жителей новой столицы барабанным боем оповестили об ожидавшейся на следующий день экзекуции над осужденными. Утром 18 января Остермана повезли из Петропавловской крепости к эшафоту на Васильевском острове в санях, запряженных одной лошадью. Остальные подсудимые следовали пешком.

Четыре солдата подняли Остермана и внесли на эшафот, где ему был зачитан приговор. При сопоставлении «вин» Остермана, изложенных в приговоре, с обвинениями против него, перечисленными в Манифесте 28 ноября, создается впечатление, что следствие никаких новых доказательств не обнаружило: решения комиссии были изначально запрограммированы. Такова была судебная практика не только XX, но и XVIII века.

По свидетельству английского посланника Финча, Остерман выслушал приговор спокойно и с непокрытой головой. После его прочтения палач положил голову преступника на одну из плах, расстегнул камзол и старую ночную рубашку... Но вместо отсечения головы был зачитан указ императрицы о замене смертной казни ссылкой. Солдаты вновь уложили графа на носилки. Он проявил удивительное спокойствие, произнеся единственную фразу:

— Пожалуйста, отдайте мне мой парик и шапку.

Получив то и другое, он с невозмутимым видом застегнул камзол и рубашку.

По-иному вел себя Миних — человек позы, он любил бравировать отвагой, рисоваться. В отличие от Остермана, отрастившего бороду, он выглядел опрятно одетым и тщательно выбритым, «держался с видом прямым, неустрашимым, бодрым, будто бы во главе армии или на параде». В разговоре с солдатами-стражниками он напомнил им, что «они видели его храбрым перед неприятелем. Таким же будут видеть его и до конца». Ему тоже вместо четвертования была объявлена ссылка.

Заметим, что во время следствия фельдмаршал вел себя отнюдь не так «бодро, неустрашимо». Рыцарских качеств он не проявил. Там, где можно было уклониться от признания вины, он немедленно отрицал обвинения в свой адрес. Признания следовали лишь после очных ставок, когда запирательство становилось бессмысленным. Приведем несколько примеров.

Общеизвестна активная роль Миниха в назначении Бирона регентом. Тем не менее фельдмаршал, зная, что Бирона услали за тридевять земель, в Пелым, настойчиво твердил, что «у него с ним, с регентом, умысла и тайного согласия в противность государственной пользы не было, и он к нему прямо конфиденции не имел» (Исторические документы 1742 года//Русский архив. 1864. Кн. V. Стлб. 507).

Отрицал Миних и обвинение в том, что он, явившись во дворец, чтобы взять Бирона под стражу, объявил караулу, что действует ради вручения короны Елизавете Петровне. Поначалу он показал: «Об имени ее императорского высочества императрицы Елизаветы Петровны и о герцоге Голштинском ничего он тогда не упоминал». После очных ставок под напором показаний очевидцев он признал, что «такие слова, как они показывают, о государыне императрице Елизавете Петровне и принце Голштинском он тогда, как ныне упоминает, говорил». Как тогда было принято, Миних сослался на слабую память (Там же. Стлб. 508—509). Он признал, что по повелению Анны Иоанновны организовал слежку за цесаревной, но «за беспамятством» утаил, что одному из соглядатаев велел нанимать извозчиков, чтобы ездить вслед за ней.

Серьезные обвинения были предъявлены Миниху как полководцу, командовавшему русской армией в двух войнах: за польское наследство и русско-турецкой. Ему ставилось в вину, что он начинал сражения без консультаций с генералитетом, отчего войска несли тяжелые потери, размер которых он скрывал; что он продвигал по службе иностранцев в ущерб русским офицерам, часто применяя по отношению к последним штрафные санкции и наказания как к рядовым до полковника включительно. Миних признал, что без суда и следствия подвергал русских офицеров штрафам и истязаниям («признавается виновным и просит милостивого прощения»). Остальные обвинения Миних отрицал, причем делал это неуклюже, чем вызвал раздражение у всех, кто знакомился с его показаниями, в том числе и у Елизаветы.

Почему он не показал генералам составленной им диспозиции атаки Гагельберга (война за польское наследство)? Потому, что «уповал, что оная [диспозиция] была учинена порядочно». Почему скрыл подлинные потери при штурме этой крепости? Ответ: из-за «своей о том уроне печали».

Темной выглядит история с бегством польского короля Станислава Лещинского из Данцига. Миних хвастливо заявлял в донесении ко двору, что из города незамеченной не выйдет даже мышь. В действительности удалось бежать даже королю, переодевшемуся в крестьянское платье. Следствие подозревало фельдмаршала в причастности к побегу Лещинского: «Для чего ты из Данцига упустил, с кем в том имел согласие, каким порядком оное происходило и что ты себе за то получил?» Миних, разумеется, отпирался, но свидетель показал, что сторонники короля Станислава тайно навещали фельдмаршала.

Малодушно вел себя Левенвольде — недалекий, но надменный красавец, фаворит Екатерины I, а затем любовник Натальи Лопухиной. Князь Шаховской, отправлявший заключенных в ссылку, войдя в казарму, где находился Левенвольде, обнаружил опустившегося, взлохмаченного, неряшливо одетого арестанта, «обнимавшего мои колени весьма в робком виде».

Чтение приговора принуждает напомнить еще одну немаловажную деталь: позиция судей, сочинявших его, была обусловлена не только Манифестом 28 ноября, но и личным отношением императрицы к главным обвиняемым — Остерману и Миниху. Торжествуя победу, Елизавета, конечно же, не забыла о пакостях, ранее чинимых ей Андреем Ивановичем. Ему она както велела передать:

— Скажите графу Остерману: он мечтает, что всех может обманывать; но я знаю очень хорошо, что он старается меня унижать при каждом удобном случае; что по его совету приняты против меня меры, о которых великая княгиня (Анна Леопольдовна. — *Н. П.*) по доброте своей и не подумала бы; он забывает, кто я и кто он; забывает, чем он обязан моему отцу, который из писцов сделал его тем, что он теперь; но я никогда не забуду, что получила от Бога, на что имею право по моему происхождению. (Там же. Стлб. 119).

Недобрую память у цесаревны оставил и Миних. Будучи первым министром в правительстве Анны Леопольдовны, он велел организовать слежку за Елизаветой, обратив особое внимание на визиты к ней французского посла. Зная приверженность Миниха к авантюрам, можно допустить и возможность крутого поворота в его отношении к Елизавете. Носились слухи, что фельдмаршал, припав на колени, просил у нее повеления действовать, на что она якобы ответила:

— Ты ли тот, который корону дает кому хочет? Я оную и без тебя, ежели пожелаю, получить могу.

Примечательна дальнейшая судьба осужденных. Остерман, приложивший столько усилий к низложению Александра Даниловича Меншикова, сам оказался в Березове, где и окончил дни свои в 1747 году 61 года от роду. Миниха отправили в Пелымский острог, сооруженный по его чертежам для Бирона. Елизавета Петровна облегчила участь герцога, велев перевести его в Ярославль и освободив тем самым покои для Миниха. Фельдмаршал (1683—1767) прожил долгую жизнь и после 20-летней ссылки был помилован Екатериной II, поручившей ему управление Ладожским каналом. Остальных подсудимых тоже отправили в ссылку.

(Продолжение следует)

Наследие

ФОТО ВАЛЕРИЯ ГУНЬКОВА

Чужбина и внук Пушкина

Портрет создателя «Конармии»

Приключения актера

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЁВ,
доктор исторических наук

ЭРА ЧИНОВНИЧЬИХ МУНДИРОВ

Мундир Министерства иностранных дел (2-й разряд). 1834 г.

Наступление эры гражданских ведомственных мундиров стало очевидно, когда они были введены в основных министерствах: внутренних дел, полиции, юстиции, финансов... Закон 1802 года ввел министерства, а закон 1810 года уточнил их состав, распределение функций между ними и внутреннюю организацию. На протяжении XIX века насчитывалось всего около полутора десятков министерств.

Первым 27 марта 1808 года единый мундир для своих чиновников установило Министерство внутренних дел. Его шили из темно-зеленого сукна, с черными подкладками и бархатными воротником и обшлагами, с желтыми пуговицами, имеющими изображение государственного герба. Подчеркивалось, что мундир *«разделяется на 4 разряда»*, отличающихся объемом (количеством) золотого шитья. Министру и его товарищу полагалось *«двустороннее шитье вокруг всего воротника и обшлагов и на карманах с широким бортом»*. На мундирах 2-го разряда полагалось *«одностороннее шитье ...с узким кругом бортом»*. 3-й разряд обозначался *«шитьем по одному узору на краях воротника и на обшлагах с узким кругом бортом»*. Наконец, мундирам 4-го разряда полагался лишь *«узкий борт кругом воротника и обшлагов»*. Помимо парадного мундира вводился подобный ему вицмундир, на котором шитье заменялось бортом (широким — для 1-го разряда и узким — для 2-го).

Поскольку в то время Министерство внутренних дел заведовало по преимуществу хозяйственным развитием страны, узор шитья на мундирах был соответственным: хлебные колосья, переплетающиеся с васильками.

До 1819 года аналогичные мундиры и шитье имело и входившее в состав МВД почтовое ведомство. После подчинения Министерству в 1832 году Департамента духовных дел иностранных исповеданий его чиновники также получили свои темно-синие мундиры с воротником и обшлагами черного бархата с красной выпушкой серебряное шитье с колосьями и васильками.

Министерство полиции существовало в России с 1810 года. 26 августа 1811 года были установлены мундиры для его чиновников: темно-зеленые с малиновыми суконными воротником, обшлагами и выпушкой. Золотое шитье состояло из золотой фигурной волнистой

Мундир Министерства внутренних дел (2-й разряд). 1856 г.

ленты и шитого бордюра. Министру и его товарищам такое шитье полагалось на воротнике, обшлагах и карманных клапанах. Для мундиров 2-го разряда применялось то же шитье, но «уже первого». Мундиры 3-го разряда утрачивали бордюр. А 4-го, напротив, имели только бордюр. Предусматривалось и существование вицмундира только с бордюром на воротнике. Как мы уже отмечали, волнистая золотая лента вошла в том же 1811 году в состав шитья на мундирах губернаторов.

Одновременно с появлением мундиров для чиновников Министерства внутренних дел были установлены вновь или изменены мундиры в ведомстве иностранных дел. Сначала, в сентябре 1808 года, вводятся мундиры для консульских представителей России за границей: темно-зеленые с бархатными вишневого цвета воротником и обшлагами, такой же выпушкой по бортам и с золотым шитьем. Его узор на воротнике составлялся из *«масличной ветви, вверх обращенной и проходящей сквозь двух меркуриевых жезла»*. На обшлагах изображались *«три меркуриевых жезла с проходящей сквозь [них] масличной ветвью»*. Обнаружить рисунки этого шитья 1808 года не удалось. Но их описанию вполне соответствуют рисунки 1834 года. Генеральные консулы имели шитье на воротнике и обшлагах; консулы — только на воротнике; вице-консулам на воротнике полагались только жезлы (без масличной ветви). На желтых пуговицах — изображение государственного герба. Камзол и «исподнее платье» должны были быть белыми. Мундир дополнялся треугольной шляпой *«со шнурками и кистями золотыми»*. О каких шнурках идет речь, не разъяснялось. Маленькие кисточки же нашивались на переднем и заднем концах шляпы, которые к этому времени превратились, по существу, в двухуголъные (треугольными они выглядели в вертикальной проекции, когда за третий угол принимали верх шляпы). Наконец, *«для всех консульских чинов»* предусматривался вицмундир в виде фрака *«с такими же пуговицами без всякого шитья»*.

Установленный еще в 1799 году мундир чинов собственно Коллегии иностранных дел (с 1802 года Министерства иностранных дел), включая и дипломатических представителей России за границей, просуществовал ровно 10 лет. В ноябре 1809 года этот самый скромный из гражданских мундиров превращается в самый роскошный: вводилось обильное серебряное шитье. Его узор в тексте указа не разъяснялся, но прилагалось три рисунка шитья (по рангам). Для канцлера (главы ведомства) и *«послов вне государства»* шитье полагалось не только *«на воротнике, обшлагах и клапанах»* карманов, но и *«по бортам и швам кафтана»*. О шитье по фалдам не упоминалось. Для прочих старших чинов II и III классов, а также *«для посланников 2 ранга вне государства»* назначалось то же шитье, но без вышивки по швам. И ранее в армии, и позднее в гражданском ведомстве (кроме придворных мундиров) шитье по швам — всегда показатель мундиров высшего разряда. На мундирах чиновников IV и V классов мы видим шитье на воротниках, обшлагах и карманных клапанах (последние всегда были из мундирного сукна); VI—VIII классов — только на воротнике и обшлагах; *«для канцелярских чинов нижних классов — шитье на одном воротнике»*. На шляпу помимо серебряной петлицы нашивался бант. Таким образом, устанавливался очень высокий уровень шитья. Шитье по швам в других гражданских ведомствах (кроме придворного) появилось лишь четвертью века позже. Случаев того, что младшие чиновники в других ведомствах имели целиком шитые воротники, также ранее не было. Среди прочих особенностей мундиров ведомства иностранных дел следует отметить, что их разряды соответствовали чинам, а не должностям чиновников (даже послы и посланники в *«случае приезда их в Россию»*, если оставались *«в ведомстве Коллегии»*, носили *«мундир по чинам их»*). Всем чинам ведомства полагались также вицмундиры с упрощенным серебряным шитьем по особому «образцу», рисунки которого прилагались. Вицмундир носился с белым жилетом и белыми или темно-зелеными панталонами.

К сожалению, рисунки шитья парадных мундиров и вицмундиров ведомства иностранных дел раннего периода до нас не дошли. Но мы видим парадное шитье на нескольких портретах. Лучший из них — портрет посланника Л. А. Яковлева, написанный в связи с награждением орденом святой Анны 1-й степени (1812). Узор шитья совпадает с хорошо известным на 1834 год. По-видимому, нет причин подозревать, что первоначальное шитье позднее претерпело какие-то (тем более серьезные) изменения.

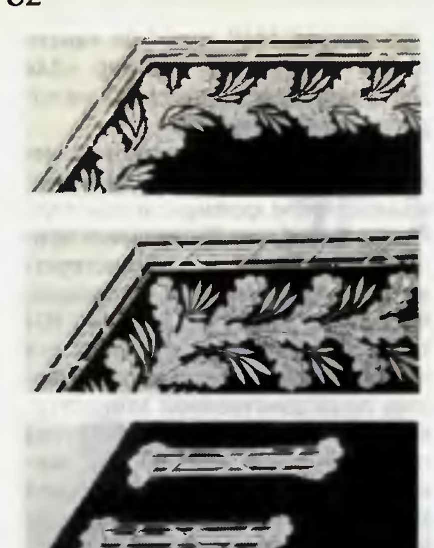
Когда в апреле 1855 года на смену мундирам французского фасона пришли полукафтаны, черные бархатные воротники и обшлага в ведомстве иностранных дел были заменены на красные суконные.

28 августа 1810 года был *«высочайше утвержден»* мундир *«для Департамента Министерства народного просвещения»*.

19 июля 1810 года по представлению *«господина тайного советника, министра юстиции и кавалера Ивана Ивановича Дмитриева»* мундиры были введены в Министерстве юстиции. Мы уже упоминали, что еще раньше, с 12 июля 1804 года, существовали мундиры для чинов Комиссии составления законов, подведомственной Министерству юстиции. В начале 1810 года она перешла в ведение Государственного совета, сохранив свой мундир. Но и вновь устанавливаемые в Министерстве юстиции мундиры было решено установить сходного образца, как говорилось в указе, *«покроя, подобного мундиру Комиссии законов»*. Бордюр шитья и пуговицы должны были быть как на мундирах Сената. Министр юстиции считался по должности генерал-прокурором Сената: осуществлял административный надзор за ним и руководил деятельностью сенатских обер-прокуроров. Сходным было и золотое шитье мундиров Комиссии и Министерства, изображавшее масличные и парные дубовые листья. Отличались эти мундиры цветом воротников и обшлагов (у Министерства юстиции они были не черные, а темно-зеленые) и отсутствием на мундирах Министерства красной выпушки. Система шитья была разработана самым обстоятельным образом. Шитье парадных мундиров разделялось на 6 разрядов:

1. *Шитье вокруг всего воротника, обшлагов и на карманных клапанах с широким бордюром вокруг;*
2. *То же шитье, но узкое и с узким бордюром;*
3. *Узкое шитье вокруг воротника и обшлагов с узким бордюром по верху и с каймой внизу;*
4. *То же без каймы внизу воротника;*
5. *Узкое шитье вокруг воротника с каймой;*
6. *Шитье на концах воротника с каймой.*

В 1834 году эта стройная система обозначения рангов была заменена на 10-разрядную.

Система шитья на воротниках мундиров чиновников Министерства юстиции. 1810 г.

Воротник и обшлаг мундиров чиновников Министерства внутренних дел. 1834 г.

Система шитья на воротниках мундиров чиновников Министерства внутренних дел (4-го разряда). 1808 г.

15 мая 1811 года шитье Министерства юстиции (гирлянда из сдвоенных дубовых и масличных листьев) получили на свои мундиры губернские прокуроры.

Лишь в конце декабря 1818 года устанавливаются мундиры для чиновников Государственного контроля. До того служащие этого ведомства пользовались губернскими мундирами, а те из них, кто осуществлял контроль за финансовой деятельностью военного и морского ведомств и перешел оттуда в Государственный контроль, сохраняли прежнюю военную и морскую форму. Введение нового ведомственного мундира мотивировалось необходимостью установить «*единообразие*» в форменной одежде и поставить служащих контрольных учреждений «*по возможности в одинаковое положение с чиновниками других ведомств*», в большинстве уже имевших мундиры. Для обзаведения новой форменной одеждой «*в самом непродолжительном времени*» служащие получили «*единовременную выдачу*» в размере «*месячного оклада*». Донашивать прежние мундиры (как это обычно практиковалось) на этот раз не было позволено. Темно-зеленые мундиры Государственного контроля получили красную суконную выпушку; их воротники и обшлага должны были быть из бархата яхонтового цвета (оттенок темно-синего). Золотое шитье изображало дубовые листья (на воротнике — с желудями), чередующиеся с сухими веточками. Шитье разделялось на одностороннее (по верхнему или нижнему краю воротника, обшлагов или карманного клапана) и двустороннее (только для государственного контролера), окружавшее воротник, обшлага и карманные клапаны. В последнем случае элементы шитья были обращены к центру, то есть навстречу друг другу. Сохранились первоначальные рисунки шитья, совпадающие с известными на 1834 год.

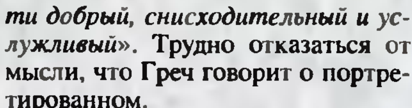
Почти одновременно с Государственным контролем (14 февраля 1819 года) мундиры были установлены и в Министерстве финансов — темно-зеленые с темно-зелеными же бархатными воротниками и обшлагами, с красной выпушкой и 5-разрядным золотым шитьем. На сохранившихся первоначальных рисунках шитье выглядит точно так же, как и на рисунках 1834 года. Одним из поводов к введению мундира стало существенное расширение Министерства вследствие передачи из Министерства внутренних дел Департамента мануфактур и внутренней торговли. К 1819 году Министерство объединяло несколько субведомств, часть которых уже имела собственные мундиры: горное, лесное, банковое. В указе разъяснялось, что новые мундиры предназначались всем чиновникам центральных учреждений финансового ведомства в Петербурге (кроме горных и лесных), которые до того пользовались губернскими мундирами. Но чиновники ведомства, «*служащие в губерниях, как то: в казенных палатах, таможнях, на винокуренных заводах, имеют мундиры тех губерний, в которых служат*». Такой порядок сохранялся до 1834 года, когда чиновники Министерства финансов на местах получили ведомственный мундир, который, однако, носили с губернскими пуговицами.

Характерные особенности шитья мундиров Министерства финансов позволяют относительно легко атрибутировать портрет неизвестного, хранящийся в Государственном Русском музее (ни время его написания, ни художник не известны). Хорошо выписанное шитье на воротнике мундира и красная выпушка сразу указывают на ведомство. Полнота шитья по нормам законов и 1819, и 1834 годов (так же как и набор орденов) указывает на генеральский ранг портретированного. Его прическа и некоторые другие признаки дают основания предполагать, что портрет скорее 1820-х годов, чем 1830-х. Простой перебор чиновников Министерства финансов генеральского ранга с орденом Анны 1-й степени и Владимира 1-й степени указывает на возможность того, что портретированный — Яков Александрович Дружинин (1771—1849), в 1811—1830 годах директор канцелярии Министерства, действительный статский советник (с 1826 г. тайный советник). В 1820 (или 1821) году ему исполнилось 50 лет, 10 лет как он находился в должности, только что был награжден орденом Владимира, а главное — получил ведомственный мундир. Более подходящего кандидата на «роль» портретированного нет. Добавим к сказанному, что Дружинин начинал свою карьеру как личный секретарь Павла I, занимался литературой, переводил. По отзыву Н. Н. Греча, он «*был человек очень способный к делам, мастер писать и отписываться, притом до чрезвычайности добрый, снисходительный и услужливый*». Трудно отказаться от мысли, что Греч говорит о портретированном.

Воротник и обшлаг мундиров консульских представителей России за границей. 1834 г.

Воротник и обшлаг мундиров чиновников Министерства иностранных дел. 1834 г.

Воротник и обшлаг мундиров чиновников Министерства финансов. 1834 г.

Воротник и обшлаг мундиров гражданских чиновников ведомства путей сообщения. 1834 г.

В 1837 году круг чиновников, носивших мундиры Министерства финансов, снова существенно сократился в связи с организацией нового Министерства государственных имуществ, в которое были переданы некоторые департаменты из Министерства финансов, так же как и из Министерства внутренних дел. В том же году были введены мундиры ведомства государственных имуществ, в описании которых говорилось: «*парадный мундир темно-зеленого сукна с золотыми матовыми пуговицами с изображением государственного герба; шитье золотое; воротник и обшлага из темно-зеленого бархата*». К счастью, удалось обнаружить уникальные рисунки этого мундира (начиная с 4-го разряда) и шитья к нему (небезупречной сохранности), подготовленные в духе закона 27 февраля 1834 года. Как видно, составной частью шитья являются веточки дуба и букетики из колосьев и васильков, которые содержатся и в шитье мундиров Министерства внутренних дел. Бордюр представляет собой тонкую дубовую ветвь, свободно обвитую лентой.

27 февраля 1834 года Положением о гражданских мундирах их система (прежде всего это относится к министерским мундирам) была унифицирована на основе единой 10-разрядной системы шитья. При этом, как мы уже отмечали, характерные для каждого министерства цвета и узор шитья сохранились и в основном дошли до 1917 года.

Подробнее о реформе 1834 года мы расскажем в следующем очерке.

В ИЗГНАНИИ

Белград

Среди тысяч наших соотечественников, покинувших Россию в годы революции и гражданской войны, оказался и внук А. С. Пушкина Николай Александрович (сын Александра Александровича Пушкина от его второго брака с Марией Александровной Павловой).

В одном из фондов бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге хранится письмо Н. Пушкина к известному публицисту и общественному деятелю В. Л. Бурцеву. Из справки, приложенной к документу, можно установить некоторые подробности биографии Николая Александровича. Родился в Санкт-Петербурге 3 апреля 1884 года (в послужном списке за время прохождения службы в Русской армии указан 1885 год, в анкете беженца — 1883-й). В 1907 году окончил юридический факультет при Московском императорском лицее в память цесаревича Николая с дипломом I степени. В сентябре того же года Пушкин поступил на военную службу и был зачислен вольноопределяющимся на собственном содержании в 3-й драгунский Сумский полк. Через год он уволился в запас в чине прапорщика и до начала первой мировой войны занимал различные посты в системе Министерств внутренних дел и юстиции. Призван по мобилизации в управление Веневского уездного воинского начальника 23 июля 1914 года. С марта 1915 года Пушкин служил в действующей армии на должности полкового адъютанта 15-го гусарского Украинского полка. В апреле 1917 года был произведен в корнеты. В годы гражданской войны Николай Александрович работал военно-морским следователем. В 1920 году эвакуировался из Севастополя в Константинополь. В марте 1922 года перебрался с семьей в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС). Из писем М. А. Брянской, сестры его жены Надежды Алексеевны, известно, что в Константинополе Пушкины какое-то время жили на пароходе «Кронштадт» без всяких средств к существованию. Впоследствии Николай Александрович до 24 мая 1921 года служил секретарем и переводчиком в оккупационном корпусе французской армии на острове Халки, а затем, вплоть до отъезда в Белград, занимал должность инспектора и преподавателя французского языка в русской школе в Эренкее, близ Константинополя. В марте 1922 года он поступил на службу в качестве секретаря Белградской миссии Лиги Наций и Международного Красного Креста.

Н. А. Пушкин (1934).

Мы не знаем, пытался ли Бурцев помочь Н. А. Пушкину перебраться во Францию. По документам известно лишь, что 6 декабря 1923 года Пушкины из Сербии переехали в Брюссель. Николай Александрович Пушкин стал родоначальником бельгийских потомков поэта. Многие годы он служил в одном из брюссельских банков и энергично пропагандировал среди бельгийцев творчество своего великого деда, переводя его произведения на французский язык. Скончался Николай Александрович в 1964 году.

Сербия, Белград, 9 декабря 1922 г.
Лемина улица, 46

Глубокоуважаемый
Владимир Львович.

Прочтя до конца это письмо, Вы может быть простите непосредственное обращение к Вам незнакомого человека.

Я внук величайшего русского поэта А. С. ПУШКИНА и это придает мне смелость обратиться к Вам, как известному русскому литератору и патриоту, с убедительнейшей просьбой не отказать посильно помочь мне осуществить мое заветное желание переселиться во Францию и получить там какую-либо должность или службу.

В наше время, когда всеобщий упадок нравов породил множество всякого рода аферистов, естественно, что каждому человеку приходится представлять доказательства не только своей порядочности, но даже и самой подлинности своей личности. Для этой цели позволяю себе сослаться на, вероятно Вам известную, жену писателя БУНИНА — Веру Николаевну, урожденную МУРОМЦЕВУ, которая меня знала с детства, будучи подругой моей жены.

Французским языком л владею в совершенстве не только разговорно, но и литературно и даже значительно лучше, чем русским. Это объясняется тем, что до 14-летнего возраста я получил чисто французское воспитание и образование и не говорил ни на каком другом языке. Помимо того моя жена полуфранцуженка, благодаря чему домашний разговорный язык семьи французский.

Я хорошо знаком со всякого рода канцелярской работой и перепиской. В настоящее время я состою на службе в Белградской делегации Лиги Наций и Международного Комитета Красного Креста и на мне лежит вся иностранная (французская) корреспонденция — дипломатическая и информационная. Все сообщения, печатающиеся в изданиях вышеупомянутых учреждений, поскольку они касаются Сербии, принадлежат моему перу.

Я имею полное основание считать, что глава нашей делегации г. Цвернер вполне доволен моей работой и подтвердит это своей рекомендацией, в случае надобности.

Причины, которые побуждают меня искать иной службы, следующие: в скором времени обстоятельства потребуют значительного сокращения штатов нашей делегации, при чем сомнительна возможность сохранения моей должности, но самое главное — это необходимость дать моим детям: дочери Наталии (15 лет) и сыну Александру (13) приличное и достойное того высокого имени, которое они имеют честь носить, образование. Получить такое образование в Сербии невозможно, и внуки великого человека были бы здесь обречены на жалкое прозябание.

В своих потребностях я человек крайне скромный, а последние годы изгнания довели эти потребности до минимума. Если бы Вы только пожелали и оказались бы в состоянии что-нибудь для меня сделать, всякое предложение будет принято с радостью и бесконечной благодарностью, лишь бы оно давало мне средства скромно проживать с семьей из 4 лиц.

Русские эмигранты в Турции.

По чисто принципиальным соображениям я отказался решительно от всякого рода политической деятельности, во всяком случае до восстановления нашего отечества, и поэтому решил заняться частно-коммерческим делом и поступить на службу в какой-либо банк или торговое предприятие.

Еще раз позволяю себе обратиться к Вам, Глубокоуважаемый Владимир Львович, как человеку отзывчивому и русскому с просьбой помочь мне устроиться и воспитать детей и принять уверение в совершенном моем почтении и глубокой преданности.

Николай Александрович ПУШКИН

ГА РФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 495. Л. 1—2.

Предисловие и публикация
ЛИДИИ ПЕТРУШЕВОЙ,
заведующей архивохранилищем ГА РФ

СВЕТЛАНА БАРАНОВА

АЛЕКСАНДР ПЛИГИН. ОДИН ИЗ НИХ...

(«МИР ИСКУССТВА», «БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ»)

Портрет Н. О. Плигиной-Камионской.

Читатель, заинтересовавшийся необычным объявлением в расхожей московской газете, не найдет упоминания о Плигине ни в каких изданиях[1]. Это имя ни о чем не говорит и большинству искусствоведов, что также неудивительно, ведь сохранившаяся часть его художественного наследия — семь картин и двенадцать рисунков — остается неизвестной и не представлена ни на одной из столь многочисленных сегодняшних выставок.

Лишь в ставших библиографической редкостью каталогах «Мира искусства» и «Бубнового валета» за 1912, 1913, 1915 и 1916 годы среди участников неоднократно упоминается имя А. П. Плигина.

Для любителей живописи эти перечисления говорят о многом.

«Мир искусства», в лучшее свое время «коллективный гений» и «настоящая «Александрия» ума, вкуса и знаний»[2], и «Бубновый валет», с первой выставки (1910) воспринятый как «нечто невиданное в русской художественной жизни»[3], оставили неповторимый след в истории отечественной культуры.

Судя по каталогам, для А. Плигина все складывалось благополучно. Если на первых выставках зрители увидели одну-две его работы, то уже в тринадцатом году он был представлен шестью картинами: «Горный пейзаж», «Гора», «Дом на берегу моря», два «Натюрморта», «Белые розы». Блестящим было и соседство: П. Кончаловский, А. Куприн, А. Лентулов, И. Машков, В. Татлин, Р. Фальк, В. Кандинский, А. Экстер, П. Пикассо, А. Руссо, А. Матисс... Да и сами выставки во многом определили невероятное разнообразие художественной жизни Петербурга и особенно Москвы, по определению Н. Гончаровой, в то время «самого крупного живописного центра»[4], где в 1911 году оказался и Александр Плигин.

* * *

Родившемуся в 1880 году в Ярославской губернии старшему из двенадцати крестьянских детей вряд ли было уготовано многое. Но природная склонность Александра к рисованию была столь очевидна, что вскоре он дослужился до чертежника на коломенском вагоноремонтном заводе.

Вряд ли сейчас возможно оценить силу страсти к живописи, заставившую двадцатипятилетнего Плигина отправиться в Петербург, где, продолжая одновременно служить, зарабатывать на жизнь, он учился и в общеобразовательной, и в художественной школах. Одной из них была известнейшая в городе студия живописи и рисования Е. Н. Званцевой. Престиж заведения создавался не только царившей там атмосферой творчества, но и именами учителей. «Я старался не столько учить, сколько будить желание искания, старательно оберегая ищущий молодой глаз от фальши и рутины»[5], — писал преподававший в студии с 1906 по 1910 год Л. Бакст. Там же рисунку обучал М. Добужинский, а позднее Бакст привлек к занятиям и К. Петрова-Водкина. В студии вместе с новичками одновременно работали знаменитости, как правило «мирискусники»: Сомов, Остроумова-Лебедева, Билибин, и менее известные, «готовые» художники, которые приходили «набираться бодраго, свежаго духа, здоровья и непосредственности среди этой пленительно-наивной и упрямо-ищущей молодежи»[6]. Среди студийцев были Н. Тырса и М. Шагал. И хотя Баксту не удалось воплотить мечту о воспитании им «фаланги художников», способных принципиально обновить искусство»[7], репутация школы «с определенным уставом и убежденным исповеданием своего кредо»[8] была им создана.

На первых порах атмосфера студии радостно ошеломила молодого провинциала.

В период, о котором критики тех лет говорили как о «нашествии художников на театр»[9], Плигин работает над декорациями по эскизам Бакста, доверившего живописцу оформление дягилевского «Русского сезона» (1909). В эти же годы А. Плигин декорирует спектакли «Три сестры» А. Чехова, «Анфиса» и «Екатерина Ивановна» Л. Андреева в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской. Тогда же начинается его знакомство с художественной жизнью Москвы, куда, обвенчавшись, он переезжает в 1911 году.

Материалы архива художника — письма, афиши с программой лекций по истории искусства, которые читал Плигин, подборка сохранившихся книг и журналов «Аполлон», «Мир искусства» из личной библиотеки — свидетельство того, что среда, к которой так стремился крестьянский сын, стала вполне органичной для него.

Период ученичества и поиска постепенно сменился определенностью в выборе художественного языка, уходившего от неясности. Принятие Плигиным новой живописи «Бубнового валета» было безоговорочным — вот как надо писать! Художник словно забывает театральную живопись и обращается к портрету, натюрморту и пейзажу — излюбленным жанрам «бубнововалетцев». Ощущение новизны в подчеркнуто вещной материальности изображаемого, отход от геометрической правильности предметов, колдовское сочетание неподвижности натуры и активного движения цвета — все это стало для Плигина невероятно притягательным.

Надеемся, что, когда обнаружатся утраченные полотна А. Плигина, мы с большей определенностью сможем представить его живопись в художественном контексте того времени.

Совсем недавно это собрание пополнилось четырьмя крымскими этюдами (Крым был для художника не только источником вдохновения, но и подчас местом «вынужденного» пребывания: жена Плигина ездила туда на лечение.)

А. П. Плигин с первой женой З. Темкиной. 1912.
А. П. Плигин со второй женой Н. О. Плигиной-Камионской. Киев. 1923.

С 1918-го, трагического для художника года, когда он потерял жену и родителей и «перестал жить, как живут все нормальные люди»[10], Плигин занимал немыслимое количество должностей, подтвержденных мандатами. То и дело командировался он на Украину заведовать музейно-выставочной секцией Наркомпроса, одновременно работал помощником заведующего художественным отделом Всеукраинского издательства, преподавал в Советских высших свободных мастерских изобразительного искусства, сопровождал агитпоезд — и это далеко не полный перечень его занятий. Заметим, что подобная активность далеких от политики художников была не редкостью; достаточно вспомнить М. Шагала — в 1918 году комиссара губернского отдела в Витебске и одновременно руководителя художественной школы, или Филонова, заведовавшего отделом в Институте художественной культуры в Петрограде. Помимо всего прочего, эта служба была подчас единственным средством существования. В девятнадцатом году Плигину пришлось вспомнить начало — писать декорации к пьесе Л. Никулина «Все к оружию», поставленной в ...киевском цирке. Эта внешняя активность жизни не спасала. **«Крах с живописью и, главное, упадок воли и энергии. Но я борюсь, очень борюсь... Кроме зарисовок, еще ничего не сделал. Трудно было, не могу найти себя. Проклинаю нервы, они замучили меня»**, — писал Плигин.

Мысли о «крахе живописи» сменялись надеждой и вновь сомнениями: «Я хочу работать и достичь чего-нибудь, но разве я знаю, достигну ли». В 1921 году Плигин работает для Малого театра с М. Добужинским, готовя декорации к «Оливеру Кромвелю» по пьесе А. Луначарского: **«В последнее время работа идет несколько лучше, и, по-видимому, декорации будут не так уж плохи»**. Чуть позднее: **«Теперь с места в карьер заставили «Ученика дьявола» Б. Шоу и чтобы в 2—3 недели было готово. И поймите: не мог не взять. Если бы отказался, то прощай Малый театр навсегда. Заговорил о том, что не худо бы не спеша сделать, но вышла только спешка. Во всяком случае, они не будут считаться с желаниями и меланхолиями художника. Я сейчас до такой степени в безденежье, что редко когда так бывало»**.

Живопись была и спасением, и мукой.

«Я начал делать эскизы и чуть-чуть не обанкротился. Высидел целую неделю дома и промучился. Сначала в поте лица трудился по части манер... в библиотеке и музее набрал кое-что, но когда начал «творить», то такую беспомощность проявил, что стыдно сознаться. Мучился неделю, и все скверно. Мучился в самом настоящем, самом подлинном зна-

Дом на берегу моря.

чении этого слова, чего-чего не перерешал. Доходило до того, что впору отказаться от постановки. В голове планы были, и казалось, что все так просто, но когда приступил к реализации — черт знает что выходило. Очень раздражала беспомощность в перспективе, и я готов был рвать волосы на себе. Все-таки получилось что-то такое, что я решил нести. И оказалось, что не так плохо. Эскизы понравились. Вспоминал, когда Вы мне писали о муках художника. Не дай Бог их, этих мук», — письмо адресовалось дочери известного киевского врача Наталье Камионской, которая вскоре стала женой Плигина.

«Любимая моя, я буду работать. Ты будешь моей лучшей моделью. Обязательно приступлю к работе», — обещал ей художник. В 1924 году Плигин пишет ее портрет, словно и не было агитпоездов и политуправлений, потерь, пустоты одиночества, душевных страданий. Вновь появились театральные заказы: к «Горячему сердцу» Островского и «Царю Федору Иоанновичу» А. Толстого в Замоскворецком театре. В Малом собирались ставить «Юлия Цезаря» с декорациями Е. Лансере в исполнении Плигина. Сам Лансере в письме к художнику Малого театра К. В. Кандаурову писал: **«Как у А. П. Плигина с архитектурою? Я надеюсь, что у него будут под рукою материа-лы — где можно посмотреть, как рисуются профили, базы, капители, не для того, чтобы их делать сухо и педантично — но с пониманием, грамотно. Я упрекаю себя, что, может быть, недостаточно мелко разработал эскизы, но надеюсь на чутье А. П. Плигина. Мой сердечный привет и пожелание успеха А. П.»**[11].

И все-таки за этой работой последовала попытка навсегда оставить живопись, попытка мучительно долгая, но безуспешная. Плигин не писал почти 15 лет и лишь перед самой войной вновь ненадолго вернулся к профессии художника. Эвакуированный в Чистополь, он оказался один, без заработков. Жена была прикомандирована переводчицей к французскому писателю Жан Ришару Блоку в Казань. Дочь жила в интернате. Она лежала в больнице (была больна тифом), когда ей сказали: «У тебя умер отец». Дочь винит себя до сих пор, что не оказалась рядом с отцом, когда тому стало невмоготу и он свел счеты с жизнью.

* * *

Эти старые московские дома с уже привычным сочетанием прошлой роскоши «модерна» и нынешней раз-

Белые розы.

Портрет Л. Темкина.

рухи... В одной из квартир такого дома живут Плигины — жена и дочь. Здесь сберегли, что смогли: документы, фотографии, книги, картины. Но не дает покоя мысль, что где-то хранятся безымянные работы художника, от которых остались лишь названия в каталогах или дореволюционная открытка-репродукция. И вскоре вновь кто-то натолкнется на объявление о поиске. В сущности, и эта публикация — своего рода объявление с просьбой запомнить новое для многих имя — Александр Плигин[12].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. За исключением книги известного исследователя русской живописи предреволюционного десятилетия Поспелова Г. Г. Бубновый валет. М., 1990.
2. Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890—1902. М.—Л., 1933. С. 273.
3. Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России 1900—1910-х годов. М., 1988. С. 189.
4. Цит. по кн.: Поспелов Г. Г. Бубновый валет. М., 1990. С. 5.
5. «Аполлон». 1910. № 8. С. 45.
6. Там же.
7. Голынец С. В. Лев Бакст. М., 1992. С. 27.
8. Маковский С. Выставка в редакции «Аполлона»: О школе Бакста и Добужинского//«Аполлон». 1910. № 8. С. 44.
9. Власова Р. И. Русское театрально-декорационное искусство начала XX века. Л., 1984. С. 9.
10. Здесь и далее цитируются письма А. П. Плигина, хранящиеся в личном архиве.
11. РГАЛИ. Ф. 769. Оп. 1. Ед. хр. 98.
12. Возможно написание Плиген, как это было на афише выставки «Бубновый валет». Афиша экспонировалась на выставке «Москва—Париж» в 1881 г. в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Просьба ко всем, кому что-либо известно о судьбе картин художника Александра Павловича Плигина, сообщить по адресу: 103045, Москва, Большой Сергиевский переулок, дом 5, кв. 29, Плигиной Наталье Александровне. Картины художника Плигина могут быть подписаны инициалами А. П., но могут и не иметь подписи. Цель — покупка.

Газета «Из рук в руки», апрель 1993 г.

МАРК СЛОНИМ

ПРИГОВОРЕН К... МОЛЧАНИЮ

Перед читателем — опыт восприятия личности и прозы Исаака Бабеля (1896—1940). Публикуемая статья увидела свет не в России, поскольку автор — эсер, член Учредительного собрания Уральской директории, литературовед и журналист — Марк Львович Слоним писал ее, находясь в эмиграции.

Бабель превратился в крупного писателя только за время революции, и лучшие его произведения — «Конармия» и воспоминания детства.

Не случайно «Рассказ о моей голубятне», о погроме, об убийстве беззащитных, о разнузданности зверя в человеке, воспринимается как автобиография. Бабель, должно быть, получил свое жизненное крещение в крови и убийстве, и на всем его творчестве лежит печать повышенной чувствительности к безумию и гибели.

Он и в революцию пришел болезненным интеллигентом-семитом, несшим в душе горечь гонимых поколений и отраву безнадежности и иронии. Он и описал не взрывы революционной энергии, не взлеты и мечты революции, а ее кровь и грязь, каинову печать ее обыденного ужаса, нелепую фантастику ее борьбы. Он всегда лучше описывал отступления и военные неудачи, чем победы. И если попадал он под власть опьянения геройством и подвигом, то и страсть порыва, и благородное движение проснувшейся души всегда замечал он в опустошенности и грязи. Какой-то болезненный пафос уничтожения, мрачная удрученность и тоска составляют тайную философию его рассказов. И хотя преувеличивает советский критик, сравнивший Бабеля с Вием, от взгляда которого все мертвеет, но несомненно, что прежде всего видит Бабель в мире разложение и знак смерти, разгул нечистой страсти или безобразие жестокости. В этом та губительная отрава, которая исходит из его творений и придает им несколько болезненный, почти патологический характер. Своим отточенным, скупым слогом передал он «нечеловеческое в человеке», и его сборник «Конармия» останется в русской литературе как одно из самых страшных изображений революции. Эту книгу будут читать даже и тогда, когда забудут и заглавия тех многочисленных произведений, которые пытаются сейчас передать кровь и пафос гражданской войны и чудовищный быт первых лет революции.

Вахмистр Буденный, сперва приветствовавший появление книги Бабеля[1], посвященной его армии, затем усмотрел в ней пасквиль на своих солдат, и было время, когда по поводу «Конармии» летели негодующие письма в редакции «Правды» и «Известий» и на страницах газет обсуждался вопрос, соответствуют ли изображения Бабеля действительности и является ли он сам другом или врагом революции[2]. Смущало то обстоятельство, что в книге Бабеля не чувствовалась обязательная ныне политическая тенденциозность, что вместо привычного бытовизма, слегка подправленного лирическими восклицаниями и коммунистическими восторгами, перед читателем появилась книга, сочетавшая натурализм с художественной стилизацией, отчетливую картину революции с творческим вымыслом.

Конечно, Бабель рисовал с натуры, и рисовал не так, как другие, об этой натуре сознательно или невольно лгавшие. Он видел подлинную Конармию, ту самую Первую Конную армию, в которую вошли записные рубаки и громилы, не знавшие пощады и ринувшиеся, точно татарская орда, на западные границы России. С ней проделал он поход, в ее рядах, на практических уроках, должен был интеллигент в очках воспринять далеко не поэтическую истину о том, что кровь человеческая «не дороже красного сока трав», и услыхать слова своих новых товарищей о том, что человек, не способный к убийству, — сор земли. То, что для Бабеля было миром дикого безумия, являлось естественной средой для людей непосредственных и простых ощущений, которых с размаху била смертоносная и крепкая рука. И описывая эту цельность, кровное родство человека со стихией истребления вещей и жизней, Бабель из-под своих очков замечал с пронзительностью художника и идеалиста и другое, ускользавшее от дальнозорких сеятелей смерти и вражды, от слепых апостолов всемирного братства с гранатами за поясом. И как бы ни были лаконичны его описания, в них, наряду с ужасом, волнуется и человечность.

Все сюжеты у Бабеля ужасны, почти кошмарны, и тяжело читать его книгу: в ней на каждой странице — кровь и грязь, зверство и бесстыдство. В них точно собрано все, что есть дикого, примитивно жестокого и страшного в русском народе, и показано с какой-то слепящей простотой. Но эту трагическую и мрачную картину постоянно, как молния, озаряют вспышки человечности. Все искусство Бабеля именно в этой игре контрастов: показать человеческое в нечеловеческом, соединить грубость и нежность, геройство и шутовство, порыв и гнусность.

Порою может показаться, что Бабель внутренне оправдывает своих страшных героев, что он с ними, несмотря на все их жестокости и зверства. Несомненно, что даже и в деле убийства и разрушения они проявляют ту силу наивной и цельной натуры, которая привлекает Бабеля своей непосредственностью и простотой. Она органически чужда утонченному, умному писателю, продукту умственной культуры, тонкому аналитику и любителю психологической игры. Но он тяготеет к ней именно потому, что сам ею не обладает. Он потому так хорошо мог описать буйную стихию Конармии, что видел он ее со стороны и никогда не мог бы раствориться в ней. Он подошел к ней не как ее участник, а как ее художник, с тем «творческим холодком»,

Статья печатается в сокращении

без которого нет возвышения над бешеной действительностью гражданской войны.

Бабель отмечает зверское и человеческое в своих красноармейцах, рисуя их во весь рост, со всеми противоречиями их смутной и хаотической души.

Эскадронный Трунов всовывает саблю в глотку пленным, но он едва не убивает казака, пытающегося ограбить трупы людей, Труновым же замученных. А через полчаса после этого Трунов идет на верную смерть и мужицкими корявыми руками пишет донесение по начальству: «Имея погибнуть сего числа, нахожу долгом приставить двух номеров (то есть два пулемета для обстрела аэропланов) к возможному сбитию неприятеля и в тое же время отдаю командование Семену Голову». А тем, кто несет его «донесение» в штаб полка, он отдает и свои новые сапоги, «чтобы попользовались», а то зря пропадут. Польские аэропланы расстреливают Трунова, но этим он спасает свой эскадрон, спрятанный в лесу. Подобно ему, всякие Спирьки и Иваны умеют умирать так же просто, как они живут и как они убивают, и порою идут они на смерть с удальством и ухарской шуткой на устах. «Помрем за кислый огурец и мировую революцию!» — кричит кавалер Красного Знамени Спирька Конкин, бросаясь захватывать многочисленный польский штаб вдвоем с товарищем.

Конечно, эти герои — герои войны и революции, имеющие своими литературными предками Петьку из блоковских «Двенадцати», а может быть, и лубочного казака Крючкова, зарубившего бесчисленное множество германцев. Но, во всяком случае, нет в них ничего сусального, нет лжи литературного штампа или ходуль политической тенденциозности. Но не только геройство доступно разбойникам и бойцам Конармии. В обгорелом Збруче, после переходов по дорогам, заваленным распухающими трупами, в отвратительной конуре, при свете сального огарка пишет командир Сидоров письмо об Италии и в ночи, полной далеких и тягостных звонов, мечтает о Колизее и Капитолии.

В этом вся особенность литературной манеры Бабеля. Он резок и натуралистичен, беспощадность его описаний заставила даже некоторых критиков объявить чуть ли не о порнографии, садизме и богохульстве писателя.

Конечно, есть у Бабеля нечто от знаменитого художника Ропса, рисовавшего разложение тела и отвратительные гримасы покупной любви, или от Бодлера, говорившего в стихах о падали и червях могильных. Но если у французского поэта и парижского художника было тяготение к уродливому в обыденной жизни, то ведь у Бабеля уродство изображено на фоне революционного вихря, вздымающего все самое низменное в человеке и превращающего быт его в пещерное существование. И описывает Бабель войну, то есть то состояние, когда человек естественно превращается в дикое животное или в месиво костей и разлагающегося мяса. Самый материал бабелевского творчества оправдывает гнусность изображаемого. Но, несмотря на то что пишет Бабель о живой действительности, стоящей перед ним, он, конечно, прежде всего стилизатор, романтик. Он романтик, потому что любит эту смену контрастов, густоту красок, противоречия страстей, героизм и силу распутства или раскаяния. Человеческие преступления и человеческие мечтания влекут его к себе неотразимо. Он во всем — в стиле сюжета — останавливается на контрастах, на конфликтах. Первую любовь опишет он вместе с болезнью, погром — с тошнотой. В сыне чернобыльского цадика, захваченном революцией и умирающем на фронте от тифа, он с особенной тщательностью подметит то же соединение противоречий, увидит не революционера, а еврейского мечтателя, для которого в душе все так же спутано, как и в бедном его походном сундучке: «Все было свалено вместе: мандаты агитатора и памятки еврейского поэта. Портреты Ленина и Маймонида[3] лежали рядом. Прядь женских волос была заложена в книжку постановлений 6-го съезда партии, и на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов. Печальным и скупым дождем падали они на меня — страницы Песни песней и револьверные патроны». «Он умер, не доезжая Ровно. Он умер среди стихов, филактерий и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я принял последний вздох моего брата». Брата не только по крови — ибо и сам Бабель смешал страницы Песни песней и револьверные патроны, и со всем напряжением романтика ощутил особую прелесть лирики, мысли и тоски в сумасшедшие минуты боя, среди цельных и простых людей, чуждых его утонченности.

Бабель перерос манеру своих молдаванских анекдотов. Он овладел искусством необычайно скупого, выразительного слога, в котором проявилось все его мастерство новеллиста. Это почти мопассановская сгущенность и уплотненность. Он пишет ритмическим языком: иногда этот ритм переходит в подлинное лирическое напряжение, заключенное всегда в немногословную сжатость. И опять, лирика подчеркнута по контрасту тем полуинтеллигентским, полународным языком, каким говорят герои Бабеля и который порою вызывает улыбку читателя в том месте рассказа, где, казалось бы, вовсе не полагается смеяться. Этим полуграмотным, искаженным и нелепым языком, каким в старину любили говорить полковые писаря и поэтические телеграфисты, а ныне говорит чуть ли не треть России, Бабель овладел в совершенстве.

За последние два года мне не приходилось читать новых произведений Бабеля. Не думаю, чтобы это молчание свидетельствовало о творческом недуге. Бабель слишком молод и слишком талантлив, чтобы застыть на том, чего он достиг в своих новеллах.

«Воля России». 1928.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Положительные высказывания С. М. Буденного о «Конармии» нам неизвестны.
2. Первая статья С. М. Буденного об отрывке из книги И. Бабеля «Конармия» появилась в журнале «Октябрь» в 1924 г. В ней он назвал автора «незадачливым» и, в частности, замечал: «Для того чтобы описать героическую, небывалую еще в истории человечества борьбу классов, нужно прежде всего понимать сущность этой борьбы и природу классов, т. е. быть диалектиком, быть марксистом-художником. Ни того, ни другого у автора нет» (Буденный С. Бабизм Бабеля из «Красной Нови»//«Октябрь». 1924. № 3. С. 196).
4. Маймонид Моисей (настоящее имя Моше бен Маймон; 1135—1204) — еврейский философ, теолог и врач. В 1190 г. на арабском языке был издан основной его философский труд «Путеводитель колеблющихся». Усвоив через арабских мыслителей философию Аристотеля, Маймонид пытался рационализировать иудаизм.

Публикация и примечания
ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВА

ОЛЕГ АБАКУМОВ

ВСЕ ЗНАЕТ, БЫВАЕТ ВСЮДУ, ПРИНИМАЕТ ВСЕХ...

Новые штрихи к портрету Якова Толстого, шпиона и декабриста

Знакомьтесь: Яков Николаевич Толстой (1791—1867), многолетний парижский агент III отделения. Сын богатого тверского помещика, образование получил в частном пансионе и в Пажеском корпусе. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничного похода русской армии. Завсегдатай «Зеленой лампы», член «Союза благоденствия», товарищ А. С. Пушкина (ему посвящены «Стансы»). В 1823 году уехал за границу на лечение. Его имя фигурировало в документах следственной комиссии по делу декабристов; преследованиям, впрочем, не подвергался. Вину свою осознал: материальная неустроенность и стремление оправдаться перед Николаем I привели его на службу в III отделение (официально числился «корреспондентом министерства народного просвещения»). Я. Толстой опровергал сочинения иностранцев о России и сообщал в Петербург о поступках немногочисленных русских выходцев, пребывавших во Франции. Именно он впервые обратил внимание на книжки «отщепенцев» Петра Долгорукова «Заметка о главных фамилиях России» и Ивана Головина «Дух политической экономии», положив начало их преследованию правительством. Но главным предметом его деятельности стало наблюдение за общественно-политической жизнью Франции, настроениями в правительстве[1].

Шпионская деятельность Толстого протекала вполне открыто, о ней знали «поднадзорные» эмигранты, равно как и французы. О его особой роли в русском посольстве часто упоминали европейские газеты. «Бывает всюду, принимает всех, занимается всем, все знает и очень много устраивает», «в посольстве все склоняются перед ним», — писала аугсбургская «Allgemeine Zeitung» 21 июля 1846 года. И. Г. Головин поведал о своем заявлении в парижскую префектуру на предмет того, что Толстой является русским агентом[2]. После обыска, учиненного ему французскими властями, Яков Николаевич добился причисления к посольству: «Это звание было мне дано в 1843 году в следствие тех неприятностей, которым я был подвергнут в то время в качестве простого чиновника, не принадлежащего к дипломатическому корпусу и потому не пользовавшегося никакими преимуществами находящихся в заграничной службе. Полиция тогда имела право не только войти в мою квартиру и подвергнуть осмотру все мои бумаги, но и выгнать меня из Франции под самым ничтожным предлогом. Наконец, даже в 1848 г. ко мне приходили требовать, чтобы я поступил на службу в национальную гвардию...»[3]

Перемена участи

Смерть Николая I, окончание Крымской войны и смена руководства III отделения вновь заставили Толстого побеспокоиться. В сентябре 1856 года он обратился за новыми инструкциями и получил от шефа жандармов В. А. Долгорукова указание «продолжать занятия на тех же основаниях». Шпион особо хлопотал о восстановлении своего дипломатического статуса: «...Ныне могут возобновиться те же затруднения, так недавно, когда посланник представлялся императору Наполеону со всем личным составом посольства, я не был допущен к участию в этом, потому что мое звание как причисленного к посольству официально не известно г. посланнику Киселеву»[4].

Первый исследователь деятельности Толстого — Б. Л. Модзалевский, не обнаружив ни одной его корреспонденции в архивах министерства просвещения, писал, что должность Якова Николаевича «была крайне загадочна и неопределенна», чем он очень тяготился[5]. Попытаемся выяснить функции «литературного корреспондента» из его переписки со своим давним знакомым Петром Андреевичем Вяземским, назначенным в 1855 году товарищем министра народного просвещения. Получив от Вяземского задание проинформировать о состоянии бельгийской системы образования, Толстой отослал следующий рапорт: «...Честь имею донести, что по части народного просвещения в Бельгийской области нового ничего нет, лишь только пиво... в настоящем году не так мутно и видимо просветилось, по каковой причине число упивающихся им умножилось в значительном размере. Не знаю, от излишнего ли употребления пива, но я заметил, что бельгийцы глупеют и час от часу становятся бестолковее»[6]. Панибратский тон письма вряд ли понравился товарищу министра. Можно предположить, что именно поэт Вяземский был инициатором того, что в середине 1856 года министерство наконец-то вспомнило о своем литературном корреспонденте. Министр Аврам Сергеевич Норов 19 июня направил в III отделение запрос, надо ли высылать денежное содержание, «не получая никаких донесений от Толстого и не имея сведений о месте пребывания его». Леонтий Васильевич Дубельт ответил утвердительно: посылать, «пока он остается в этом звании». Норов на этом не успокоился и предложил «исключить из сметы на будущий год сумму для Толстого». 4 июля Дубельт деликатно предложил министру разобраться, «было ли жалование получаемо в министерстве, или только включалось в смету, а отпускаемо было из министерства финансов в 3 отделение»[7].

Просвещенному ведомству отводилась лишь роль легального прикрытия, однако министерство не оставило надежд привести в повиновение «своего» чиновника. 11 декабря 1856 года под предлогом поручения министра Вяземский потребовал от Толстого возобновить «прерванные сношения» и сообщил ему подробнейшие инструкции. Толстой выкручивался как мог: «Я старался всеми мерами прояснить этот сумбур и удостовериться, к какому ведомству я принадлежу. Желания мои инстинктивно влекли меня к Вашему министерству, а между тем кн. Василий Андреевич Долгоруков настаивал в том, что я только морганатически с Вами обвязан, а в сущности принадлежу вверенной ему канцелярии и что стою у него на бюджете.

ВЛАДИМИР ИВАНОВ

АКТЕРСКИЕ РАССКАЗЫ

Петр Мартынович Алейников обладал независимым характером. Может быть, поэтому он не имел звания ни заслуженного (получил его только посмертно), ни народного артиста, не был лауреатом, не награждали его ни орденами, ни медалями. Зато он был любимцем публики и таким остался навсегда.

После выхода на экраны фильма «Молодая гвардия» (1948 год), когда я приобрел достаточную известность, мы стали с ним вдвоем выступать на эстраде, по линии ВГКО (Всесоюзное гастрольно-концертное объединение). В те годы в Москве существовала еще одна «концертная организация», которая преследовалась судебными органами, поскольку была нелегальной и нигде не была зарегистрирована. Артисты называли ее ВОЛК, что означало — Всесоюзная Организация Левых Концертов. Жизнь заставляла нас не отказываться ни от «правых», ни от «левых» концертов — лишь бы платили деньги. Популярность Алейникова была столь велика, что стоило на обрывке газеты обозначить чернилами дату его выступления, как через час в кассе нельзя было купить ни одного билета.

Мы проработали на эстраде бок о бок не один десяток лет, и описать все случаи, свидетелем которых я был и которые рассказали бы о ярких чертах его стихийного характера, а тем более о его феноменальном таланте, очень трудно.

Я попытаюсь рассказать лишь о двух-трех из них, молва о которых и сейчас жива в актерских кругах, обрастая все новыми и новыми деталями. Но вначале маленькая предыстория...

Квартира

В те годы семья Алейникова из четырех человек жила в коммунальной квартире, занимая небольшую комнату. В коммуналке проживало много семей, на кухне была постоянная сутолока, теснота угнетала всех.

Отдельную двухкомнатную квартиру с удобствами Петр Мартынович получил едва ли не в самом конце своей жизни, и предшествовал этому забавный случай, повлекший массу пересудов. О нем и пойдет речь...

Незадолго до этого мы вернулись в Москву после длительных гастролей по Дальнему Востоку. Поездка была трудной — ночные перелеты и пересадки на поездах, перемена климата и часового пояса, напряжение в работе — все это не могло не сказаться на самочувствии. Еще в самолете Алейников жаловался, что по приезде негде будет отдохнуть, что в маленькую комнату гуртом повалят соседи по коммуналке. Так оно и случилось...

Во время застолья Петр Мартынович, слукавив, сказал, что ему надо выехать на киностудию. На самом деле он решил побыть в одиночестве, прогуляться по московским улицам, вдоволь надышаться свежим воздухом.

В те годы в Москве было немало закусочных и пивных, где в розлив продавали водку и пиво, где можно было заказать сардельки с горчицей, бутерброды, легкую закуску. Но такие популярные артисты, как Алейников, боялись туда заходить, поскольку их тотчас окружали пьяные поклонники, зазывая в компании, приставая с вопросами. Правда, из всякого положения можно найти выход. Многие артисты имели знакомых женщин, продававших в киосках газированную воду. Продавщицы, желая угодить своим кумирам, наливали в один стакан прозрачную газировку, в другой — такую же прозрачную жидкость, именуемую алкогольным напитком. Разумеется, подобный финт совершался с оглядкой, тайно, чтобы никто из посторонних не мог разгадать секрет, ведь продажа водки в киосках была строго запрещена. Таких знакомых продавщиц у Алейникова было немало. Он навестил одну из них, затем другую... И, поправив раздраженное душевное состояние, продолжил прогулку.

Путь его лежал мимо французского посольства, неподалеку от которого Алейников жил. Он остановился возле и долго рассматривал затейливую архитектуру здания. Потом ему захотелось посмотреть, что находится внутри роскошного особняка, и узнать, как живут богатые иностранцы. Милиционер, охранявший посольство, не только не остановил Алейникова, но даже, приветствуя любимого артиста, вскинул руку под козырек.

Петр Мартынович поднялся на второй этаж и очутился в просторном холле. Полюбовавшись старинными бронзовыми статуэтками, стенами с узорчатыми шелковыми обоями, он заметил в углу кушетку и присел отдохнуть. Усталость и бессонница дали знать о себе. Не в силах справиться с ними, он снял ботинки и уснул крепким сном.

Секретарь французского посла, проходя мимо, узнал Алейникова, но не осмелился потревожить, решив, что артист прибыл в посольство по чьему-то приглашению.

Позднее обстановка прояснилась. Секретарь посла понял, что артист оказался в холле по явному недоразумению. Все сотрудники посольства проявили галантную учтивость: они не тревожили артиста до утра, до тех пор, пока он окончательно не проснулся. Затем предложили принять душ и угостили отменным завтраком с настоящим французским шампанским.

— Вот так, Володя, — прихлопывая в ладоши и потирая руки, откровенничал на другой день передо мной Петр Мартынович, — теперь мне и в баню идти не надо. Отмыли французы до блеска, да еще и шампанским накачали!

Мы хорошо понимали друг друга — он знал, что об этом происшествии, кроме меня, никто знать не будет. Может быть, все это и осталось бы незамеченным... Но в те годы было много доносчиков, и случай этот принял скандальный оборот.

Случилось так, что обо всем узнала министр культуры Е. А. Фурцева. Она позвонила начальнику Главка кинематографии (так тогда назывался нынешний Комитет кинематографии) и приказала выяснить: по какой причине Алейников очутился в иностранном посольстве и не получал ли он на это от кого-нибудь приглашения? Начальник Главка, в свою очередь, позвонил директору Театра киноактера и попросил вызвать Алейникова к себе в кабинет для того, чтобы тот написал объяснительную записку.

Секретарь директора не без юмора рассказывала, что Алейников сам без тени смущения стал отчитывать директора театра.

— Вот у вас, у начальников, роскошные квартиры. Живете, как господа, — выговаривал он. — А у меня отдельной квартиры нет и не было сроду. Роли негде учить. Могу я когда-нибудь отдохнуть по-человечески, хотя бы у иностранцев? Никакой объяснительной писать не буду. Пусть начальник Главка напишет мне, почему у него роскошная квартира, а у артистов их нет. Пайки им всякие дают, дачи тоже. И вообще, почему на руководящих должностях в искусстве сидят исключительно бывшие партийные работники? Что они понимают в творчестве? Начальники областного управления культуры, или городского, или даже районного, не говоря о республиканских министрах, — все бывшие партработники. Кроме вреда, эти дармоеды ничего не приносят! Пусть начальник Главка поживет один месяц у меня в коммуналке, а я у него. Так и будем постоянно меняться, по принципу пилы — один раз ты мне, другой — я тебе. А то я устаю от тесноты. Бывает, к жене приедут родственники — и негде расположиться. Приходиться спать на антресолях, а забираться туда неудобно, об поточок можно шишки набить на голове, да и антресоли коротенькие, из них ноги торчат, а я в таком положении спать не могу...

Секретарь директора, рассказывая об этом, смеялась от души. Конечно, эта обвинительная речь в адрес начальства не могла быть запротоколирована слово в слово. Но мы хорошо знали характер артиста и не сомневались в подлинности ее содержания.

Прошло время, и об этом случае перестали вспоминать. Казалось, инцидент был исчерпан... Но неожиданно, как гром среди ясного неба, в театр пришла весть, что Петра Мартыновича Алейникова вы-

...Я до сих пор считал себя состоящим при мин[истерстве] просвещения как сбоку припека, или как плеоназм. Завися от трех министерств, я поневоле служу под трехцветным флагом»[8].

На ловца и зверь бежит

В современном понимании Яков Толстой был не агентом, а резидентом русской тайной полиции. Лишь очень условно его можно назвать «предшественником Рачковского и Гартинга на дипломатической полицейской службе в Париже», как выражался Д. Б. Рязанов[9]. Характер его деятельности совершенно иной. Яков Николаевич имел широкий круг общения, для многих русских путешественников он стал «усердным и многоведущим путеводителем». Известны его отзывы о посещении русских парижских салонов, в частности «office du Nord» — места собраний «толпы полу-ученых и полу-пьяных православных, но право не славных умников». Следил за книжными новинками: «С тех пор как у нас отворили настежь двери, сюда наехала куча писачек, которые заказывают множество книг, брошюр, статей и издают их под своими именами, в некоторых прокрадывается еще язык французский, смесь с нижегородским; все это обязан я читать...»[10] Приобретал необходимые издания по заказу III отделения и, с великими предосторожностями, для своих знакомых. Периодически публиковал по собственной инициативе статьи и брошюры в защиту России[11]. Однако литературные труды его были весьма посредственны. Летом 1861 года В. П. Бутков писал В. А. Долгорукову из Парижа: «В Париже Яков Толстой напечатал брошюру в нашу защиту, но эта брошюра так слаба, что лучше было бы не издавать ее вовсе».

В фондах III отделения мною не обнаружено сколько-нибудь систематических сведений о настроениях в правительственных сферах Франции, сообщенных Толстым в период 1856—1865 годов. Но какие-то связи при дворе он все же имел. 2 (14) октября 1856 года А. В. Головин писал кн. А. Барятинскому о болезненном состоянии Наполеона III: «...Его доктор Конно говорил Я. Толстому, что на самом деле его здоровье страдает от излишеств... от возбудительных средств им употребляемых, в особенности от вина». Впрочем, тот же В. П. Бутков справедливо указывал: «В Париже знать все, что делается, право, не трудно, это город сплетней...»[12]

В конце 50-х—начале 60-х годов III отделение чаще обычного просило Толстого навести справки о том или ином русском выходце. В июне 1860 года А. Е. Тимашев поручил ему сообщить сведения о личности Н. Семенова, «которого «Письма из Палермо» помещены в газете «Le Nord», затем о Мишенском, поместившем в «Courier du Dimanche» статью о книге эмигранта Петра Долгорукова «Правда о России». Очень интересовал III отделение и сам автор скандальной книги: «что делает в Париже» и «что вообще говорят о нем за границей». По своей инициативе Толстой сообщил о поведении Ю. Голицына, «который производит в Лондоне великий соблазн, опозоривая знаменитую фамилию Голицыных. Он поставил себя на ногу шутовского шарлатана. Огромные афиши висят на стенах над магазином, в коих объявляется, что будет дан великолепный концерт Его Светлостью Князем Георгием Голицыным, Российским Императорским Советником, Камергером Императора. Сам князь будет дирижировать оркестром. Англичане с их аристократическими чувствами смотрят на этот скандал с величайшим негодованием». Толстой также ходатайствовал о разрешении вернуться в Россию Н. И. Сазонову и кн. А. П. Гагарину, выехавшему из страны в 1835 году и работавшему в парижском страховом обществе под фамилией Гарена[13].

Особо остановимся на отношении его к А. И. Герцену. Я. Толстой отнюдь не принадлежал к числу почитателей Искандера, но при этом отдавал должное его таланту публициста. Возможность реально противостоять влиянию Герцена Толстой видел в успешной контрпропаганде. 20 июня (4 июля) 1857 года он пишет Вяземскому о желании написать «брошюру под заглавием «Голоса из-за границы», так чтобы книжка могла служить противодействием «Голосам из России». В марте 1858 года Толстой настойчиво пытается реализовать замысел издания «Анти-Колокола». В письме к Вяземскому от 17 (29) марта 1858 года читаем: «Обращаюсь к «Колоколу», который продолжает бить в набат без умолку, вот и 12 № с сим посылаю. Никто не смеет отзваниваться от него, поневоле многие принуждены слушать одни и те же звуки, а некоторые даже верить их мелодии. Конечно, анти-Колокол не будет иметь столько успеха, публика такова, что с жадностью читает порицания, ругательства, насмешки, а умеренные, правдивые, основательные рассуждения ставит ни во что. Но кто же мешает противоборствующему пономарю трезвонить колко, забавно, остроумно и тогда те, которые читают Лондонский колокол, или, по крайней мере, половина тех, будут с любопытством узнавать, что говорит его соперник. Самые возражения Сердечника-Искандера возбудят любопытство. Его же памфлеты раскупаются в неимоверном количестве»[14].

Практическую работу на благо охранного ведомства Яков Николаевич презирал. Неудивительно, что он весьма скептически отнесся к поручению Тимашева от 15 марта 1858 года — отправиться в Англию и установить контакт с авторами писем, переданных в III отделение С. С. Ланским и М. А. Корфом. Неведомые лица за крупное вознаграждение намеревались раскрыть пути доставки в Россию герценовских изданий, расплавить набор типографии и содействовать возможному аресту Искандера по приезде на материк. Резидент Толстой убедительно обосновал полную несостоятельность предлагаемого плана. По его мнению, желая отправить своего сына в Россию. Герцен начинает «смягчать слог статей своих в издаваемых им брошюрах и газетах». Яков Николаевич практически берет Герцена под защиту, включая его право жить за границей и владеть собственностью.

«Мы видим ясный пример в ничтожестве всех мер, принимаемых для арестования Маццини целой Европой, несколько лет сразу ловят его и все усилия до сих пор были тщетны... Впрочем, по моему крайнему разумению, мне кажется, что даже если бы Герцена выдали России, то наше правительство нашлось бы в большом затруднении, недоумевая, что с ним делать?» (Как установил И. В. Порох, на полях письма против последних слов Александр II написал: «В этом он ошибается»)[15].

Вместо ареста Толстой предлагал разузнать, «посредством какого книгопродавца и какими путями провозятся книги Герцена и других в этом роде русских писателей в Россию». В III отделении с его возражениями в принципе согласились.

Ошибка резидента

Изложенные выше подробности работы Толстого на благо III отделения позволяют уверенно заключить, что сколько-нибудь выдающимся полицейским воображением Яков Николаевич наделен не был. Однако для «оперативной работы» у него имелись агенты, услуги которых оплачивались им из собственного кармана. Познакомимся кое с кем из них поближе.

В 1862 году парижский торговец Е. Фортень изъявил желание за вознаграждение указать способы перевозки в Россию оружия и «возмутительных» книг и журналов. Выполняя поручение из Петербурга, Толстой направил к нему своего «благонадежного агента»: «Агент мною употребляемый, который еще в 1854 г. во время Крымской войны находился в Брюсселе, служил мне верно и усердно. Он служил в полиции в Париже, когда было министерство полиции во время «Coup d'Etat» [государственного переворота], и не будучи достаточно вознагражден, удалился в Бельгию, и ныне снова поселился в Париже. Имя его г. Шеню. Не имея никакого состояния и огромное семейство, он живет 200 франками в месяц, которые я ему плачу из собственных денег. Издержка эта для меня довольно чувствительна; он же этою платою не довольствуется, так что я подвергаюсь неприятности лишиться его услуг, которые во многих случаях бывают необходимы. Заменить же его решительно невозможно, ибо люди такого рода редко встречаются». Толстой просил выделить ему единовременное пособие, «хоть незначительное, но оно послужит ему поощрением»[16]. Шеф жандармов В. А. Долгоруков был иного мнения о ценности этого агента. На письме Толстого им сделана весьма характерная пометка: «Но он не приносит, по-видимому, никакой пользы».

Периодически пользовался Яков Николаевич и услугами французского журналиста Кордона. В справке, подготовленной 30 сентября 1854 года для шефа жандармов А. Ф. Орлова, отмечалось, что Толстой «очень часто упоминал об нем, как о надежном и ревностном агенте». Там же были зафиксированы и платежи: в 1848 году за статьи о России в журнале «Le Porte-feuille» Кордон был награжден 2400 франками и за предоставленные сведения получил 300 франков.

Этот агент, ко всему прочему, занимался военным шпионажем и в 1854 году составил сочинение о французской армии «из секретных источников». Не получив за это вознаграждения, француз лично обратился в III отделение. Этот запрос удивил руководство охранки. На письме Кордона сохранилась пометка: «Спросить Толстого про это. Ему даны на этот счет 2 тыс. руб. сер.»[17]. Может быть, Яков Николаевич, всю жизнь не вылезавший из долгов, на время придержал эти деньги?

Итак, в конце 50-х годов XIX века во Франции отсутствовала постоянная агентура и систематическая разведывательная работа. Расчет делался на разовые акции, на покупку интересующей информации.

«Литературный агент» Петербурга Яков Толстой прекрасно устраивал всех, пугая императора Николая I призраком революции. С переменой режима ветеран секретной службы явно вышел в тираж. Это наконец-то поняли и наверху. На сообщении В. П. Буткова В. А. Долгорукову из Парижа 29 июля (10 августа) 1861 года о том, что «Яков Толстой играет здесь роль самую ничтожную: я убежден в полной его беспомощности», Александр II пометил: «И я тоже».

После семидесяти Толстой стал все чаще мечтать об оставлении службы. В 1863 году он официально просил «пожаловать ему аренду или земли по причине совершенно расстроенного его состояния, уволить его от службы, продолжавшейся более полувека, а потому и надеется быть уволенным с пенсионом полного оклада, в таком случае старость его была совершенно обеспечена»[18]. Около года он провел в России в бесплодных хлопотах и вышел в отставку только в июне 1866 года. Меньше чем через год, 14 (26) февраля 1867 года, он скончался. III отделение выразило озабоченность тем, что его «бумаги могут попасть в руки французской полиции».

Со смертью Якова Толстого закончился романтический период существования российской заграничной разведслужбы. Но уже два десятилетия спустя стараниями П. И. Рачковского власти получили агентуру, способную быстро и эффективно противодействовать проискам внешних и особенно внутренних врагов существующего режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Модзалевский Б. Л. Я. Н. Толстой. СПб., 1899; Революция 1848 г. во Франции. Донесения Я. Толстого. Л., 1926; Тарле Е. В. Соч. Т. 6. М., 1959. С. 563—644, 776.
2. Записки И. Головина. Лейпциг, 1859. С. 112.
3. ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1836 г. Д. 191. Ч. 1. Л. 103—103 об.
4. Интересно, что об этом забыли и в III отделении. В записке, подготовленной для шефа жандармов, сообщалось: «В 1849 г. вследствие объяснения ген.-ад. кн. Орлова с министром иностранных дел, Толстой причислен к посольству нашему с оставлением в звании корреспондента... Но состоит ли он ныне по ведомству министерства иностранных дел 3 отделению не известно и в адрес-календаре он в числе чиновников министерства не значится» (ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1836. Д. 191. Ч. 1. Л. 13). Читателю судить, насколько велико было значение этого агента...
5. Модзалевский Б. Л. Указ. соч. С. 48.
6. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2863. Л. 126, 129.
7. ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1836 г. Д. 191. Ч. 1. Л. 87—98.
8. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2863. Л. 138—139. Толстой — Вяземскому из Парижа 11 (23) марта 1857 г.
9. Рязанов Д. Карл Маркс и русские люди сороковых годов. Пг., 1918. С. 61. (Автор, перепутав либерального помещика Г. М. Толстого с Я. Толстым, создал из последнего крупного агента-провокатора, близкого к европейской революционной эмиграции.)
10. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2863. Л. 156—156 об.
11. В конце 1856 года Толстой сообщал в III отделение, что за годы службы им опубликовано более 20 брошюр и помещено в различных изданиях более тысячи статей. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1836 г. Д. 191. Ч. 1. Л. 95 об.—96.
12. Русский архив. 1888. Т. 3. С. 555—556.
13. ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1860 г. Д. 104. Л. 3, 4 об.—5, 7; 3 эксп. 1860 г. Д. 39. Л. 1.
14. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 2863. Л. 144, 156 об.—157 об.
15. Скорее всего, Толстой действительно не исключал возможности примирения Герцена с правительством. См. Пассек Т. П. Из давних лет. Т. 2. М., 1963. С. 355; Порох И. В. Из истории борьбы царизма против Герцена// Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964. С. 134.
16. ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1862 г. Д. 311. Л. 4—4 об., 11—11 об.
17. Там же. Секретный архив. Оп. 4. Д. 192. Л. 340—341.
18. ОПИ ГИМ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 115. Л. 71.

Кадр из фильма «Большая жизнь».

Кадр из фильма «Случай в вулкане».

зывает «на ковер» министр культуры Е. А. Фурцева. Все решили, что это не к добру.

Был обескуражен таким поворотом дела и сам Петр Мартынович. При встрече я понял, что он находится в минорном настроении, что безысходность и даже страх поселились в его душе.

— Все, Володя, теперь не сносить мне головы, — скрипя зубами, в отчаянии каялся он, — меня загонят за Можай. В лучшем случае уволят из театра и запретят работать в кинематографе. А может вообще случиться история пострашнее...

— Что за страшная история?

— Как что?! Сослать могут. За примерами далеко ходить не надо. Вон, Каплер много сценариев о Ленине написал, а все равно в долгой ссылке побывал. Эрдман недавно оттуда вернулся. Эрмлера тоже ссылали. Или возьмем Зою Федорову. Ее сослали за связь с иностранцами. Тату Окуневскую — по этой же причине. А поскольку мое дело связано с посольством, могут политику пришить. Это у них делается запросто. И пикнуть не успеешь, как в Магадане окажешься.

Через некоторое время печать уныния и безысходности исчезли с его лица.

— Ну, ладно. Хватит рыдать. Давай составим план действий на будущее. К Фурцевой мы вместе поедем! Тебя в министерство, конечно, не пропустят. Подождешь у входа. Это на тот случай, если меня куда-нибудь дальше повезут. Узнаешь, куда повезли, зачем повезли.

Мы встретились с ним в назначенный день и час. Он стоял на улице, у парадного входа своего дома, и нервозно переступал с ноги на ногу.

Не успели мы найти такси, как по дороге попался киоск, где продавалась газированная вода. Петр Мартынович остановился.

— Ты знаешь, не могу овладеть собой. Трясет меня, как в лихорадке, на нервной почве. Надо выпить.

— А стоит ли?

— Сто-оит! Ты видишь — я в нервном шоке. Может черт знает что произойти. Могу до министерства не доехать. Надо выпить!

Продавщица, услужливо улыбаясь, спросила:

— Сколько вам, Петр Мартынович?

— Давай полный стакан. Нездоровится что-то.

Она налила полный стакан водки, такой же стакан газировки и на закуску предложила конфету. Петр Мартынович выпил. После него такую же процедуру проделал и я.

Не успели мы отойти от киоска и десятка шагов, как он опять занервничал.

— На меня не подействовало. Необходимо выпить еще. Для смелости.

Мы вернулись. На сей раз он приложился к стакану дважды. Лицо его порозовело и опять стало веселым и беззаботным.

Машину нашли быстро. У входа в министерство стали прощаться. Он поцеловал меня, до боли сжал руку. Сделав несколько неуверенных шагов, вернулся и опять стал прощаться, будто уходил на заклание. Наконец, он скрылся за дубовой дверью парадного, а я, согласно договоренности, остался ждать в машине.

О курьезных подробностях разговора с министром Петр Мартынович в тот день не посчитал нужным мне рассказать. Со своей стороны я понимал, что он находится в крайне возбужденном состоянии и неудобно приставать к нему с вопросами. Садясь в машину, он бросил только одну фразу: «Все в порядке!» — а потом всю дорогу молчал, точно загадочный сфинкс.

«Ничто не может быть тайным, что не стало бы явным», — говорится в Священном писании. Через пару дней через третье лицо мне стали известны все подробности... Мой однокурсник по актерскому факультету ГИТИСа Василий Назаров по окончании института по непонятным причинам, вместо того чтобы стать актером, стал крупным чиновником в Министерстве культуры СССР. Его карьера была столь стремительна, что уже через несколько лет он получил должность заведующего отделом кадров. Перед ним стали ломать шапку не только руководители театров, музеев и других зрелищных учреждений, но и заведующие отделами культуры республик и областей и даже республиканские министры. Бывшие соученики уже не осмеливались называть его Васей, а звали не иначе как Василий Николаевич. Именно с ним я встретился в Доме кино через пару дней, и он поведал мне о случившемся.

— Ну и шалопай ваш Алейников! — с тенью нескрываемого превосходства протянул он, отозвав меня в сторону.

— А что такое?

— А то, что он хулиган. Вел себя перед министром как скоморох какой-то. Возмутительно!

— Что случилось?

И Вася, то бишь Василий Николаевич, начал свой рассказ. Вероятно, он не напрасно закончил актерский факультет. Он мог бы стать достойным актером. Рассказ свой он вел образно, в лицах, сопровождая его различными жестами, гримасами, то и дело меняя интонации.

Алейников был встречен референтом министра и препровожден к ней в кабинет. Не выходя из-за стола, она первая начала разговор:

— Здравствуйте, Петр Мартынович.

— Здравствуйте, коли не шутите, — неприветливо откликнулся Петр Мартынович.

— Какие уж тут шутки, — сменила тон Фурцева. — Здесь дело не шуточное. Я пригласила вас, чтобы поговорить по душам. До нас дошли слухи, что вы излишне увлекаетесь спиртным...

— Так это только слухи, Екатерина Алексеевна!

— Тогда как объяснить тот факт, что вы, пьяный, очутились во французском посольстве, да еще заснули там в холле на кушетке?

— Я пьяным не был. Не шатался, на полу не валялся. Просто приустал немного.

— Да, поймите вы, что это иностранное посольство, это уже иностранная территория, туда посторонним вход воспрещен, из-за этого могут быть неприятности.

— Какие неприятности? Если я побывал на их территории, не пойдут же они на нас войной, как при Бонапарте. Не то время сейчас.

— Бонапарт здесь ни при чем.

Пора покончить с алкоголем. Сегодня вы заснули во французском посольстве, завтра заснете в американском. Вот и сейчас в кабинет к министру вы пришли, как говорится, абонкураж, то есть под хмельком. Ведь вы выпили сегодня, и выпили изрядно?

— Так ведь я от ра-адости, Екатерина Алексеевна. От ра-адости! Сама Екатерина, можно сказать Великая, пригласила к себе в кабинет, как тут не радоваться? Ведь никто и не поверит, что я вас воочию видел. Такое и во сне не может присниться. От радости я, Екатерина Алексеевна...

Фурцева рассмеялась, вышла из-за стола, держа в руках какую-то бумагу, и сказала назидательно:

— Давайте договоримся с вами, что вы больше не будете увлекаться алкоголем. Нехорошо это. Вы известный артист, с мировым именем, а ведете себя как мальчишка. Мыслимое ли дело — врываться в иностранное посольство? Так вы можете и к министру на квартиру безо всякого разрешения прийти. И на этот счет у меня возникает опасение.

— А не надо опасаться, Екатерина Алексеевна, у вас охрана и никого к вам не пускают.

— Допустим. Но поймите, всему есть предел. Я знаю, что у вас нет квартиры. Давайте договоримся с вами... Вы раз и навсегда бросаете пить, а я сделаю так, что вы получите хорошую отдельную квартиру. Я уже позаботилась об этом. Заключаем обоюдный договор. Согласны?

В ответ Алейников развел руками и промычал что-то невнятное.

— Хорошо. Я понимаю вас. Вы мне не верите. Тогда первый шаг сделаю я, — решительно заявила Фурцева, осознавая, что разговор затягивается. — Я вручаю вам ордер на новую двухкомнатную квартиру. Будете там жить со своей семьей. Квартира эта выдается вам из неприкосновенного государственного фонда. Она находится па площади Восстания в высотном доме. Дом заселен уже давно. Там живут исключительно порядочные люди. Можете туда въезжать хоть сегодня. Никаких хлопот это не доставит. Найдете коменданта высотных зданий, он находится в этом же помещении, отдадите ему ордер, а он вручит вам ключи. Все очень просто. Если будут осложнения, позвоните моему референту.

Получив ордер, Петр Мартынович некоторое время рассматривал его, затем начал пританцовывать, задирая ноги и выкидывая трюкачеСкие антраша:

— Ух ты-ы! Тру-ля-ля!!

А дальше началось и вовсе непредсказуемое. Расшаркиваясь перед министром, отбивая поклоны и приседая в реверансах, он начал изливать благодарность похожую на причитания:

— Заступница ты наша, Екатерина наша великая, уж не знаю, как благодарить! Не смею ручку поцеловать! Любимица наша, благодетельница. Матушка-барыня, век тебя не забуду! Уж если тебе детишек покачать или дровишек наколоть, то я с превеликим удовольствием. Благодатная ты наша...

Фурцева замахала руками.

— Уберите его!

Помощники министра взяли Алейникова под руки и вывели из кабинета.

Через час об этой встрече знали уже все сотрудники министерства. А еще через несколько дней — вся Москва.

ОХОТА

Фильм «Земля и люди» (по рассказам писателя Троепольского) был дебютом кинорежиссера С. И. Ростоцкого. В нем снимались П. Алейников, М. Пуговкин, А. Кубацкий, В. Телегина, В. Алтайская, Е. Кривцова и многие другие известные киноактеры. Был приглашен на съемки и я.

Ростоцкий решил снимать фильм в Подмосковье. В самом начале весны, когда снег еще не сошел, киноэкспедиция прибыла в деревню Лепешки, Пушкинского района, Московской области. Нужно было успеть снять зимнюю натуру.

Мне редко приходилось видеть такую бедную деревню. Хлеб привозили один раз в неделю, и то не всегда. Крестьяне, работавшие от зари до зари в колхозе, чаще всего ездили за хлебом в райцентр, а то и в Москву. Иногда они на всю ночь выстраивались возле деревенского ларька. В основном продукты приходилось привозить из Москвы.

Когда растаял снег и весна пошла на убыль, Алейников предложил пойти на охоту, чтобы «добыть вкусное пропитание».

— Оголодали мы с тобой, Володька. Возьми рюкзак. Без добычи не останемся. Сейчас весенняя тяга вальдшнепов. Я привез из дому бельгийский пятизарядный винчестер. Мне его Водопьянов подарил. Бьет как автомат, перезаряжать не надо. Штук пятнадцать птичек подстрелим, как пить дать. Чует мое сердце! Может, и зайчишка попадется.

Нас сопровождал местный парень Коля Гусев, он хорошо знал окрестности и уверял, что мы найдем для охоты самое удачное место.

— Добыча будет! — заверил он.

Не прошло и часа, как мы уже стояли в лесу, выбрав удобную позицию возле широкой просеки. Вечерело. Темнота еще не наступила, но на горизонте, за вершинами деревьев, уже заалел закат.

В это время на дальнем конце просеки появились первые вальдшнепы. Их громкое хорьканье перекрывало все лесные звуки. Казалось, они летели именно в нашу сторону, и в предвкушении удачи мы замерли. Но не успели вальдшнепы приблизиться на расстояние выстрела, как началась ружейная пальба. Звуки выстрелов захлестывали друг друга, и порой казалось, что рядом очередями бьет крупнокалиберный пулемет.

Лишь один вальдшнеп черной точкой промаячил над нашими головами. Петр Мартынович сделал подряд три выстрела, но успеха они не имели.

С унылым видом возвращались мы обратно. Приятный ужин ускользнул...

По возвращении в деревню Коля, заметив наше разочарованное, состояние духа, сбегал к кому-то из друзей-охотников и принес убитого вальдшнепа.

— Что же с ним делать? — недоумевал Петр Мартынович. — Приготовить мы его здесь не сможем. Придется, пока ночь не наступила, ехать в Царево, там быстро в чайной приготовят.

Деревня Царево находилась в двух

Кадр из фильма «Семеро смелых».

Кадр из фильма «По щучьему велению».

километрах от Лепешек. Там до поздней ночи работала чайная, единственная на всю округу, где продавалось спиртное. Шофер студийного грузовика подбросил нас туда, благо это было близко.

Хозяйка чайной встретила нас приветливо:

— Давайте сюда вашу добычу. Сейчас мы ее крутым кипятком ошпарим, перья сами отскочат. С закуской у нас плохо. Кроме хамсы, ничего нет. Дома картошка есть. Могу принести.

— Неси, неси, — подхватил Петр Мартынович. — Да и мужа приводи. Угостим его немножко.

Хозяйка чайной жила рядом и через несколько минут появилась вместе с мужем. Муж у нее был инвалид, без правой руки.

— На войне руку-то потерял? — сочувственно спросил Петр Мартынович.

— А то где же...

— А еще инвалиды в вашей деревне есть?

— Хвата-ает. Нынче все инвалиды по деревням разбрелись. Здесь худо-бедно, а в огороде можно картошечки откопать, свеколку, капустку. Подножный корм есть. А в городе что? Там инвалидам смерть. На работу не берут, приказ такой есть. А если честно говорить, работать-то мы не можем. Какие из нас работники, когда мы покалеченные. У меня вот на теле сплошные раны. Еле ноги передвигаю.

— Сколько же у вас в деревне инвалидов, если точно подсчитать? — полюбопытствовал Алейников.

— Если взять безруких и безногих, то таких пять человек. А я шестой. У моего соседа обеих ног нету. Здоровых мужиков из нашего поколения почитай не осталось. А молодые или все в город подались, или в соседних деревнях по бабам шастают, дерутся из-за них; некому работать-то...

Петр Мартынович выслушал инвалида. Потом, тряхнув головой, стукнул по столу:

— Вот что, друг. Собери-ка сюда инвалидов, которые без рук да без ног. Угостить я их хочу. Пусть прихватят лучку репчатого или чего другого. Одного вальдшнепа на закуску маловато будет.

— Так ведь много нас. Говорю, шесть человек, если всех посчитать.

— Вот всех и собери, да поскорее. А то после охоты есть хочется. Проголодались очень.

Инвалида, не имевшего обеих ног, Петр Мартынович усадил рядом с собой. Столы были сдвинуты. Не хватило стульев, но нашлась старая скамья. Появились на столе картошка в мундире, квашеная капуста и даже немного солонины.

Петр Мартынович налил всем по

полстакана водки и произнес тост за простых солдат, проливших на войне кровь, победивших фашизм.

Потом каждый наливал себе сколько хотел.

— Много у тебя водки-то? — поинтересовался Петр Мартынович, обращаясь к хозяйке.

— Мно-ого, — ответила хозяйка.

Она тоже выпила полстакана. Спиртное сморило ее, и вскоре она заснула за прилавком, поручив мужу распоряжаться.

Петр Мартынович был некурящий и терпеть не мог табачного дыма, но инвалидам разрешил курить.

В комнате сизыми слоями поплыл махорочный дым, бутылки с сургучной коричневой головкой открывались одна за другой. Все разговаривали, перебивая друг друга. Вспоминали тяжелую пору военных дней, сетовали на нелегкую сельскую жизнь, на то, что теперь деревня обеднела окончательно, и еще на то, что молодежь бежит из села в город и некому работать на фермах и в поле.

Редкое застолье случается без пения. Первым запел Петр Мартынович:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит.
То мое, мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит...

Я начал вторить. Когда запели «Догорай, моя лучина, догорю с тобой и я!» — безногий инвалид заплакал и стал бить себя кулаком в грудь, выговаривая непонятные слова. Ему налили полный стакан водки, он выпил и, откинувшись на спинку стула, заснул.

Пели долго и много: «Хасбулат удалой, бедна сакля твоя...», «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой!», «Белоруссия родная, Украина золотая. Наше счастье молодое мы стальными штыками оградим!»

Не закончив одну песню, начинали другую, стараясь перекричать друг друга...

Ночь прошла быстро. Никто из нас не заметил, как за окном стало светло. Хозяйка проснулась и заявила, что ей пора идти в церковь.

Мы решили пойти с ней.

На пороге у входа в храм нас встретил церковный староста.

— Здравствуйте, товарищ Алейников... Здравствуйте, товарищ Иванов. А нам уже известно, что вы всю ночь в чайной с инвалидами прогуляли. У нас церковь в шесть часов утра открывается. На два часа раньше, чем в городе.

— Вы уж простите нас, — стал извиняться Петр Мартынович, — выпили мы лишнее.

— Бог простит. В Евангелии сказано, что надо угощать слепых, хромых и нищих. Так это возместится вам. Господь простит вас.

Мы поставили перед иконами свечи. Староста решил оказать нам услугу и предложил вернуться в Лепешки в легкой бричке. Мы уселись в нее и пустились в дорогу.

Петр Мартынович по дороге откровенничал:

— Хорошо, Володя, что мы с тобой ни одного вальдшнепа не убили. Ты слышал, как они летели и разговаривали между собой? Живые существа. Грех их убивать. Приеду в Москву и продам свой винчестер или подарю кому-нибудь...

ФОТО ВАЛЕРИЯ ГУНЬКОВА

Скрепы русской семьи

В ночь на Ивана Купалу

Песня остается с человеком

НИНА МИНЕНКО,
доктор исторических наук

«ВСЕПРЕЛЮБЕЗНАЯ НАША СОЖИТЕЛЬНИЦА...»

Девичья честь

О чем могла мечтать крестьянская девушка в старину? Конечно, не о карьере. Она мечтала о том, чтобы удачно выйти замуж, родить здоровых детей и никогда с ними не разлучаться, чтобы в семье ее любили, а в селе или деревне, где жила, уважали. «Красна пава перьем, красна баба мужем» — учила пословица. В родительском доме на девушку смотрели как на временную гостью. У нарымских крестьян, например, мать, желая приласкать свою дочь, обращалась к ней со словами: «Гостьюшка моя». «Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай», «Сын глядит в дом, а дочь глядит вон», «Дочь — чужое сокровище» — эти пословицы имели широкое хождение в русских деревнях Сибири и Урала в XVIII—XIX веках.

Девушка ждала свадьбы, неизвестный суженый-ряженый манил и тревожил воображение, был главным предметом ее бесед с подругами. Но замуж на Урале и в Сибири выходили сравнительно поздно. «Девушки не выходят долго замуж, наслаждаясь свободою...» — писал о енисейской деревне первой половины прошлого столетия местный губернатор А. П. Степанов. Ему вторил путешествовавший по Сибири в 1858—1861 годах Ив. Мевес: «Сибирская девка не скоро выходит замуж, желая наперед отпраздновать вволю свое девичество».

Некоторые наблюдатели объясняли позднее замужество тем, что родители девушек стремились подольше задержать их в своих семьях в качестве даровых работниц. Чаще всего замуж выходили в возрасте 20 лет и старше. Помещики, администрация пытались бороться с этой традицией. Например, во владениях Строгановых и Лазаревых в Пермском уезде вотчинным управлениям предписывалось следить, чтобы крестьянские девушки вступали в брак в возрасте до 17 лет. Однако, по данным на 1816 год, 65,3% от общего числа браков, заключенных помещичьими крестьянами, составляли такие, в которых возраст невесты колебался в пределах 21 года — 30 лет. Малоэффективными оказывались и меры, предпринимаемые казенной администрацией. В 1771 году губернатор Д. И. Чичерин констатировал, что в Сибири «во многих деревнях крестьян великое число холостых проживает от тритцати и до сорока лет, не имея невест; напротив, и девки до таковых же лет сидят, которых отцы держат по своим прихотям для работ». Всем уездным «командирам» Чичерин приказал «девок» в возрасте свыше 25 лет, которые на 1 января 1772 года останутся незамужними, «выслать на Барабу, где отдавать в замужество за посельщиков». В 40-х годах XIX века один из сибирских старожилов рассказывал И. Корнилову, что в пору его молодости по местным деревням разнесся слух, будто всех девушек отправят в Барабу — в жены ссыльным «водворенцам». «Этот слух, — продолжал старик, — до того напугал невест, что даже... разборчивые с перепугу стали поспешно выходить замуж». Однако скоро испуг прошел — никто из засидевшихся в невестах не пострадал; указ Чичерина остался лишь на бумаге.

Вступление в брак принципиально меняло роль человека в семье и обществе, его права и обязанности. «Женится — переменится», «Жениться — переродиться», — говорили крестьяне. Молодежь пользовалась большой свободой. «Молодо-зелено, погулять велено; выйдет замуж и гулянки забудет», — не раз слышала в деревнях Алтая в конце XIX века М. Швецова, автор этнографических работ. В Шадринском уезде в середине этого столетия А. Н. Зырянову удалось записать песню, героиня которой — крестьянская девушка — сетовала на то, что пришел конец ее «воле», она выходит замуж: «Возамуж иду! Больша это досадушка».

Время девичества крестьянка называла «счастливейшим» в своей жизни. Начиналось оно довольно рано. В некоторых местах уже в 8 лет девочки собирались на «посиденки». С 12—13 лет участвовали в хороводах, с 14-ти посещали вечерки. На молодежных собраниях время, как правило, проводили в песнях, играх, плясках, сопровождавшихся многочисленными поцелуями. Хрисанф Лопарев вспоминал, что в его родном селе Самарове Тобольского уезда особенно весело праздновался Ильин день. Праздник, собственно говоря, занимал три дня: 20, 21 и 22 июля. Причем 22 июля, после поднятия флага на Мирославской горе, молодежь взбиралась «на высоту, откуда открывается прелестный вид на село и Иртыш». Здесь она развлекалась «в хороводах и пляске», и не было в этом веселье «ни принужденности, ни чопорности, ни натянутости». «В былые годы, — вздыхал мемуарист, — и я веселился там, пел, плясал и целовался с девицами под текст песен. Есть чем вспомнить то время!»

Человеку со стороны поцелуи на вечерках и в хороводах казались проявлением чрезмерной «вольности нравов». Чиновник Н. А. Костров писал о томских крестьянах: «...родители, надеясь всегда иметь женихов для своих дочерей, на беспорядочную жизнь своих дочерей смотрят весьма снисходительно, о чести женщины здесь нет возвышенных понятий...» «Отношения между парнями и девушками очень свободные, даже распущенные», — поддерживала его М. Швецова, побывавшая в Роддирском крае. Священнику И. Королькову из Кузнецкого уезда представлялось, что и женщины местные «нетверды в путях своих, и дщери их, еще и невзрослые, имеют большое поползновение ко злу — строют между собою вечерки, производят пляски и, скачуще, играют свирелями уд своих...».

Прежде всего надо подчеркнуть, что к объятиям, поцелуям парней и девушек крестьяне относились иначе, чем люди из образованных слоев. Поцелуй был чем-то вроде приветствия, доказательства расположения, сердечного поклона. Показателен случай с писателем П. И. Небольсиным, в 1840-х годах побывавшим на Урале и в Сибири. В одном из селений он остановился в доме зажиточного крестьянина. «Это был высокий, плечистый, седой как лунь мужчина, с молодецким выражением лица», — пишет Небольсин. Особое впечатление на путешественника произвели жена и дочь хозяина. Оставшись на некоторое время с девушкой наедине (хозяева хлопотали с самоваром), гость разговорился с ней и вдруг заявил: «Ах, как ты хороша, девушка! Дорого бы я дал, чтоб тебя поцеловать в губки...» «Если я те по нраву, как ты мне пришелся, так я и сама поцалую!» — откликнулась Глаша. «И с этим словом, — пишет Небольсин, — она так горячо прильнула ко мне, что у меня голова закружилась, в глазах потемнело и зазвенело в ушах». Для путешественника, по его оценке, происшедшее являлось «не совсем нравственной шуткой». Глаша же не видела в поцелуе ничего безнравственного.

На вечерках, в хороводах едва ли не все перецеловывались друг с другом. В данном случае поцелуй был обязательным элементом игры. Конечно, парень старался сорвать побольше поцелуев у той девицы, которая была ему по сердцу. Иногда игра могла зайти далеко — природа брала свое, — и у «девок», по выражению священника Е. Ландышева, рождались «живые существа». Крестьяне не видели в этом трагедии. На основе устных бесед с тысячами деревенских жителей, изучения более двух тысяч решений крестьянских судов С. Л. Чудновский, например, пришел к выводу: крестьяне «не особенно строго относятся к потере девушками целомудрия»; отсутствует в их среде и презрительно-оскорбительное отношение к «незаконнорожденным». Другой наблюдатель утверждал, что в Сибири парни охотно женились на «девках», родивших 1—2 детей, как на «показавших на деле способность к деторождению». Крестьянин Арефа Паршуков из села Новоенисейского Бийского ведомства в июне 1769 года венчался с «девкой» Акилиной Балахниной, которая «напредь сего города Енисейска в деревне Шадрянной. будучи в девках, родила двух младенцев». При этом Арефой вовсе не руководили соображения долга или жалости. Самым уди-

вительным было то, что невеста была «отчасти глуха, хрома и горбаста». На Урале, в Красноуфимском уезде, по утверждению крестьянина А. Н. Гладких, если после сговора накануне венчания обнаруживалось, что невеста утратила невинность, дело «не рассыхалось». «Говорят обыкновенно: «вперед не узнато, не полизешь в ее, а, может, издасса ишшо лутше-лутшова», подразумевая в этом «лутшем» уж, конечно, «не дивичье баловство», а то, что дорого ценится в крестьянском быту: «здело на все» в работе, по хозяйству, ласковость с большаками и мужем, а «грех дивичей — говорят — прикроется винчом», т.е. венцом», — пишет Гладких. В семьях старообрядцев Пермской губернии нередкими были случаи, когда дети одному из супругов приходились не родными, а приемными — они «приживались» матерями «в девках».

При всем том господствовало мнение, что «порядочная» девушка должна оставаться целомудренной до выхода замуж. Во всех вариантах свадьбы, которые дошли до нас с XVIII—XIX веков, присутствует обычай осмотра рубашки, в которой новобрачная впервые принимала мужа «на брачном ложе». Если обнаруживалось, что родители не смогли «уберечь» невесты, на ними подшучивали: подавали им за столом стаканы без дна и пр. В Енисейском крае, если невеста доказывала свою «честность», поезжане на следующий день после «пира» у новобрачного отправлялись к родителям молодухи «с доказательствами радости». Входя в дом, дружка возглашал: «Благодарим, что умели детище поить, кормить и нашего князя молодого наделить: как из купели, так и под злат венец!» В одной из местностей Пермской губернии в случае, если невеста оказывалась не девственницей, на шею свахе или матери невесты надевали хомут. Когда же все обстояло благополучно, по прибытии родителей невесты в дом новобрачного их щедро угощали, а свахи бросали им под ноги корчаги или горшки, приговаривая: «Вот, любезные сватовья, ради молодых нам ничего не жалко, все будем ломать да бить; (называли имя и отчество невесты) не постыдила себя и нас в бесчестье не привела, в хомут не посадила! Ну, и вам спасибо, что сумели вспоить, вскормить дитятко не на смех добрым людям». В Сургутском уезде, когда обнаруживалось, что молодая до свадьбы утратила невинность, ее страшно позорили, а ее родственники даже не осмеливались явиться «на пированье» в дом жениха.

Каждой девушке хотелось сохранить хорошую репутацию и в день свадьбы публично продемонстрировать свою «честность». В некоторых местностях «девица», имеющая ребенка, не могла надеяться на замужество. У русских на Индигирке детей, прижитых незамужними, называли пренебрежительно «прижитками», «заугольниками», «девьими». Случалось, однообщественники предпринимали в отношении проявивших «слабость» девушек специальные меры. Например, крестьянская дочь Кукшенева из деревни Березовой (Кузнецкий уезд) в октябре 1864 года была поймана «на месте в незаконной связи с женатым крестьянином Новиковым». Волостной суд приказал «девке» срочно «выйти за когонибудь замуж», чтобы он «прикрыл грех». У русских на Индигирке рассказывается о случае, имевшем место в середине 80-х годов XIX века: красавица, певунья и плясунья Агафья Шкулева родила третьего «девьего» ребенка, причем все дети были от разных парней. Староста принял решение наказать ее за «похождения» розгами.

Молодежь обычно подсмеивалась над «прохудившимися» девицами. Правда, существовала пословица: «Не смейся, братец, над чужой сестрицей, своя в девицах». Если в деревне оказывалось немало привержениц «легких нравов», дурная репутация закреплялась за всеми местными девушками. Если ктолибо из парней заводил «интригу» в чужой деревне и об этом становилось известно, местные парни могли подкараулить влюбленных в момент их близости и подвергнуть осмеянию. Юношу переодевали в женское платье, его подругу — в мужское и в таком виде проводили их по деревне. Окна и стены дома, в котором жила утратившая «девство» девица, а также ворота иногда вымазывали дегтем или калом; могли просто повесить на воротах выпачканную в дегте дохлую курицу. С другой стороны, за клевету, «обнесение чести девушки», поведение которой на самом деле оказывалось безупречным, на сходке наказывали розгами и заставляли уплатить штраф.

Надеясь скрыть свое «грехопадение», некоторые «девки» старались избавиться от плода или даже от новорожденного ребенка. По сообщению ялуторовского окружного врача Надеждинского, у знахарок всегда имелась в запасе «изгон-трава» для вытравления плода у беременных. На сходе жителей деревни Евсиной Томского уезда (1820 год) Агафья Вагайцова призналась, что «находится незаконным обременением» и что «девка» Авдотья Яркова ей «для истребления младенца давала траву». «Общество» деревни Меньщиковой Каинского округа (1809 год) «заметило», что дочь крестьянина А. Черданцева беременна, и, «чтобы не дать ей возможности известь ребенка», возложило на отца обязанность строгого надзора за ней.

Лучшим вариантом для девушки, потерявшей невинность, был тот, когда ее «соблазнитель» покрывал «грех» женитьбой. Надо отметить, что в некоторых районах допускалось добрачное сожительство жениха и невесты. Нередко девка в оправдание своего поведения как раз ссылалась на обещание парня взять ее замуж. Так, в 1725 году «била челом» на имя государыни Екатерины Алексеевны тюменская крестьянская дочь Марья Костылевых на «пашенного крестьянина Лариона Яковлева сына Зеркалова», который обещал взять Марью «в замужество» и от которого она имела младенца. «А ныне, — заключала Марья, — оной Зеркалов, зговорясь сватовством, и берет за себя другую и тем меня бесчестит напрасно, и ныне отец мой для того бесчестия сослал меня из дому своего». Дочь пашенного крестьянина Семена Быкова девка Маланья, которая «предалась» на «божбу и на ласковые клятвенные слова» своего односельчанина, также жаловалась тюменскому воеводе, что женихи в нарушение их прежнего «зговорного совета» «сватаетца на других». На допросе в Катайской земской конторе (1742 год) беременная «девка» Варвара Алексеева призналась, что «прижила» младенца с крестьянским сыном Марком Качалковым, а «сошлись сами собой по любви, потому что он, Марко, уговаривался и обещался пред Богом взять меня себе в законную жену». Правда, сам Марко

утверждал, будто никакого уговора между ними не было и жениться на Варваре он не желает, поскольку она ему досталась уже не девушкой («а хто растлил, про то не знаю»). Дней 20 местный управитель продержал Алексееву и Качалкова под арестом, пока последний не заявил о своей готовности вступить с Варварой в брак.

Надо отметить, что и власти, и община преследовали вероломных женихов. Их либо били «батожьем в торгу з барабанным боем, чтоб на то смотря, другим делать так не повадно было», либо, в соответствии с указами 1722 и 1753 годов, силой венчали с «обесчещенными девками».

Канцелярия Главного правления уральских заводов сочла необходимым наказывать и «девок». 13 июня 1735 года она издала указ, которым предписывалось уличенных «в блуде» крестьянских вдов и девок «для конечного оных мерзостей пресечения» выдавать замуж за ссыльных, присланных в работу на заводы, «а не по их воле, за кого они похотят». «Также, как видно, — говорилось в указе, — что такие в девках продерзости наиболее происходят от нерадения и, может быть, с позволения родителей; того ради и родителям, которые ведали, а от такого злодеяния не удерживали, чинить наказания жестокие», вплоть до определения на год в каторжную работу. И канцелярия добилась того, что сами родители доносили на своих дочерей. Так, 18 декабря 1738 года вдова Ульяна Ермолина из Красномыльской слободы, явившись в земскую избу к старосте, заявила, что дочь ее Офимия «чреваста», а с кем прижила младенца, не знает. Началось следствие. Местные управители иногда своей волей смягчали наказание «блудодейкам». В апреле 1740 года в Катайской земской конторе рассматривалось дело о «прижитии» ребенка крестьянской девкой Домной Белковых из Тамакульской слободы. Домна призналась, что жила «блудно» с крестьянским сыном Иваном Хомутовым, обещавшим «ея взять в замужество». Управитель приказал Ивана и Домну наказать публично плетьми и затем Ивана освободить «на поруки». Домну же предписано было выдать замуж. Причем, хотя по указу ее полагалось выдать за ссыльного, управитель распорядился «объявить здешним обывателям, что ли пожелает ея взять в замужество», и отдать «охотнику». Только если таких «охотников» не найдется, Домну следовало отправить на Каменский завод или в Екатеринбург и там обвенчать со ссыльным.

Со временем ситуация менялась в сторону ослабления контроля светского начальства за этой сферой крестьянской жизни. Однако на всем протяжении XVIII—XIX веков подавляющая часть крестьянских девушек на Урале и в Сибири оберегала свою честь; на их стороне оставалось общественное мнение. «Девушка гуляй, а

дельцо помни»— предупреждала пословица излишне доверчивых представительниц прекрасного пола.

Честь семьи

«Куда иголка, туда и нитка», — говорили в старину крестьяне, подразумевая под иголкой мужа, под ниткой жену. Муж считался главой дома, и жена обязана была ему подчиняться. Сварливых и непокорных мужьям разрешалось наказывать. В тобольских деревнях существовала на этот счет пословица: «Сколочена посуда два века живет». Однако бить жену «без дела», жестоко с ней обращаться, унижать ее (в крестьянском понимании) муж права не имел. Жители деревни Другановой Тюменского округа в «повальном обыске» осудили Петра Ляхова — «по несогласному с женой ево Анной Васильевой житью и чинимой частовременной стежи». Единодушное порицание было высказано «обществом» деревни Косаревой Туринского уезда (1741 год) крестьянину Гурию Косареву, который с женой «жил не в любви и бил ее... безвременно и безвинно». В 1782 году земляки С. Павлова из деревни Шарчиной (Алтай) доносили по начальству, что он «жену свою бьет» неизвестно за что, и просили призвать распоясавшегося самодура к порядку, поскольку сами не могут с ним «пособиться» (цитаты из крестьянских писем здесь и далее — по материалам архивов Тюменской и Свердловской областей).

Сами женщины, как правило, не выдерживали совместной жизни с подобными самодурами. Нередко они спасались бегством, вступали в новый брак. Если муж-самодур был «примаком», его просто могли выгнать из дома. Так, когда Алексей Михайлов сын Горохов решил жену свою «порядочно поучить», она обратилась за защитой к родным отцу и матери, в доме которых жили молодые. Расходившегося супруга с треском выставили за дверь. «А жена моя Евдокея, — жаловался митрополиту Антонию Горохов, — в доме у них, тестя, осталась самовольно... и показала мне оная жена моя вослед кукишки, и собакою называла...»

Обиженная женщина не останавливалась перед тем, чтобы пригрозить мужу лишением жизни и даже привести эту угрозу в исполнение. В этом плане показательно дело о жене Григория Трофимова сына Хвостова из деревни Скырсинской (Тарский уезд, 1815 год). «Я, — сообщал Хвостов в прошении на имя императора Александра I, — ... прежде сего имел жительство

мое в доме родителя... Ишимской округи в деревне Тушнолобовой и от рождения своего на 18-м году... с благословения моих родителей и общего между нами согласия со зговоренною мною невестою, той же округи Фирсовой волости деревни Берендеевой крестьянина Евдокима Клевакина дочерью девицей Домной 20-летней, вступил в первое законное супружество». В течение двух первых лет Григорий, по его признанию, «продолжал» с Домной «супружеское сожитие согласно». «И она, — дополнял Хвостов, — была мне послушною, а в разсуждении домоуправления своего усердною». «А после сего времяни, — продолжал Григорий, — я заметил ее, что она под различными предлогами начала как в разсуждении обязанностей своих супружества, так и управления домом моим, уклоняться; неоднократно советовал ей, дабы она... имела... в отношении супружеского со мною сожития должное повиновение и согласие... надеясь, что сии мои советы по молодым ее летам... могут зделать в характере ея преобразование и тем подкрепить мое взаимное с нею согласие». Будучи, таким образом, на три года младше жены, Хвостов считал себя вправе «воспитывать» ее как «неопытную». Причем действовал он, судя по показаниям в Тарском земском суде самой Домны, «всегда строгостию и побоями», а потому она и «оставалась всегда непреклонною». «Яко своевольная и нехотящая» быть с мужем «в согласии», Домна, жаловался Григорий, «начала время от времени иметь ко мне большую ненависть, презрение, отвращение и... распри». Не помогли и «приличные наставления» сельских начальников, к помощи которых обратился Хвостов. Домна бежала из дома, но ее поймали и вернули мужу.

«С отчаяния» (слова самой Домны) крестьянка решила «лишить себя жизни». Сестра Григория нашла ее в «скотской избе» «повишшую уже в петле». Домну удалось спасти, и два года находилась она по обвинению в покушении на самоубийство в Ишимском остроге. «В 1807 году, — продолжал свое повествование Хвостов, — паки прислана была она ко мне в дом для общего со мною сожития по переселению уже моему... в означенную Скырсинскую деревню... я советовал ей, чтоб она ныне постаралась прежнии свои против меня обиды загладить честным своим поведением... но она... говорила: «Я с тобой жить... не намерена, и ты естьли будешь к сему принуждать меня, то лишу тебя за сие жизни».

Понятно, почему Хвостов страшно перепугался, когда через несколько дней после решающего объяснения с женой, ложась спать, обнаружил «под постелей» большой нож. Бросившись вон из дома («якобы за естественною необходимостию»), он поспешил объявить о «сем приключении» деревенскому десятнику; немедленно было поставлено в известность и волостное правление, которое взяло Домну «под свой присмотр» и вскоре переправило ее в Тарский земский суд. Тобольская духовная консистория постановила развести супругов.

Жительница деревни Бородиной (то же Тарское ведомство) Фекла Михайловна Заогорожная, которой надоела мужнина «брань», действовала более решительно: утром, когда муж находился «в овинной яме для просушки хлеба», она нанесла ему «обманом» удар «принесенным с собою из двора топорным востреем».

С 1836 по 1861 год судебным местам Томской губернии, например, пришлось рассмотреть 103 случая (примерно по 4 случая в год) убийства крестьянами мужа или жены на почве супружеских конфликтов.

Прибегали женщины и к помощи «волшебных» средств. Акулина Герасимова дочь Кривова, жена крепостного крестьянина, принадлежавшего Н. Н. Демидову, просила жителя села Богородского (Кунгурский уезд, середина XVIII века) Емельяна Туголукова «наговорить» на мед, которым она собиралась угостить мужа, — чтобы он ее «не бил и денег бы ей давал». А. Семенова из деревни Луговской Бийского уезда в 1795 году была привлечена к суду по обвинению «в намерении окормить мужа своего сушеными змеей и легушами». Кстати, на следствии «женка» призналась, что поступила «по научению» своей знакомой Агрофены Трофимовой. Эта знакомая вызвалась помочь Семеновой и в другом деле — наказании золовки последней Пелагеи (Семенова жаловалась, что золовка ее «всегда обидит безвинно, так что и жить несносно»). Трофимова, «настригши шерсти кошачей, сабачей и завернувши в овечью шерсть колобком, велела положить во шти или во что другое, и когда де Палагия и муж ее... съедят, то де и не будет оную любить (муж Пелагеи свою жену. — *Н.М.*) и увезет в Поперешное село». Семенова положила этот колобок «в вареную в колобках с мукою рыбу, но сказанная золовка сие увидала и, не евши, вылила щербу на улицу».

В 1821 году духовная консистория наложила епитимью на «женку» Перевалову из Абатской слободы Ишимского округа «за испечение сушеной мыши в шанге и кормление оною мужа» с целью «порчи» его. Девку Прасковью Плотникову (Томская губерния) односельчане поймали на неблаговидном деле: она «сажала» в пустую бутылку «живого змееныша». На допросе Прасковья созналась, что имела намерение «испортить» крестьянина Кармина по просьбе жены последнего.

Взаимной обязанностью мужа и жены у крестьян было соблюдение супружеской верности. «Распутство» одного из них считалось достаточным поводом для развода. В 1805 году курганский крестьянин Осип Аникин сын Рычков подал в консисторию прошение о разводе с женой «по причине ее распутства» и при этом представил «данное тою ево женою при некоторых сторонних людях» и засвидетельствованное волостными начальниками письмо, «коим она, изъясняя признание свое в чинении... прелюбодейства и что она его более любить и в супружестве быть с ним не намерена», предлагала «уволить ее на свое пропитание». Консистория ограничилась распоряжением «о зделании помянутым мужу и жене о примирении достаточного увещания». К светским же властям была направлена из консистории просьба запретить органам сельской общины рассматривать «прелюбодейные дела» («как уже ето встречается не в первой раз и не в первом месте»).

«Измена» жены считалась более тяжким проступком, чем «измена» мужа. Муж, который позволял своей жене «развлекаться» с другими, не пользовался уважением. В Камышловской округе про таких мужей презрительно говорили: «Про весь свет читает, а дома не знает, что жена гуляет». Екатеринбургский археограф Л. С. Соболева обнаружила в рукописном собрании XVIII века, принадлежавшем крепостным крестьянам из деревни Слудка Пермской губернии, сборник, содержащий рецепты лечения травами, заговоры, хозяйственные советы. В нем давались некоторые практические советы мужьям. на случай «блуда» жена. «Аще жена от мужа бегает, — указывалось здесь, — возми воробья живого серце и желчь и дай ей незапно есть, то перестанет того чинить». «Аще жена блудит от мужа своего, и ты возми волос с чела и сожги на железе в пепел, и тем пеплом помажь лоно свое и пребуди с нею незапно, и спроста перестанет блудить».

Община могла разрешить мужу и жене жить врозь, даже если церковь не соглашалась на развод. Изучавший юридические обычаи крестьян Алтая (XIX век) С. Л. Чудновский констатировал: «Довольно часто случается, что при дурном обращении мужей жены уходят от них к своим родителям, обращаются с жалобами к «старикам», а то и к волостным судам, решающим ссору отобранием подписок о согласном житье... или делают мужу выговор, грозя ему на будущее время более строгим взысканием. Бывает и так, что волостной суд, при нежелании жены продолжать с мужем сожительство, благодаря его жестокому обращению, обязывает мужа возвратить жене принадлежавшее ей имущество... бывают случаи, когда мужья отказывают женам от дома ввиду их «разстроенного здоровья»; в таких случаях суд обязывает мужей доставлять женам пропитание. Вообще говоря, — заключает Чудновский, — раздельное житье супругов составляет на Алтае довольно обыденное явление, к которому как мир, так и власти и судьи относятся очень терпимо».

О распространенности самовольных разводов у крестьян пишет И. В. Власова, исследовавшая се-

мейные отношения в пермских деревнях в прошлом. Вообще крестьяне Урала и Сибири не считали брак «союзом навеки», поэтому уход от мужа или жены, фактические разводы, сопровождавшиеся часто вступлением в новый брак, оказывались заурядным явлением.

Иногда женившийся на беглой «женке» крестьянин не знал, что у нее уже есть «законный» муж.

Бывало, что прежние муж или жена получали выкуп от «молодоженов», давая им в свою очередь «отступное письмо». «1744 году февраля 28 дня Ишимского дистрикту Усламинской слободы деревни Суятязной крестьянин Сидор Иванов сын Чюркин, прибыв в Челябинску, дал жене моей... Марье Михайловой дочери... которая ныне имеетца в замужстве ж Эткулской крепости за казаком Иваном Васильевым сыном Баженовым, в том, что мне впредь на нея не просить и от него, Баженова, не возвращать», — говорилось в одном из таких писем. Казак отдал крестьянину за то 30 рублей денег и лошадь. Их договор был утвержден исетским воеводой полковником П. Бахметевым.

Самовольные разводы, завершавшиеся обычно вступлением в новый брак, вовсе не свидетельствуют о «непрочности семейных уз» у крестьян (как полагал, например, известный областник Н. М. Ядринцев). Наоборот, эта практика способствовала стабилизации семьи, поддержанию внутри нее добрых отношений, согласия. Возненавидевшие друг друга супруги всегда могли исправить ошибку, допущенную при вступлении в первый брак, и разойтись. Кстати, приходское духовенство (в отличие от консистории и Синода) довольно снисходительно относилось к существующей в крестьянской среде практике, венчало «незаконные» браки разведенных.

«В семейных нравах видна... любовь, согласие», — писал в 60-х годах XIX века о крестьянах Ялуторовского уезда Н. А. Абрамов. «Мущины в обращении» с женами «более ласковы... муж старается чище одеть и нарядить свою жену, чтобы не отстать от ровни...» — сообщал в те же годы о своих земляках житель слободы Такмыцкой Тарского ведомства. У крестьян Пермской губернии женщины в семьях были, по заключению И. В. Власовой, «более свободны и независимы», чем жены «в городских семьях, особенно в зажиточных». М. Ф. Кривошапкин определял (середина XIX века) супружеские отношения у енисейских крестьян как «относительно равноправный союз» под председательством мужа. «Женщина в Сибири, — свидетельствовал Н. М. Чукмалдин, родившийся и выросший в деревне Кулаковой, близ г. Тюмени, в крестьянской семье, — не раба мужчины; она ему товарищ. Умирает муж — не погибнет дом и промысел, мужем заведенный. Жена-вдова ведет его дальше с тою же энергией и знанием, какие присущи были мужу». Г. Н. Потанину, ученому и публицисту, случилось в 1876 году плыть на пароходе от Казани до Перми с попадьей из Курганского округа; будучи уроженкой Владимирской губернии, матушка 30 лет безвыездно прожила в Сибири. Она ездила на Владимирщину в гости к брату и теперь возвращалась домой. «Матушка оказалась умной и наблюдательной женщиной», — заметил Потанин; она, в частности, «прочла» своим спутникам «целый панегирик сибирским отношениям мужей к женам». «Там ведь,— говорила она, — бабы-то не ходят на мужскую работу. Здесь (т.е. в центральной России. — *Н. М.*) мы одновась ехали с братом из Гороховца; идет мужик с возишком и жену захватил с собой; он идет, и она возле него рядом плетется. Сибирский мужик один за 6—8-ю лошадьми управится, а наш гороховецкий за лядащим возишком жену тащит помогать. Сибирский мужик 200 овинов обмолотит в зиму, а жена и не видит. Она в пуховиках валяется». Сам Потанин, кстати сибиряк, познакомившись на месте с ситуацией в Тюменском и других округах, писал: «Здешняя земля обрабатывается руками одних мужчин; вывоза назьма на пашню, которым бывают заняты девицы и женщины в России, а также пахота женскими руками здесь не встречается. Женщина в южной (земледельческой) части Тобольской губ. в полевых работах участвует только в сенокошении и жатве, а остальное время употребляет на кустарное производство».

При чтении крестьянских писем, дошедших до нас из XVIII—XIX веков, остается только удивляться самой лексике обращения мужа к жене. «Всепрелюбезная наша сожительница», — называл в письме (1797 год) свою жену крестьянин Иван Худяков из деревни Секисовки на Алтае. Другой крестьянин — Семен Парфенов, забранный вместе с сыном Андреем в Тобольск «к следствию», из острога посылает жене на Урал письма, подкупая караульных. Он обращается к ней со словами: «Евдокея Стефановна», «друг моя». Вместе с тем делает «своему другу» выговор за то, что, как ему стало известно, она принялась «находить непорядочными случаями» на сноху, жену Андрея. «Об ней весьма Андрей сокрушаетца», — писал Семен. Когда сыну передали, что мать даже бьет его жену, он, по утверждению отца, «недели с три в постеле лежал с печали». «И впредь такими порядками с ней не поступай; буде ежели в чем она непорядочно поступать будет, — ласково вразумлял крестьянин свою супругу, — то ты, друг моя, пиши» (муж Андрей сам решит, как ее потом «поучить» за проступки).

Крестьяне ценили чувство любви, горячо влюблялись и любили. «Хоть худенька, да голубенька, — бытовала в деревнях пословица. Недаром так часто в деревенском фольклоре упоминались слова «любовь», «люблю», «свет-душа», «милый друг», «голубушка», «моя любезная», «моя краса», «сахарные уста». «Любить, любливать, — расшифровывал составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль. — ... чувствовать любовь, сильную к кому привязанность, начиная от склонности до страсти». С годами страсть проходила, но оставалась взаимная привязанность, душевная теплота, совместная забота о детях. Семья для крестьянина была главной точкой опоры в нелегкой жизни, насыщенной постоянной борьбой за существование.

ТАТЬЯНА АГАПКИНА,
кандидат филологических наук

ИВАН КУПАЛА

Праздник Рождества Иоанна Крестителя, приходящийся на 7 июля и совпадающий со временем летнего солнцеворота, — один из самых почитаемых и значимых в славянском народном календаре, равно как и в календаре большинства других европейских народов. Особенно торжественно и своеобразно отмечался канун Иванова дня, называемый на Руси с древних времен Купалой (так, в летописи от 1262 года читаем «...накануне Ивана, на самая Купалья»).

Празднование Купалы чаще других языческих обрядов привлекало к себе внимание христианских проповедников и священнослужителей и вызывало с их стороны многочисленные нарекания. В древнерусских поучениях упомянуты практически все известные и по более поздним этнографическим записям купальские обычаи: возжигание костров, перепрыгивание костра, плетение венков из трав и цветов и многое другое. Вместе с тем большинство из упоминаемых в древнерусских текстах обычаев сохранилось не во всех восточнославянских традициях. Менее всего повезло в этом смысле России. Купальские празднества здесь представлены в значительной степени обедненными, во всяком случае по сравнению с украинскими и белорусскими. Обрядовые костры возжигались русскими главным образом на масленицу, а ритуалы, связанные со свежей зеленью, и гадания по венкам были отнесены к Троице.

Само Рождество Иоанна Крестителя, предшествовавший ему день

Аграфены Купальницы, а также день св. апостолов Петра и Павла (12 июля) составили в России единый обрядово-мифологический комплекс, включающий сбор и заготовку лекарственных трав, массовые купания и обливания водой, а также поверья и мифологические рассказы о чудодейственных свойствах цветущего папоротника.

Со дня Аграфены Купальницы начинали активный сбор трав для лечения и ворожбы. В Вологодской губернии, например, из леса приносили охапки свежей травы, связывали ее в веники для просушки и при этом говорили: «Приехала Купаленка на семьдесят тележеньках, привезла нам Купаленка добра и здоровья, богатства и почести». Собирали травы и в Иванов день, получивший кое-где название Иван Травник (или Травный). В эти же дни повсюду заготавливали веники (для метения и банные), полагая, что они будут мягкими и долговечными. Веники вязали главным образом из березы, но иногда к ним добавляли ветки других деревьев и кустарников (липы, рябины, ивы) и вплетали туда собранные травы.

Сбор трав нередко обставлялся как особый ритуал. Считались, что собирать их, в особенности для знахарских целей, могут не все: обычно этим занимались пожилые женщины, которые уже перестали рожать детей и не жили половой жизнью. Их «чистота» была залогом того, что травы не потеряют своих магических свойств. По поверью, перед заветной ночью нужно поститься несколько дней, а при сборе трав — снять с себя нательный крестик, тем самым как бы отдавая себя во власть бесов.

Иногда травы собирали девушки и в ту же ночь гадали по ним, например клали травы 12-ти видов под подушку на ночь и говорили: «Суженый-ряженый, приходи в мой сад гулять», надеясь на то, что им приснится жених. На Петров день собирали 12 цветов с 12-ти полей и клали их под голову со словами: «Двенадцать цветов с разных полей, двенадцать молодцов! Кто суженый-ряженый, мене покажися и меня погляди». Иногда с этой же целью травы вплетали на ночь в косы или просто клали их около постели. Однако чаще девичьи гадания о замужестве происходили в России на святки.

На Русском Севере девушки гадали и с вениками: перебрасывали их через голову в воду или забрасывали на крышу: если веник застрянет на крыше или утонет, то это сулит девушке безбрачие либо смерть. С веником гадали иногда и люди немолодые: бросали его, и если веник падал комлем в сторону кладбища, то это предвещало скорую смерть.

Купальские травы были не только лекарственным средством; в течение года с их помощью защищали домочадцев, скот и сам дом от нечистой силы, окуривали или отпаивали ими больной скот, оберегали дом от грозы и пожара, использовали в любовной магии.

Купания и обливания водой на Купалу были известны в России не менее широко, чем сбор трав. В большинстве русских губерний со дня Аграфены Купальницы отменялся запрет на купание в реках и озерах, и по этому случаю происходили массовые купания в источниках. Первое купание, как правило, имело приметы магического действа: иногда купались нагишом; с собой в воду брали цветок (чаще других — Иван-да-Марью): если во время купания цветок тонул, то его владельцу грозило утонуть в течение лета. Купание в один из этих дней было почти обязательным. В Калужской области считали, например, что даже если на Купалу холодно, то надо окунуться в воду хотя бы раз, чтобы в течение лета чувствовать себя в воде безопасно.

Во многих областях России (особенно на Русском Севере) в эти дни, если погода не позволяла, не купались, но зато непременно парились в бане, используя для мытья воду, настоянную на только что собранных ивановских травах, и только что связанные березовые веники.

В южнорусских областях на Купалу парни обливали водой девушек, а иногда и всех встречных на улице. Кое-где эти обливания приобретали характер ритуальных «бесчинств», по-видимому, типичных для празднования Купалы в более отдаленные времена. В частности, девушек насильно вытаскивали из домов и волокли в воду, а обливали зачастую не просто водой, а грязью или болотной жижей.

В ряде западнорусских областей, примыкающих к Белоруссии (прежде всего на Псковщине и Смоленщине), празднование Купалы проходило намного разнообразнее, чем в центральных и южнорусских областях. Здесь были известны и костры, и прыжки через огонь, и гадания по венкам, и многое другое. О купальских разгулах и «бесчинствах» на этой территории писал еще в XVI веке игумен Псковского Елеазаровского монастыря Памфил: «Егда бо приидеть самыи празник Рожество Предотечево, тогда во святую ту нощь мало не весь град возмятется, и в селах возбесятца в бубны и в сопели и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам и главами киванием и устами их неприязнен клич, вся скверные бесовские песни, и хрептом их вихляниа, и ногам их скакание и топтаниа; ту есть мужем и отроком великое падение, ту же есть на женское и девичье шетание блудное им возрение, такое же есть и женам мужатым осквернение и девам растлениа».

Возжигание костра было сложным действом. Как правило, костры разжигали вечером в канун праздника на выгонах за селом, на перекрестках или вблизи рек. В середину костра зачастую втыкали жердь или деревце с обломанными сучками, на которые вешали цветы, старые лапти, веники; саму жердь обматывали соломой, а на верх и по бокам прикрепляли свечки и венки из трав и цветов. В костер бросали старые веники, метлы, бороны, колесные ободы и вообще всякое старье. Сам костер, как и весь этот день, нередко называли «купалой». Когда костер разгорался, молодежь водила вокруг него хороводы, пела песни, парни и девушки прыгали через огонь. Считалось, что перепрыгнувший через костер будет весь год здоров, а девушка и парень, справившиеся с

этой задачей, обнаруживали тем самым свою готовность к браку, свою зрелость. Иногда в разных концах села разжигали много маленьких костров, вокруг которых образовывались те же гуляния, только с меньшим составом участников. Через такие костры матери обычно переносили маленьких детей, уповая на очистительную мощь купальского огня, и как бы наделяли их здоровьем, защищали от всяческих бед и напастей.

Вместе с другими предметами вблизи большого костра зажигали также и смоляные бочки или колеса и спускали их вниз с пригорков. Вот как рассказывалось об этом в челобитной старца Григория из Вязьмы царю Алексею Михайловичу в 1651 году: «Тако же о рождестве Иоанна Предтечи всю нощь бесятся, бочки дегтярные зажигают и з гор катают и, веники зажегши, скачут».

В купальских песнях, исполняемых вокруг большого костра, заметное место занимают мотивы перебранки девушек и парней, их соперничества и взаимного поношения. Вот одна из них:

Горела Купала, горела,
Купала на Ивана!
А я, молода, тушила,
Решетом воду носила.
Как в решете воды нет,
Так у мальцов правды нет.
Купала на Ивана!
Горела Купала, горела,
А я, молода, тушила,
Кубочками воду носила.
Как в кубочках вода есть,
Так у девочек правда есть.
Купала на Ивана!

По окончании гуляний вокруг купальского костра остывшие головешки относили обычно на капустные грядки, чтобы гусеницы не портили молодых побегов.

Ночь накануне Ивана Купалы была одной из самых страшных ночей в году, когда нечистая сила особенно активно и бесцеремонно вмешивалась в людские дела, причиняя и людям, и хозяйству огромный вред.

Ведьмы, обернувшись животными (котом, собакой, жабой) и даже предметами (колесом, клубком), проникали в таком облике в хлев, где стоял скот, и «отбирали» молоко у чужих коров, выдаивая его в свои подойники или просто забирая что-нибудь из хлева, например пучок соломы, отпечаток коровьего копыта или кусок веревки. Чтобы воспрепятствовать этому, люди магическими способами оберегали скот: в дверную щеколду хлева втыкали пучок крапивы или ветку шиповника, чтобы ведьма при входе обожгла или наколола руку, либо ставили у входа косу острием вверх; иногда хлев обсыпали освященным в церкви маком. Особенно смелые хозяева решались даже подкараулить ведьму: они прятались в хлеву за борону и, увидев забежавшую в хлев кошку или собаку или прыгающую вблизи коровы жабу, старались поймать их и отсечь им лапу. Если наутро у одной из женщин, живущих по соседству, оказывалась поврежденной нога или рука, ее и считали ведьмой.

Чтобы обезопасить себя от ведьмы, парни приносили к купальскому костру горшок с водой, клали в него цедилку (тряпочку, через которую процеживали после дойки молоко) и кипятили ее на огне, иногда воткнув в нее предварительно несколько иголок. Верили, что от этого кипячения у ведьмы, отбирающей у коров молоко, начинались страшные боли в животе (как поется в одной купальской песне: «На Купале огонь горит, У нашей ведьмы живот болит...»), и она приходила к костру и просила оставить ее в покое.

Ведьмы, впрочем, не только «отбирали» у коров молоко, но также портили посевы — делали в поле «пережин» (полосу сжатых или примятых колосьев, идущую через все поле) или «заломы» (связанные или заломанные колосья), наводя тем самым порчу на урожай или «отбирая» этот урожай в свою пользу. Нередко молодые люди и девушки всю ночь распевали в поле купальские песни и тем самым охраняли посевы от ведьм, не решавшихся приблизиться к людям. Вот как рассказывается о злодеяниях ведьм в одной купальской песне, записанной на Псковщине:

Зарождалися три ведьмы
На Петра да на Ивана.
Первая ведьма
Закон разлучает,
Другая ведьма
Коров закликает,
Третья ведьма
Залом ломает.
Первой ведьме,
Что закон разлучает,
Ее по уши в землю,
Ей прощенья нет!
Другой ведьме,
Что коров закликает,
Ее по плечи в землю,
Ей прощенья нет!
Третью ведьму,
Что залом ломает,
Ту по пояс в землю,
Ей прощенья нет!
Вы катитесь, ведьмы,
За мхи, за болоты,
За гнилые колоды,
Где люди не бают,
Собаки не лают,
Куры не поют —
Вам там и место!

Праздник Ивана Купалы, отмечающий время летнего солнцеворота и приходившийся на период наивысшего расцвета природы, был одновременно едва ли не самым «эротическим» праздником на Руси. Именно эта черта подвергалась особым нападкам со стороны церкви. Так, в «Слове св. Иоанна Златоуста», осуждающем разгульные игрища в купальскую ночь, говорилось: «Жена на игрищах есть любовница сатаны и жена дьявола. Ибо пляшущая жена многим мужам жена есть. А что мужи? После пития начинают плясание, а их по плясании начаша блуд творити с чужими женами и сестрами, а девицы теряют свою невинность». Свобода в общении полов, как и свобода добрачных связей, допускаемые в купальскую ночь, изредка отмечались этнографами даже в XIX веке. Известно, что в эту ночь девушка могла позволить себе любые вольности в общении с парнем (и не с одним); это никем не возбранялось и не наказывалось. Более того, если у девушки к этому времени уже был жених, он не имел права препятствовать своей невесте общаться с другими парнями и даже не должен был ревновать ее.

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

СИМВОЛЫ РУССКОГО ЭРОСА

Символика любовного чувства, любовной страсти, супружеского соединения в русском фольклоре разнообразна и изощренна, поэтична и таинственна.

ФОТОГРАФИИ АНАТОЛИЯ ЧЕРЕЯ

Плыла щука из Новагорода, Слава!
Она хвост волокла из Бела-озера...
...
Кому вынется, тому сбудется...

Седая старина, гадания, подблюдные песни, основанные на символах, часто необъяснимых рационально, связывающих отдаленные на взгляд сухого прагматика явления. Тут «работает» прорицание глубинного, потаенного сходства кольца — и супружества, упряжи — и того же супружества (отсюда слова со-прягать, су-пруги). Кольцо — замкнутое, идеальное, самодостаточное пространство; оттенки здесь неисчерпаемы. «Дни те миновали, вот я под венцом, молодость сковали золотым кольцом» — это из песни «Липа вековая». Как взят твой палец в плен моим кольцом, так мое сердце у тебя в плену — а это Шекспир, «Король Ричард III». Кольцо — одновременно и конкретный сексуальный символ еще с первобытных времен, но значение это не забыто и просвечивает даже в самых утонченных и поэтических вещах (таких, как новелла Кнута Гамсуна «Кольцо»).

Эротическими символами в определенном контексте мог служить весь окружающий мир: деревья и цветы, дикие звери и домашние животные, быт и предметы материальной культуры, отвлеченные понятия...

Горностай и белка, лебедь белая и ясный сокол, лань и олень — обо всех этих зверях пелось в обряде русской свадьбы. Ива плакучая, береза-девушка, земляничка-ягодка, сладкая малина, горькая рябина... — не перечислить все растения и травы, деревья, олицетворяющие парня и девушку, любовные их чувства.

Но прежде всего эротические символы у всех народов связывались с идеями плодородия и земледельческого цикла. Дошли эти древнейшие мотивы и до наших дней:

Трактор пашет, трактор пашет
черную землюшку.
Я сказала трактористу:
запаши изменушку!

Пахота — широко употребляемая в народе аллегория любовного акта. Отсюда известные выражения типа: «Старый конь борозды не испортит». Или забористые частушки:

Отыграли мои пальцы
по серебряным ладам,
оставляю свою милку
деревенским пахарям!

А вот и вовсе «хулиганская»:

На горе стоит точило,
под горою борона,
девка на зуб наскочила,
наше дело — сторона!

Припевочка чисто мужская, ухарски-молодецкая, охальная; да ведь не сама ли девка виновата: вольно ей было не поберечься и наскочить на заточенную борону!

Весь крестьянский инструмент в озорной, дерзкой частушке так и выговаривается не в прямом, а в «хулиганском» значении: «Моя милка — молотилка, сеялка и веялка! Она идет — задком вертит, сеет, веет, молотит!»

Для иносказаний годится и огородничество, прежде всего картофельные дела, но и более древние овощи:

Сеял редьку, сеял репу —
никотора не взошла,
сватал бабу, сватал девку —
никотора не пошла.

Что ж, баба — редька, ну а девка — гладкая да сладкая репа.

...«Тут не одна трава примята — помята девичья краса!» — вспомним классическую строку мещанского романса. Помятая трава, чаще — косьба травы, служила издавна всем европейским народам аллегорией цветущей юности, смятой безжалостно Жизнью-Любовью-Смертью. О них, собственно, и весь фольклор, да и все настоящее творчество: ничего ведь, в сущности, и нет, кроме Любви и Смерти.

Народный поэтический образ увядания и косьбы развил и обессмертил Сергей Есенин. Отдал он дань и березе-невесте, и клену, и рябине, и ландышам... Ну а уж народ-то наш озорной, идя дальше поэтически вымеренного хулиганства, орет спроста:

Не один я на покосе,
не один на полосе,
не один ходил к забаве,
а ходили парни все!

Итак, пахота, огородные работы. И, конечно же, дом. Дом — древний символ человека практически у всех народов, он служит и эротическим символом. Приведу из своей коллекции гениальную припевку:

Мы чужие избы крыли,
а свои некрытые,
чужих девок мы любили,
а свои забытые.

...Вспомним знаменитый эпизод, развернутое иносказание из «Гамлета». Принц предлагает Гильденстерну поиграть на флейте, а тот отказывается: «У меня ничего не выйдет. Я не учился». Тогда Гамлет, помышлявший, разумеется, не о забаве музыкой, но об аллегории, с горечью замечает: «Смотрите же, с какою грязью вы меня смешали. Вы собираетесь играть на мне. Вы приписываете себе знание моих клапанов. Вы уверены, что выжмете из меня голос моей тайны. Вы воображаете, будто все мои ноты снизу доверху вам открыты. А эта маленькая вещица нарочно приспособлена для игры, у ней чудный тон, и тем не менее вы не можете заставить ее говорить. Что ж вы думаете, со мной это легче, чем с флейтой? Объявите меня каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя» (перевод Бориса Пастернака).

Музыкальные инструменты у разных народов исстари служили символом человека, музыкальный строй, лад ассоциировался с настроем души, миром душевных переживаний; игра на музыкальном инструменте — с соприкосновением людей, психологическим, душевным, или интимным, физическим.

В Древнем Китае лютня символизировала женщину; «проникновение в лютневые струны» в китайской традиции означало соитие с женщиной (желающие узнать об этом подробнее с интересом прочтут недавно вышедший в свет сборник «Китайский эрос»). Не так давно появился и сборник «Русский эрос», трактующий в основном метафизический аспект проблемы, любовь идеальную, платоническую, как ее представляли наши религиозные философы начала века. Любовная символика как более «низкая тема», лежащая на уровне пластов первобытного, языческого сознания, осталась там «за кадром». А между тем она не менее богата и разнообразна, чем в Китае или на Древнем Востоке, и, что любопытно, нередко совпадает.

В Китае — лютня (кстати, лютню и Шекспир, великий знаток мифологии, называл сластолюбивой), ну а у русских в народном творчестве — гармонь. (Впрочем, гармонь — инструмент сравнительно молодой, появившийся пару веков назад, а до нее — балалайка.) Гармонь — женщина, любовница, жена; перебирать планки, лады — означает любовную игру, любовное соединение.

Отыграли мои пальцы
по серебряным ладам,
отходили мои ножки
по милашкиным следам...

Здесь «игра по серебряным ладам» — это некий шифр, благодаря которому с виду невинная лирическая припевка обретает более глубинное значение, содержит откровение интимного свойства. А вот параллель еще более явная:

Балалаечка на ленточке —
гармошка на ремне;
С балалаечкой к девчоночке —
с двухрядочкой ко мне.

Эта одна из частушек, записанная мною близ Екатеринбурга, тонко передает различие отношения к девушке и к жене через образы «ремня» (упряжь! хомут! неволя!) и «двухрядки» (парная упряжь! су-пруги! и — тяжеловесность само-

го ухающего слова «двухрядка», переваливающегося, а не лепечущего, как балалайка).

Я играю на гармони —
белые серёдыши.
Есть хорошие девчата,
есть и отерёбыши.

В озорной частушке игра на гармонике имеет обычно явное сексуальное значение:

У гармошки-шестипланки
открывается ушко;
у молоденькой девчонки
поднимается брюшко.

Белые середыши, открывшееся ушко — намеки как нельзя более дерзкие и откровенные. Однако это не прямой текст, каким грешат иные

современные якобы «частушки» (на деле просто рифмованные примитивные грубости). В настоящих хоть и дерзко все выговаривается, но воплощено в меткий образ и потому с полным правом причисляется к художественному творчеству.

...Недавно мне довелось быть гостьей на японской чайной церемонии, и там сэнсэй говорил о том, что Европа доверяет только слову, тогда как Азия обращается к подтексту. Хоть я давняя и верная поклонница японской утонченности, все же обидно было это слышать. В ритуале, в обряде русского народа также огромную роль играл символ: цвет, напев мелодии, жест, поступок, без слов говорящий о многом (переменил игру — значит, не хочет больше играть для нее, разлюбил!). По тому, в каком платье пришла девушка на вечерку, подружки понимали, что с ней происходит: в черном — значит, милый изменил (если траур — вообще на вечерку не придет); в розовом — ждет новой любви и т. п. (О символике цвета в русском фольклоре я писала в статье «Цветочек аленькой» — «Родина». 1993. № 4.)

Все предметы отдыха, забав, быта могли в определенном контексте играть роль эротических символов. Шаль и ее кисти, перчатки, кольца, другие «галантерейные» товары густо вкраплены в любовные припевки, песни, сказки.

Кабы шали не мешали,
мы бы с милым полежали,
кабы кисти не вились —
мы бы с милым обнялись.

Народ откровенен, жеманство не свойственно частушке. Для народа любовное соитие так же важно, как пахота, жатва, косьба, строительство дома или игра на гармони; в любви земной, почти языческой, он не видит греха.

Хотя русская, как и вся европейская, культура — это, начиная с первобытных магических словесных заклинаний, действительно в основном культура Слова, но само Слово так гибко и многообразно проявляется в зависимости от контекста, что оно никак не сводится к своему прямому, «материальному» значению — не говоря уже о важности звуковой основы. И тема русской эротической символики еще ждет своего исследователя.

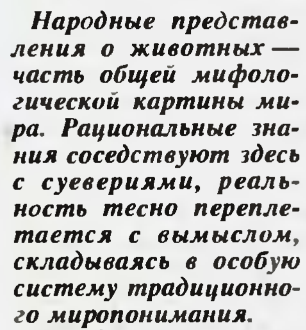
г. Екатеринбург.

АЛЕКСАНДР ГУРА,
кандидат филологических наук

КОМУ ОТВЕЧАЕТ КУКУШКА?

ЖИВОТНЫЙ МИР В НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Народные представления о животных — часть общей мифологической картины мира. Рациональные знания соседствуют здесь с суевериями, реальность тесно переплетается с вымыслом, складываясь в особую систему традиционного миропонимания.

Народная символика животных находит свое выражение в разнообразных ритуально-магических действиях, занятиях и промыслах (охота, рыболовство, скотоводство, ткачество, народная медицина), в обрядах (например, ряжении животных) и играх, в поверьях, приметах и различных жанрах фольклора — особенно в легендах, быличках, заговорах и разного рода малых фольклорных формах (в закличках, формулах запугивания и обмана детей, словесных подражаниях крику птиц, поговорках, снотолкованиях, загадках), в меньшей степени в сказках и эпических песнях. Эта символика представлена также в лексике, фразеологии и в народном искусстве (в различных зооморфных фигурках, украшениях, расписных изображениях, резьбе, вышивке, орнаменте). Животные используются для характеристики человека, его психических и физических свойств (например, заячьей трусости, лисьей хитрости), болезней и телесных аномалий (грудная жаба, куриная слепота, заячья губа), человеческих взаимоотношений (например, в сказках о животных), в различных представлениях о природе — растительном мире, астрономии, метеорологии («звериные» или «птичьи» названия растений, созвездий, поверья о комете, Млечном пути, грибном дожде), для «кодирования» самых разных предметов и явлений (в загадках).

В народных представлениях возможны гибридные виды животных, совмещающие в себе свойства зверя и птицы (ласка, которая может называться ласточкой, отождествляться с этой птицей или представляться в виде зверька с крыльями), гада и птицы (летучая мышь) и т.п. Нередко разные виды животных смешиваются и объединяются в один образ, как, например, ласка и горностай, угорь и вьюн, кукушка и ястреб, разные виды птиц и змей. Одни животные могут превращаться в других: сизоворонка в дрозда, кукушка в ястреба, мышь в летучую мышь, ласточки в лягушек, черви в змей. Есть также представлени я о животных-оборотнях и мифических фантастических животных, реально не существующих в природе.

По целому ряду других признаков выделяются большие группы животных, независимо от их принадлежности к тому или иному классу. Так, большинство животных наделяется женской или мужской символикой. К женским относятся ласка, куница, выдра, пчела, лягушка, божья коровка, муха, ласточка, кукушка, сова, лебедь и др., к мужским — заяц, медведь, соболь, бобр, уж, комар, воробей, сокол. Одни животные воспринимаются как чистые, божественные, «святые» (медведь, пчела, божья коровка, голубь, ласточка, аист), а другие — как нечистые, дьявольские (волк, заяц, змея, мышь, вошь, блоха, таракан, оса, летучая мышь, воробей, филин, ворон, ворона, ястреб, коршун, сорока, угорь). Выделяется особая группа хтонических животных, связанных своим местопребыванием или происхождением с подземным миром и миром мертвых: это змея, ящерица, червь, вошь и ряд других гадов и насекомых, мышь, крот, волк, ласка, ворон. Некоторые животные, звери, птицы и рыбы в целом имеют своего главу, или «царя», покровителя или мифического «хозяина». Целый ряд животных подвергается ритуальному изгнанию: змеи, мыши, воробьи, гусеницы, блохи, вши, клопы, тараканы, мухи. Появление или крик возле жилья разных животных или встреча с ними в пути служит каким-либо предвестием, доброй или плохой приметой. Различные приметы, гадания и ритуальные действия связаны с животными, увиденными или услышанными первый раз весной.

Волк

(«Серого помянули, а серый здесь»)

Среди зверей один из наиболее мифологизированных персонажей — волк. По своим функциям он близок к другим хищникам — ворону, рыси, щуке и особенно медведю. Волк также тесно связан с собакой (волки считаются псами лешего).

Хтонические свойства роднят волка с гадами, особенно со змеей. Происхождение волка в легендах связано с землей: волк слеплен чертом из глины. Он объединяется с нечистыми животными, которых з а п р е щ е н о употреблять в пищу. Характерным признаком является слепота или слепорожденность.

Определяющим в символике волка является признак «чужой». Поэтому волк может соотноситься с «чужими» — прежде всего с мертвым, предком, ходячим покойником. В некоторых заговорах от волка говорится о том, что он бывает у мертвых на том свете, а при встрече с волком иногда призывают к себе на помощь умерших. Например, в Черниговской области называют имена трех умерших родственников — «родителей». В Гомельской области, увидев волка, говорят:

— *На том свете был? — Был.*
— *Мертвых бачил? — Бачил.*
— *Мертвые кусаются? — Не.*
— *И ты не кусайся*[1].

В ряду «чужих» следует назвать также колядников и участников других обходных обрядов: волков с целью оберега называют *колядниками*, а маски волка встречаются в святочных или масленичных шествиях ряженых у многих славян, в том числе и у русских. Волк противостоит человеку и как нехристь: его отгоняют крестом, он боится колокольного звона, ему нельзя давать ничего освященного. Он может осмысляться и как инородец: например, стаю волков называют *ордой*.

С мотивом «чужого» связана и брачная символика волка. Для каждой из участвующих в свадьбе сторон чужими являются представители противоположной стороны, другого рода, поэтому «волчьей» символикой может наделяться каждая из них. Так, в Псковской губернии *волком* называют дружку, представителя жениха, но и вся невестина родня, приезжающая на второй день свадьбы в дом жениха, именуется *волками*. В свадебных причитаниях *волками серыми* невеста называет братьев жениха, а в свадебных песнях родня жениха невесту — *волчицей* или *медведицей*. С волком, ищущим себе добычи, символически может соотноситься и сам жених, добывающий себе невесту. Кроме того, в некоторых шуточных песнях волк, нападающий на скотину, загрызающий добычу, нередко приобретает эротическую символику, связанную с коитусом.

Волку присущи функции посредника между этим и тем светом, между людьми и нечистой силой. Задирая скотину, он действует не по своей, а по Божьей воле. Существует представление: «Что у волка в зубах, то Егорий дал»[2]. Поэтому отнимать его добычу небезгрешно, особенно постороннему, так как взамен ее волк унесет его собственную скотину.

Отношение волка к нечистой силе двойственно. С одной стороны, нечистая сила пожирает волков: пригоняет их к человеческому жилью, чтобы потом поживиться волчьей падалью. Волк знается с нечистой силой. Колдун может оборачиваться волком, может насылать волков на скотину. С другой стороны, волки уничтожают или устрашают нечистую силу: по велению Бога волки истребляют, поедают чертей, чтобы они меньше плодились.

Волк сам предстает иногда как мифологический персонаж — волк-оборотень, или *волколак*. Колдуи или ведьма могут обращаться в волка сами, а могут обратить в волка на определенный срок кого-либо другого, чаще всего участников свадьбы. Обращение в волка происходит путем заклятия, кувыркания через ножи; колдун на свадьбе втыкает нож в стол, и все гости перескакивают через нож и прямо из-за стола убегают в лес волками. Нередки рассказы о том, как охотники убивали волчицу с янтарными бусами невесты на шее или находили под шкурой убитого волка красную свадебную рубаху, красный кушак и т.п. Считается, что у волка-оборотня колени задних ног обращены вперед, как у человека, а не назад, как у волка. Чтобы вернуть свой прежний облик, он не ест, как обычный волк, сырое мясо. Вернуть волку-оборотню человеческий облик можно, набросив на него кафтан. Иногда участники свадьбы, обращенные в волков, набегавшись и отощав, сами прибегают к человеческому жилью и просят: «Спаси нас, ради Христа. Обойди три раза и дерни за шкуру!»[3] Часто обращенный в волка остается в зверином облике до тех пор, пока не истечет срок заклятия. Так, в одном рассказе говорится, как родители-колдуны превратили парня в волка в отместку за то, что он отказался жениться на их дочери. «И вот он ходил: летом в лесу живет, а зимой, гыт, приходил на завалинку. Лягет и лежит. Ну, волк и волк, обыкновенный волк. И вот мать его кормила зимой. Она знала! И вот на сколько лет его заэтовали, он столько лет проходил волком, а потом стал человеком»[4].

В русских былинах способностью обращаться в волка обладает богатырь-кудесник Волх Всеславьевич:

А и будет Вол(ь)х десяти годов,
Втапоры поучился Вольх
ко премудростям:
А и первой мудрости учился —
Обвертоваться ясным соколом,
Ко другой-та мудрости
учился он, Вольх, —
Обвертоваться серым волком[5].

Благодаря способности к оборотничеству Волх одерживает победы вместе со своими воинами:

Тут же с ними во поход пошел.
Дружина спит, так Вольх не спит:
Он обвернется серым волком,
Бегал-скакал по темным
по лесам и по раменью[6].

Способностью обращаться в волка в военных походах эпический Волх напоминает летописного князя-волхва Всеслава Полоцкого, жившего в XI веке. В «Слове о полку Игореве» говорится о том, как Всеслав-князь рыскал в ночи волком: за одну ночь до петухов пробегал волком всю Половецкую степь

из Киева в Тмутаракань, Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал. В ранних древнерусских текстах символика волка использовалась для передачи образа князя-воина и княжеской дружины в походе.

Согласно народным поверьям, волки находятся в подчинении лешего. Он кормит их, как своих собак, хлебом. В одной северорусской быличке рассказывается, например, как однажды человек заночевал в лесу и увидел лесовика, а перед ним целое стадо волков и других лесных зверей. Лесовик попросил у человека кусочек шаньги и накормил им досыта всех зверей. А потом говорит ему: «Ты домой иди, не бойся, если волки тебя встретят, ты им скажи: шаньги моей кушали, а меня не трогайте». Пошел человек, а навстречу ему волки. Он сказал им так, как научил его лесовик, и они убежали прочь, а он целый и невредимый пришел домой[7]. В Смоленской губернии и самого лешего представляют в виде белого волка.

Функции лешего переносятся и на христианских святых. Так, покровителем волков и одновременно охранителем стад считают св. Георгия (Юрия, Егория), который накануне своего праздника собирает волков и назначает каждому свою добычу. Волки — это его собаки. Говорят: «Волк — Юрова собака». Широко распространен сюжет о человеке, ставшем невольным свидетелем того, как хозяин волков (св. Юрий, царь волков) распределяет среди волков их будущую добычу[8]. В одном из вариантов рассказ этот выглядит так. «Пасли два пастуха овечье стадо; захотелось одному водицы испить, и пошел он через лес к колодцу. Шел, шел и увидел большой ветвистый дуб, а под ним трава вся примята и выбита. «Дай посмотрю, что тут делается», — сказал пастух и влез на самую верхушку дерева. Глядь — едет св. Георгий, а вслед за ним бежит многое множество волков. Остановился Георгий у самого дуба; начал рассылать волков в разные стороны и наказывает всякому, чем и где пропитаться. Всех разослал; собирается уж ехать; на ту пору тащится хромой волк и спрашивает: «А мне-то что ж?» Егорий говорит: «А тебе вон на дубу сидит!» Волк день ждал, два ждал, чтобы пастух слез с дерева, так и не дождался; отошел подальше и схоронился за куст. Пастух огляделся, спустился с дуба — и бежать! А волк как выскочит из-за куста: схватил его и тут же съел»[9].

Для защиты от волков соблюдают определенные запреты, например на Юрьев день не выполняют никаких работ, особенно связанных с шерстью, весной не выгоняют скот первый раз на пастбище босыми и т.д. Опасным считается и упоминать волка, чтобы тем самым не накликать его. Известны поговорки: «Про волка речь, а он навстречь», «Серого помянули, а серый здесь», «Сказал бы словечко, да волк недалечко». Чтобы избежать этой опасности, используют другие, заместительные названия волка: *зверь, серый, кузьма, бирюк, лыкус*. Чтобы волк не съел пасущуюся скотину, втыкают нож в стол, в порог или накрывают камень горшком со словами: «Моя коровка, моя кормилица надворная, сиди под горшком от волка, а ты, волк, гложи свои бока»[10]. На пастбище скот охраняет от волка первое яйцо от черной курицы. Для защиты скота от волка используются заговоры, обращенные к лешему, к святым — повелителям волков, с тем чтобы они уняли своих псов. Характерные мотивы заговоров — замок, ключ (просьба замкнуть пасть, зубы волкам замком, серебряными, райскими ключами), камень (отсылание волков к морю за белым горючим камнем, ограждение от них каменной стеной), железные, острые предметы (железные дубцы, острые мечи).

Считается, что на волка может наткнуться тот, кто поет в лесу и увидит ворона. Чтобы не встретить в пути волка, входя в лес, читают заговор «от злого зверя» или сорок раз говорят «Господи помилуй». При встрече с волком не двигаются, молчат, не дышат и прикидываются мертвым или же, наоборот, отпугивают его шумом: стучат железными предметами, кричат, свистят. Иногда кланяются, встают перед волком на колени, приветствуют или просят, например: «Здравствуй, молодец»[11], «Валчица, матушка, памилуй меня»[12]. Крестятся, произносят заклинания: «Атвярни мене, Господи, ат этага зверя»[13].

Части тела волка используются для приобретения отпугивающих свойств, агрессивности, жизненной силы и здоровья. Глаз, сердце, зубы, когти, шерсть волка часто служат амулетами и лечебными средствами. Волчий хвост носят при себе от болезней. Нередко оберегом служит само упоминание слова «волк». Так, о появившемся на свет теленке (жеребенке, поросенке) говорят: «Это не теленок, а волчонок»[14].

Повсеместно волк, перебегающий дорогу путнику, пробегающий мимо деревни, встретившийся в пути, предвещает удачу, счастье и благополучие. Волк, забежавший в деревню, — примета неурожая. Волки прокладывают свои тропы туда, где будет война. Множество волков сулит войну. Вой волков предвещает голод, вой под жильем — войну или мороз.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Запись автора.
2. Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 946.
3. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 290.
4. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 259.
5. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977. С. 33.
6. Там же. С. 33 — 34.
7. Сказки и предания Северного края. Сост. И. В. Карнаухова. Л., 1934. С. 219.
8. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская свадьба. Составители: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 238. № 934В*.
9. Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990. С. 172 — 173.
10. Дмитриев М. А. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1869. С. 258 — 259; Даль В. Указ. соч. С. 944.
11. Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 3: Животный мир в воззрениях народа. СПб., 1905. С. 446.
12. Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения и балканистики РАН, зап. О. В. Санниковой 1982 г., Брянская обл.
13. Там же, зап. О. А. Толстихиной 1982 г., Брянская обл.
14. Государственный музей этнографии народов СССР. Ф. 7 (Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева). Ед. хр. 1718. Л. 7 (Смоленская губ.).

ЮРИЙ БИРЮКОВ

«Прощание славянки»

Марш этот знают все. Стоит прозвучать первым аккордам, как древний старик, участник гражданской, припомнит бой, в котором отличился, а ветеран Великой Отечественной — затемненный вокзал, оркестр на перроне... В солдатской и матросской среде его окрестили «дембельским» маршем, ведь ни одно прощание с родной частью или кораблем не обходилось без «Прощания славянки».

В. И. Агапкин в пору создания марша «Прощание славянки» (1912).

Автору «Славянки» (так часто называют марш) В. И. Агапкину было девять лет, когда он впервые увидел военный оркестр. Музыканты в белых рубахах, перехваченные сверкающей медью духовых инструментов, шагали впереди походной колонны: 308-й резервный Царев батальон, дислоцировавшийся в Астрахани, отправлялся в летние лагеря.

Мальчик стоял на обочине дороги с холщовой сумой в руках: только что он собирал милостыню по дворам. Отец, грузчик на пристани, умер. Еще раньше Вася лишился матери.

И вдруг — оркестр, чарующая музыка.

Было это летом 1893 года. Мальчик увязался за оркестром, проводил его до самых ворот военного городка, а вскоре добился-таки: приютили его музыканты. Сохранился снимок той поры: хор музыкантов (так называли в дореволюционное время духовые оркестры) 308-го Царева батальона и среди них — Вася Агапкин с корнет-пистоном. Музыкальный слух у него был безупречный, и это определило его судьбу. Начав службу воспитанником-корнетистом, в 16 лет он стал уже солистом оркестра.

В 1906 году Василий Агапкин был призван в армию, в Тверской драгунский полк, под Тифлис. Отслужив срочную службу, переехал в Тамбов, где поступил в музыкальное училище, на медно-духовое отделение. Служить он определился в 7-й запасный кавалерийский полк штаб-трубачом.

Осенью 1912 года газеты много писали об освободительной борьбе балканских народов. В России пристально следили за военными действиями, сочувствовали братьям-славянам. Тогда-то и сочинил Василий Агапкин свое первое произведение, сразу прославившееся на всю Россию, — марш «Прощание славянки».

В основу марша была положена мелодия песни времен русско-японской войны, начинавшейся словами: «Ах, зачем нас забрили в солдаты, отправляют на Дальний Восток...», песни, по существу, запрещенной и распевавшейся солдатами «подпольно». Потому публикаций ее вы нигде не сыщете, разве что в записях фольклористов. Строй песни, ее интонации сказались и на характере марша, ведь военные звучат, как правило, бодро, бравурно, а «Славянка» начинается грустно и трогательно...

Оркестрованный известным военным капельмейстером и нотоиздателем Яковом Богорадом, марш «Прощание славянки» был вскоре издан. На обложке первого издания нот — рисунок: молодая женщина прощается с воином. Вдали видны Балканские горы, отряд солдат. И надпись: «Прощание славянки» — новейший марш к событиям на Балканах. Посвящается всем славянским женщинам. Сочинение Агапкина». «Славянку» подхватили и стали исполнять другие оркестры, ее записывали на грампластинки, а в августе 1914-го напев «Прощание славянки» молнией облетел едва ли не все вокзалы призывных пунктов России.

С той поры и поныне перронный гимн маршевых полков стал поистине всенародной музыкой. И все-таки справедливости ради следует сказать, что был в биографии «Славянки» довольно длительный период забвения, она была даже запрещена. А всему виной — песенные варианты, сочиненные на эту музыку в годы гражданской войны «по другую сторону баррикад».

Но несмотря на запрет, «Славянку» продолжали исполнять в русской глубинке. В духовых оркестрах. Деревенские гармонисты пиликали его на проводах парней в армию. Сочинялись на этот мотив и новые тексты. Одну из таких песенных версий марша запели в армейском строю вскоре после окончания Великой Отечественной:

Отгремели военные грозы,
Над страной подымалась заря...
Что ж ты, милая, смотришь сквозь слезы,
Провожая меня в лагеря.

Не плачь, не горюй,
Напрасно слез не лей,
Лишь крепче поцелуй,
Когда придем из лагерей.

Лица дышат здоровьем и бодростью,
Под ногами гудит полигон,
И мы носим с заслуженной гордостью
Эту тяжесть солдатских погон.

Ведь не зря изучаем мы тактику.
А придется — в суровом бою
Вспомним нашу армейскую практику
И любимую роту свою...

Подобного рода песенным версиям несть числа, однако мне более всего по душе слова на эту музыку поэта Владимира Лазарева (его текст марша я и привожу ниже). Как-то я спросил Владимира, чем привлекла его мелодия марша.

— Знаете, в чем привлекательность и сила этого марша, — ответил он. — Не воинственность, которую тщатся приписать иные недоброжелатели, а сочувствие, сострадание, сопричастность чужому горю, чужой беде, отзывчивость на чужую боль. Все это как раз и пытаются ныне искоренить, вытравить, высмеять.

А как же сложилась судьба самого автора «Прощания славянки»? После первой мировой он сменил трубу на кавалерийский клинок, воевал на фронтах гражданской в 1-м Красном гусарском Варшавском полку Западной дивизии.

В мирное время молодого музыканта назначили военным капельмейстером одного из оркестров Тамбовского гарнизона. В 1922 году Василий Агапкин и его оркестр стали победителями смотра, который состоялся в Москве — там их и оставили для прохождения дальнейшей службы. В столице Василий Иванович продолжил свои композиторские опыты. И особенно преуспел в жанре вальса. «Волшебный сон», «Любовь музыканта», «Голубая ночь» и многие другие его сочинения любили слушать москвичи в парках и с эстрады сада «Эрмитаж», где регулярно выступал оркестр под управлением Агапкина.

Василий Иванович Агапкин прожил 80 лет и более 60-ти из них отдал военной музыке. Звездным часом стал для него военный парад 7 ноября 1941 года в Москве. Агапкин дирижировал сводным военным оркестром Московского гарнизона, провожая участников парада с Красной площади прямо в бой.

Событие это в наши дни довольно подробно описано в книгах и очерках, авторы их не правы только в одном: на том памятном ноябрьском параде «Прощание славянки» оркестр не исполнял, поскольку, как я уже упомянул, он был запрещен. Не звучал он и во время Парада Победы в 45-м году. Полковник Василий Иванович Агапкин встречал на параде победителей как помощник главного дирижера сводного тысячетрубного оркестра генерал-майора С. А. Чернецкого.

«Реабилитировала» и вернула нам марш кинокартина «Летят журавли». Есть там замечательная сцена — проводы добровольцев. Помните? Многолюдье провожающих у двора школы, где происходит сбор. Вдоль решетки мечется Вероника, ведь где-то здесь ее Борис. Напряжение последних секунд. Отчаяние. И в это мгновение оркестр грянул марш «Прощание славянки»...

Он звучал потом и в «Белорусском вокзале», и в «Великой Отечественной», и во многих других фильмах, спектаклях и телевизионных передачах, посвященных военной теме. Его фонограмму «подложили» и под документальные съемки того самого парада 1941 года на Красной площади, задним числом, как говорится.

А завершить свой рассказ хочу призывом: памятник бы этому маршу! Боже мой! Какой это мог быть памятник! Мужчина и женщина — мать, сестра, певица — прощаются... Это должно быть нечто такое, как у Родена, в его «Вечной весне», — на каком-то особом движении ветра...

У меня рука легкая. Я в памятник верю и думаю, что мечта моя сбудется...

Напоминаем слова:

Наступает минута прощанья.
Ты глядишь мне тревожно в глаза,
И ловлю я родное дыханье...
А вдали все темнее гроза.

Дрогнул воздух туманный и синий,
И тревога коснулась висков.
Призывает на подвиг Россия,
Веет ветром от шага полков.

Прощай, отчий край.
Ты нас вспоминай.
Прощай, милый взгляд.
Дай Бог, вернуться нам назад!

Летят, летят года...
Уходят во мглу поезда,
А в них — солдаты.
И в небе темном
Горит солдатская звезда.

Лес да степь, да в степи полустанки...
Можем встретить мы грозные дни.
Но любовь и прощанье Славянки
Сокровенно в душе сохрани!

Нет, не будет душа безучастна —
Справедливости светят огни...
За любовь, за великое братство
Отдавали мы жизни свои.

Прощай, отчий край.
Ты нас вспоминай.
Прощай, милый взгляд.
Не все из нас придут назад.

Летят, летят года...
А песня — ты с нами всегда:
Тебя мы помним,
А в небе темном
Горит сочувствия звезда.

Прощай, отчий край.
Ты нас вспоминай.
Прощай, милый взгляд.
Дай Бог, вернуться нам назад!

«Уральская рябинушка»

Было время, когда песни Евгения Родыгина мы слышали очень часто, сами их пели, да и сейчас поем, в праздники, на гулянье, всюду, где только принято петь, — такие они напевные, жизненные, легко запоминающиеся.

«Над рекой туман», «Куда бежишь, тропинка милая?», «Небо темно-синее», «Белым снегом», «Лен мой, лен» — созвездие прекрасных песен, давно и по праву ставших народными. Но, пожалуй, самая знаменитая из них — «Уральская рябинушка». Про нее-то я и хочу рассказать. Вернее, расскажет-то сам композитор, Евгений Павлович (запись этой беседы я сделал в середине 80-х годов).

— Откуда во мне любовь к музыке? Думаю, что от матери моей, Елены Николаевны. Любила она дома играть и петь под гитару, была постоянной участницей самодеятельности и вдобавок ко всему научилась в 70 с лишним лет вполне прилично играть на баяне. Отец мой, Павел Николаевич, гармошку любил.

Не последнюю роль сыграли и впечатления, которые я черпал, когда родители ходили по праздникам в гости и меня брали с собой. Я слушал песни, которые взрослые пели под гитару и без музыкального сопровождения, на несколько голосов, с подголосками... Песни эти живут во мне до сих пор.

Ну а если вспоминать об «Уральской рябинушке», то не считаю зазорным признать, что она пошла от популярной на Урале народной песни «На пригорке земляничка» (а в других местах она называется «За грибами в лес девицы»). У нашей свердловской поэтессы Елены Хоринской есть стихотворение с такими четырьмя строчками: «Ой, рябина кудрявая на горе крутой! Ой, рябина-рябинушка, не шуми листвой...» Как-то, беседуя с ней, я увидел на ее рабочем столе листок с этими словами. И пока мы разговаривали, я про себя вложил эти строчки в тот мотив припева, который так и остался в песне. Пришел после этой встречи домой, наиграл, спел. А потом к припеву досочинил запев и на другой день примчался к Елене Евгеньевне, стал просить, чтобы она написала дальше. Вскоре получил от нее текст.

Но песня не прижилась. Почему? Я почувствовал, что все дело в том, что текст с музыкой явно не в ладах, и заказал новые стихи Михаилу Пилипенко, тогдашнему редактору молодежной газеты «На смену». Работали вместе: я был, так сказать, выбраковщиком, а он — первоисточником всех вариантов, которые примерялись к мелодии. Особенно трудно далось нам начало песни. Дальше все выстроилось легко.

В последние годы как-то утрачивается традиция коллективного, семейного пения, домашнего музицирования, без чего раньше не обходились ни один праздник или семейное торжество. И все-таки я остаюсь оптимистом, верю в нашу песню.

Напоминаем слова:

Вечер тихой песнею
над рекой плывет.
Дальними зарницами
светится завод.
Где-то поезд катится
точками огня,
Где-то под рябинушкой парни
ждут меня.

Припев:
Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы,
Ой, рябина, рябинушка,
Что взгрустнула ты?

Лишь гудки певучие
смолкнут над водой,
Я иду к рябинушке
тропкою крутой.
Треплет под кудрявою
ветер без конца
Справа кудри токаря,
слева — кузнеца.

Припев.

Днем в цеху короткие
встречи горячи,
А сойдемся вечером —
сядем и молчим...
Смотрят звезды летние
молча на парней
И не скажут ясные, кто
из них милей.

Припев.

Укрывает инеем
землю добела.
Песней журавлиною
осень проплыла.
Но все той же узкою
тропкой между гор
Мы втроем к рябинушке
ходим до сих пор.

Припев.

Кто из них желаннее,
руку сжать кому?
Сердцем растревоженным
так и не пойму.
Хоть ни в чем не схожие,
оба хороши...
Милая рябинушка,
сердцу подскажи!

Припев:
Ой, рябина кудрявая,
Оба хороши.
Ой, рябина, рябинушка.
Сердцу подскажи!

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ГОРОД ТЕАТРОВ...

На этот раз вместо комментария к старинным снимкам Астрахани мы решили дать извлечения из книг, отчетов современников той поры. Итак, читайте...

«Чем ближе подъезжаете к Астрахани, тем раздольнее и шире становится Волга; ширина ее достигает необычайных размеров: вы видите громадную гавань, покрытую множеством судов с целым лесом мачт; а позади виднеется сам город, увенчанный собором. Ни в одном русском городе нельзя встретить столь разнообразной коллекции речных и морских судов, как в Астрахани, и нигде нет такого поразительного разнообразия типов, костюмов, наречий. С первого взгляда может показаться, что родной тип великоруса как будто затерялся среди иноплеменного и разноязычного населения: на судах — немцы, шведы, персияне, на берегу — армяне, калмыки, татары; слышится чужеземный говор, везде виднеются остроконечные шапки, чухи, чалмы, балахоны и халаты; но зато везде встречается и русский элемент — и вы чувствуете, что этот элемент всему дает тон, все сплачивает воедино. Русская мысль крепко утвердилась в Астрахани, отсюда она распространяется по всему побережью Каспийского моря, до берегов Персии и теперь проникает в глубь Средней Азии. Все говорят, что Астрахань полуазиатский город — пыльный, грязный, зловонный. Это сущая правда. А что, если бы Астрахань своей внешностью и порядками походила на Берлин или Гамбург? Могла ли она тогда служить чем-то вроде клуба, куда являются хивинцы, номуды, бухарцы, текинцы и прочие представители Востока, являются без стеснения, знакомятся здесь с русскими, присматриваются к их порядкам и заводят торго-

вые сношения?» — так описывается Астрахань конца прошлого века.

А в справочнике «Спутник по Волге» читаем: «Порядочных гостиниц нет; лучшие номера Мочалова очень грязны, но стол удовлетворительный. За отсутствием гостиниц приходится останавливаться в номерах Михайлова на Косе, помещающихся в двух домах: в одном (3-этажном) номера от 2 до 7 рублей в сутки, в другом (2-этажном) от 1 р. 25 к. до 3 р.

Икра и балыки в магазине Шапошникова на Губернаторской площади в садках и лавках неподалеку от пассажирских пристаней. За свежей икрой надо посылать на Пеший базар рано утром часов в 5—6, когда потрошат белугу и осетра.

Астраханские вина, приобретшие громкую известность, с каждым годом ухудшаются; для закупки вин предварительно надо посоветоваться с кем-либо из местных жителей.

Виноград, дули и персики — в садах, сосредоточенных у села Черепаха, в 8 верстах от города.

Персидские и бухарские ковры, шелковые платки и т. п. в магазине Конурина у соборной колокольни — выбор большой; подешевле — в персидской лавке в губернаторском доме».

Любопытно, что нигде нет даже упоминания о знаменитых астраханских арбузах. Зато Александр Дюма, в середине прошлого века побывавший в Астрахани, дает объяснение этому факту: «Напрасно мы расспрашивали об арбузах — нам постоянно отказывали в этом съестном как недостойном приезжих гостей. Они настолько распространены, что хотя они, как мы слышали, и превосходны на вкус, никто их не ест. Чтобы все-таки попробовать их, мы сами были вынуждены отправиться на базар для их покупки. Нам продали арбуз весом 7 или 8 килограмм за четыре су».

Но вернемся к справочнику «Спутник по Волге». Вот что его составители пишут о возможных развлечениях: «В городе существует один клуб. По вечерам публика развлекается в загородном саду Полякович, очень жалком, дурно освещенном и богатом темными углами. Здесь помещается летний театр. Внутри города имеются два крошечных сада — Полицейский и Губернаторский, где по вечерам молодежь обоего пола обделывает свои маленькие делишки.

По понедельникам, средам и субботам (дни отхода пароходов) публика стекается по вечерам на пристань общества «Кавказ и Меркурий»; здесь открывается форменное гуляние, которое носит название «жидовского», так как наибольшее стечение публики на пристани бывает по субботам».

Кстати, о театре. В конце прошлого века театр, по свидетельству современников, пользовался особенным вниманием у астраханцев. Как пишет один из них, «публикой овладело что-то вроде «театрального сумасшествия», выразившееся в страстном отношении одной театральной партии к другой; в преподнесении безумных подарков, иногда диких в своей щедрости, безголосым, бесталанным и даже безобразным актрисам, в подносении адресов опереточным актерам и, наконец, в громадном скандале, устроенном 3 февраля 1884 года антрепренеру П. М. Медведеву».

Пламенная страсть горожан к театру подвигла одного из местных богатеев построить на собственные деньги еще один театр. Некто Н. Н. Плотников по своему плану соорудил четырехъярусное помещение, оборудованное на самом современном техническом уровне — электрическое освещение, паровое отопление. Но так как его создатель не имел никакого образования и не был знаком с инженерным искусством, театр оказался очень неудобным — малюсенькие закулисные помещения, плохая акустика. Но все это не мешало буквально кипеть театральным страстям в городе...

Надо сказать, любовь к своему городу и богатство его некоторых жителей в начале прошлого века позволили Астрахани заметно поднять культурный уровень горожан. Здешние богачи жертвовали сотни тысяч на постройку и украшение храмов и «вместе с тем были отзывчивы на все общественные нужды и благотворительные цели».

Так, купец-армянин Агабадов устроил в 1810 году за свой счет школу для армянских детей и добился того, что учебная програм-

Верблюдъ въ упряжи.

АСТРАХАНЬ Приготовленіе икры.

Астрахань. Кутумъ, домъ Шелихова.
Astrachan. Kutum. Haus Schelichow.

АСТРАХАНЬ Уборка рыбы въ тары

ма его детища была значительно усовершенствована по сравнению с другими начальными школами. Купец Колпаков пожертвовал в пользу открывшегося в 1836 году института для девиц благородного и купеческого сословий 112 тысяч рублей — деньги по тем временам огромные; купец Сапожников устроил в 1831 году «сиротовоспитательное заведение» для мальчиков и девочек и содержал его на свои средства.

И все равно денег на благоустройство города не хватало. В своем «географическом романе» «От Парижа до Астрахани» Дюма так описывает состояние города: «Мостовая является роскошью, совершенно неизвестной в Астрахани. Зной превращает улицы в пыльную Сахару, дождь — в озера грязи». А в одном из отчетов сообщалось: «Дворы обывателей нуждаются в применении к ним самых серьезных мер ассенизации: здесь господствует восточная нечистота и убийственные миазмы, вообще санитарное состояние города самое жалкое».

Отделы редакции:

древней истории (**202-47-98**) — Ю. А. Борисёнок,
военной истории (**202-74-45**) — Д. И. Олейников,
истории культуры (**202-74-45**) — И. Е. Мазилкина,
новейшей истории (**202-24-36**) — Т. О. Максимова,
публицистики (**202-09-98**) — П. И. Спивак,
иллюстраций (**202-01-25**) — Л. С. Ковалев,
распространение (**202-34-39**),
реклама (**202-17-45**).

Сдано в набор 19.02.94. Подписано к печати 16.05.94. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 90000 экз. Заказ № 1547 Цена в розницу — договорная, по подписке 100 руб.
Адрес редакции: 103009, Москва, ул. Воздвиженка, д. 4/7.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.